

Филип Дик

Кланы Альфанской Луны

Глава 1

Перед тем как войти в зал Высшего Совета, Габриэль Бэйнс послал вперед симулакрума, чтобы удостовериться, нет ли засады. Искусно сконструированный робот, созданный изобретательным кланом манов, был полным подобием Бэйнса и мог выполнять множество функций. Однако Бэйнс использовал его только в качестве телохранителя, ибо безопасность была главной жизненной целью Бэйнса, заявкой на полноправную принадлежность к клану паров, которые обитали в поселении Адольфвилл, неподалеку от северного полюса Луны.

Бэйнс, естественно, много раз выезжал из Адольфвилла, однако чувствовал себя в безопасности - или, скорее, в относительной безопасности - только здесь, за мощными стенами города паров. Этот факт неопровержимо доказывал, что притязание на членство в клане отнюдь не являлось изощренной уловкой, с помощью которой он получал доступ в самую укрепленную и способную выдержать долгую осаду городскую зону на Луне. Бэйнс был предельно откровенен с собой... Будто кто-то сомневался в его искренности.

Взять, например, его недавний визит в ужасные лачуги гебского поселения. Он разыскивал сбежавшую бригаду рабочих; предполагалось, что гебы просочились обратно в Гандитаун. Сложность состояла в том, что все гебы - по крайней мере, с точки зрения Бэйнса - выглядели одинаково: сутулые и грязные, в пропахшей потом одежде, гебы не могли сосредоточиться ни на одном мало-мальски серьезном деле; они умели только хихикать и годились исключительно для черной физической работы. Однако для латания постоянно ветшающих укреплений Адольфвилла - хищные маны не дремали - всегда требовалась рабочая сила, поскольку ни один пар не стал бы унижаться и пачкать руки Физическим трудом.

Как бы там ни было, среди полуразвалившихся гебских хижин на Бэйнса накатывал ужас и преследовало постоянное ощущение опасности - ведь на этой помойке было совершенно негде укрыться. Однако гебов это не волновало - они существовали посреди собственных отбросов в состоянии полного душевного равновесия.

На сегодняшнее заседание Совета, который представлял все кланы и созывался дважды в году, гебы, конечно, тоже пришлют своего человека. Вероятнее всего, толстуху Сару Апостлс со всклокоченной и грязной шевелюрой. И ему, парскому делегату, придется терпеть ее присутствие, отворачиваясь и зажимая нос.

Но самым зловещим будет, безусловно, представитель манов. Как и всякий пар, Габриэль ненавидел манов лютой ненавистью. Их безрассудная агрессивность шокировала, а разум отказывался понимать жестокие и беспричинные выходки. Многие годы Бэйнс считал манов врагами, однако это не объясняло их поведения. Маны просто обожали насилие, все и все. Кроме того, они любили поиздеваться и постоянно запугивали остальные кланы, особенно паров.

Подобные мысли отнюдь не прибавляли Бэйнсу смелости в предстоящем диалоге с Говардом Струу, манским делегатом.

Наконец вернулся симулакрум и с легким жужжанием, похожим на одышку астматика, доложил с неизменной улыбкой "а-ля Бэйнс":

- Полный порядок, господин. Паралитических газов и электрического напряжения большой мощности не обнаружено. Вода в графине не отравлена, радиация в норме, взрывные устройства

отсутствуют. Могу порекомендовать вам войти.

- К тебе никто не приближался? - настороженно спросил Бэйнс.

- Там еще никого нет, - ответил биоробот. - Если не считать геба, который подметает пол.

Бэйнс осторожно приоткрыл дверь, предварительно толкнув ее в другую сторону, что было очень существенно. Геб с идиотски-счастливым, типично гебским выражением лица неторопливо и старательно водил метлой по полу. Казалось, работа доставляет ему несказанное удовольствие. Вероятно, даже в течение многих месяцев она не надоела бы ему: гебов не утомляло однообразие, так как они не понимали, в чем, собственно, заключается разнообразие.

"Однако в такой простоте есть свои преимущества", - подумал Бэйнс. Одно время - правда, очень недолгое - его впечатляли проповеди известного гебского святого Игнатия Ледебура, который кочевал из города в город, распространяя бесхитростную умиротворенность своей философии. И этот тоже, определенно, не опасен...

По крайней мере, гебы не старались изменить людей, как, например, мистики-шизы. Гебы добивались одного - покоя и умиротворенности. Они не желали знать никакой ответственности и забот и постепенно становились, как представлялось Бэйнсу, все более отрешенными, приближаясь к растительному существованию, которое, с точки зрения геба, являлось идеалом.

В который раз проверив свой лазерный пистолет - он действовал, - Бэйнс решил, наконец, войти. Осторожно, шаг за шагом, он прокрался в зал, опустился на стул, потом резко пересел на другой - первый стоял у окна, и там Бэйнс представлял бы из себя отличную мишень для всякого, кто находился снаружи.

Чтобы как-то развлечься, дожидаясь остальных делегатов, Бэйнс решил немного подшутить над гебом.

- Как тебя зовут? - спросил он.

- Як-коб Симион, - ответил тот, взмахивая шваброй и все так же глупо улыбаясь: никакой геб не в состоянии догадаться, что его разыгрывают. А если и догадывается, то не подает виду. Полное безразличие ко всему на свете - таков их принцип.

- Тебе нравится твоя работа, Якоб? - спросил Бэйнс, закуривая сигарету.

- А как же, - промямлил геб и хихикнул.

- Ты постоянно этим занимаешься?

- Что? - Геб, казалось, не понял вопроса.

В это время дверь открылась, и появилась пухленькая симпатичная Аннет Голдинг, делегат от клана поли, с сумочкой под мышкой и румянцем на щеках. Ее зеленые глаза блестели, грудь вздымалась.

- Я думала, опоздала.

- Нет-нет. - Бэйнс встал и предложил девушке сесть. Профессионально оглядев ее, он не заметил никаких признаков оружия.

"Однако во рту у нее может быть резиновый карманчик с ядовитыми спорами в капсулах", - отметил про себя пар, пересаживаясь на самый дальний стул за большим столом. Дистанция... Весьма надежный фактор.

- Жарко, - проговорила Аннет, все еще тяжело дыша. - Я думала, что опаздываю, и бежала вверх по лестнице. - Она Улыбнулась ему детской улыбкой, столь характерной для поли.

"Черт возьми, до чего привлекательная девица, - подумал Габриэль Бэйнс. - Ей бы только сбросить немного веса..."

- Аннет, - начал Бэйнс в который уже раз, - вы такая милая девушка и до сих пор не замужем. Вот если бы вы вышли за меня...

- Да, Гэйб, - улыбнулась Аннет. - Я тогда была бы под надежной защитой: лакмусовые бумажки в каждом углу, паутина охранной сигнализации, анализаторы, датчики...

- Когда вы, наконец, повзрослеете, дорогуша, - раздраженно прервал ее Бэйнс.

Он даже не знал, сколько ей лет - как и все поли, она казалась ему вечным ребенком. Ведь поли не взрослели - они оставались детьми навсегда. Ведь что такое полизм, как не продление на всю жизнь безоблачного детства? Кроме того, дети всех кланов Луны рождались поли и обучались в одной центральной школе как представители этого клана. Между ними не возникало различий до десятого или одиннадцатого года жизни. А некоторые, как Аннет, так никогда и не менялись.

Аннет открыла сумочку, достала пакетик с карамелью и принялась жадно поглощать конфеты.

- Я нервничаю, поэтому должна есть, - пояснила она. - Потом протянула пакетик Бэйнсу, но тот отказался. "Никогда не знаешь заранее, что у другого на уме..." Бэйнсу на протяжении тридцати пяти лет удавалось сохранять свою жизнь в неприкосновенности, и теперь совсем не хотелось потерять ее из-за подобного пустяка. Все должно быть просчитано, продумано наперед, если он хочет прожить еще столько же.

- Полагаю, от клана шизов в этом году снова будет Луис Манфретти, - сказала Аннет. - Я всегда наслаждаюсь его выступлениями: он рассказывает такие интересные вещи о своих видениях первобытного мира. О драконах земли и неба, о потустороннем мире, о чудовищах, которые сражаются под землей. - Она задумчиво пососала конфету. - Как вы думаете, Гэйб: эти видения реальны?

- Чушь собачья, - убежденно заявил Бэйнс.

- Почему же они тогда размышляют и говорят об этом так серьезно?

- Нужно только поверить в то, что говоришь, и все сразу встанет на свои места. Вот так-то.

Вдохнув носом воздух, он уловил некий неестественный аромат - нечто сладкое. Потом понял, что это запах волос Аннет, и успокоился.

- Какие у вас прекрасные духи, - заметил он, прикидываясь простодушным. - Как они называются?

- "Ночь страсти", - ответила Аннет. - Я купила их здесь, у уличного торговца с Альфы II. Обошлись мне в девяносто долларов, но пахнут прекрасно, не правда ли? Отдала всю месячную зарплату... - В ее зеленых глазах мелькнула печаль.

- Выходите за меня замуж... - снова начал Бэйнс, но осекся, заметив представителя клана депов.

Деп застыл в дверях; его неподвижный взгляд, лицо со впалыми щеками и отпечатком страдания сразу достали Бэйнса до самых печенок.

"Господи... - вздохнул Габриэль, так и не определив, какое чувство испытывает к этому парню: жалость или презрение. - А ведь они могли бы встряхнуться, ожить, будь в них хоть капля смелости..."

Однако смелость начисто отсутствовала в депском поселении Коттон Мэтр, расположенном на юге. Его представитель всем своим видом олицетворял данный недостаток - торчал на пороге, погруженный в свой мрачный фатализм, и боялся войти, сделать хоть шаг, который казался ему роковым... Нав, например, в той же ситуации просто сосчитал бы до двадцати двойками, развернулся и убежал прочь.

- Входите пожалуйста, - мягко, но убедительно предложила Аннет, указывая на стул.

- Будет ли польза от этой встречи? - вымолвил деп и медленно вошел, с усилием переставляя ноги. - Снова будем скандалить и рвать друг друга на части... Не вижу никакого смысла в таких сборищах.

Завершив свою небольшую речь, он все-таки сел, опустив голову на грудь и крепко сжав дрожащие пальцы.

- Я Аннет Голдинг, поли, - представилась Аннет, - а это Габриэль Бэйнс, пар. А вы ведь деп, не так ли? Судя по тому, как вы устали в пол. - Она засмеялась, но в ее смехе слышалась

симпатия.

Деп ничего не ответил, даже не назвал своего имени. Бэйнс знал, что говорить с депами чрезвычайно сложно - они едва могли найти силы для беседы. Этот, вероятно, из страха опоздать тронулся в путь очень рано и перенапрягся.

"Очень характерно для них, - думал Бэйнс. - Депы бесполезны даже для самих себя, не говоря уже о других кланах. Почему они не вымирают? Не могут даже работать, в отличие от гебов, а просто лежат на земле и смотрят в небо невидящим, безнадежным взглядом".

Наклонившись к Бэйнсу, Аннет тихо произнесла:

- Подбодрите-ка его, Гэйб.

- Ну уж нет, - возмутился Бэйнс. - Какое мне до него дело? Сам докатился до такой жизни. А мог бы измениться, если б захотел. Сделал бы над собой усилие и поверил в хорошее. Но его участь ненамного хуже нашей. А может, даже лучше. Они ведь работают в час по чайной ложке... Мне бы очень хотелось делать в год столько, сколько средний деп.

Через высокую дверь в зал прошла тощая пожилая дама в длинном сером пальто. Это была Ингрид Хибблер из клана навов. Бубня себе под нос "счастливые числа", она обследовала зал, постукивая костяшками пальцев по спинкам стульев.

Бэйнс и Аннет ждали; геб перестал мести, поднял голову и хихикнул. Деп продолжал невидящими глазами смотреть в пол. Наконец госпожа Хибблер обнаружила стул, номер которого ее удовлетворил. Выдвинув его, она примостилась на краешке: руки сложены, пальцы в движении, будто ткут невидимое полотно, способное ее укрыть.

- На стоянке я наткнулась на Строу, - сообщила она и сосчитала несколько раз про себя. - Представителя манов. Ужасный человек, чуть не задавил меня. Пришлось... - Она замолчала. - Не обращайтесь внимания. Однако сложно отделаться от раздражения, которое вызывают маны. - Ингрид Хибблер передернула плечами.

- Если в этом году от шизов опять будет Манфретти, - сказала Аннет, не обращаясь ни к кому конкретно, - он, скорее всего, войдет сюда через окно, а не через дверь. - Аннет весело рассмеялась; взмахивающий шваброй геб присоединился к ней. - Итак, нам осталось дожидаться представителя гебов.

- Я делег-гат от Гандитауна, - отрекомендовался геб Якоб Симион, не прекращая мести. - Я п-просто решил немного п-при-браться, пока ждал остальных. - Он бесхитростно улыбнулся.

Бэйнс вздохнул. "Представитель гебов - уборщик. Конечно, они все такие. Если не внешне, то в глубине души".

Теперь отсутствовали только делегаты от шизов и манов.

"Небезызвестный Говард Строу, вероятно, появится, когда закончит шарить по стоянке в надежде уязвить еще кого-нибудь из прибывающих делегатов. - Бэйнс задумался. - Но пусть только попробует напугать меня".

Пистолет на боку Бэйнса не был игрушкой. Кроме того, у него еще оставался симулякр, который ждал сигнала за дверями зала.

- А зачем мы вообще собрались? - спросила госпожа Хибблер и начала быстро считать, закрыв глаза и перебирая пальцами. - Раз, два... Раз, два...

- Разнесся слух, что к нашей Луне приближается странный корабль, - сказала Аннет. - Явно не торговец с Альфа II, мы уверены в этом.

Она продолжала поглощать конфеты. Бэйнс с удивлением отметил, что пакет почти пуст. Он знал, что у Аннет нарушение в мозгу - нечто вроде "синдрома обжорства". Когда она нервничала или волновалась, "синдром" проявлялся сильнее.

- Корабль, - пробормотал деп, неожиданно возвращаясь к жизни, - Возможно, он поможет нам выбраться из нашей дыры.

- Какой дыры? - спросила Ингрид Хибблер. Дед дернулся и изрек:

- Сами знаете. - На это ушли остатки сил, и он снова погрузился в безмолвное оцепенение.

"Для дедов все, что ни происходит, - катастрофа. Впрочем, любые перемены для них еще хуже.

- Презрение Бэйнса к деду усилилось. - Но корабль. Это уже серьезно... Ман Строу, вероятно, знает, в чем дело. На Высотах Да Винчи у манов есть хитроумные приборы для наблюдения за космосом - возможно, весть пришла оттуда... Если, конечно, шизы не обнаружили корабль в своих видениях".

- Возможно, это ловушка, - произнес Бэйнс вслух. Все присутствующие, включая мрачного деду, уставились на него - даже неутомимый геб перестал мести.

- Маны способны на все, - объяснил Бэйнс. - Они стараются ввести нас в заблуждение, чтобы потом добиться своего.

- Зачем? - пролепетала Ингрид Хибблер.

- Вы же знаете, как они ненавидят все остальные кланы! Это жестокие и невежественные люди, грязные пираты, которые хватаются за оружие всякий раз, когда слышат слово "культура" «Автором данного высказывания является немецкий драматург Йодль, хотя наибольшую известность оно приобрело в устах доктора Геббельса - Прим, перев.». В этом весь смысл их жизни, как у древних готов или гуннов.

Бэйнс остановился, хотя и чувствовал, что не до конца выразил свою мысль. Говоря по правде, он и сам не знал, отчего маны столь агрессивны. Если только - согласно его теории - не из простого желания причинить боль ближнему.

"Нет, - думал он, - здесь кроется еще кое-что. Злоба и зависть - они завидуют нам, потому что мы культурнее. Хотя все кланы разные, у нас нет порядка, какого-либо единства, только смесь так называемых созидательных проектов, которые, скорее всего, так никогда и не воплотятся в жизнь..."

- Да, надо признать, господин Строу несколько невоспитан, - медленно проговорила Аннет. - Его даже можно назвать дерзким. Но зачем ему распускать слух о чужом корабле, если таковой не обнаружен? Вы не привели ни одной веской причины, Габриэль.

- Но я знаю, - упрямо продолжал Бэйнс, - что маны, и особенно Говард Строу, настроены против нас. Мы должны действовать, чтобы защитить себя от... - Он умолк, поскольку дверь открылась, и в зал резкими шагами влетел сам Строу.

Рыжеволосый, высокий и мускулистый, он нагло усмехался. Появление вражеского корабля на их маленькой Луне, казалось, ничуть не волновало его.

Оставалось дожидаться шизского делегата, который, как обычно, мог опоздать на час. Вероятно, он блуждал в трансе, затерянный в своих облачных видениях субреальности, изначальных космических сил, лежащих в основе шизской концепции Вселенной - постоянного видения так называемого "временного под-мира".

"Во всяком случае, уже можно устраиваться поудобнее, - решил Бэйнс, - насколько это возможно, конечно, в присутствии Строу, а также Ингрид Хибблер".

Бэйнс не горел желанием общаться с обоими. Вообще-то ему не было никакого дела и до всех остальных, за исключением, пожалуй, Аннет. Ведь у нее такая большая, волнующая грудь. А он опять не продвинулся с ней ни на шаг. Как обычно.

Но, по крайней мере, это не его вина. Все поли одинаковы: совершенно невозможно предугадать, какую линию поведения они изберут. У них начисто отсутствовала целеустремленность, диктуемая законами логики. Но все-таки поли не походили ни на погруженных в свои фантазии шизов, ни на опустившихся гебов. Жизнь была в них ключом, это и привлекало его в Аннет - свежесть восприятия, живость.

Действительно, рядом с ней он ощущал себя металлически-жестким, заключенным в некий

стальной каркас, вроде архаичного оружия давно прошедшей, бессмысленной войны. Ей было двадцать, ему - тридцать пять; возможно, именно здесь крылась разгадка. Однако Бэйнсу не хотелось так думать. Ему казалось - и он даже готов был поклясться в этом - что Аннет ЗАСТАВЛЯЕТ его чувствовать себя подобным образом.

"Она сознательно старается вывести меня из равновесия".

И, как бы в ответ на эти мысли, Бэйнс вдруг ощутил свою холодную, целенаправленную ненависть пара к Аннет.

Взглянув на нее, Бэйнс обнаружил, что та, словно в забытьи, продолжает опустошать пакетик с карамелью.

Делегат Высшего Совета от клана шизов Омар Даймонд неподвижно смотрел на расстилавшийся перед ним пейзаж и видел, одновременно на земле и в небе, двух драконов - белого и красного, Дракона Жизни и Дракона Смерти. Чудовища сплелись в жесткой схватке, равнина под ними полыхала, а небо над головой иссекли молнии. Угасающее, умирающее бледное солнце дарило миру последний проблеск надежды.

- Стойте! - приказал Омар, простирая руку к драконам. Мужчина и молодая женщина с волнистой прической, шедшие мимо него по тротуару, недоуменно остановились.

- Что с ним? - спросила женщина. - Чем он занят?

- Это шиз, - пояснил мужчина, с интересом наблюдая за Омаром. - Затерялся в видениях, бедолага.

- Извечные враги вышли на последнюю битву, - провозгласил Омар Даймонд. - Силы жизни на грани поражения. Так кто из нас примет фатальное решение и принесет себя в жертву, дабы влить в них новые силы?

Мужчина, подмигнув жене, сказал:

- Знаешь, если задать этим парням вопрос, то иногда можно получить весьма любопытный ответ. Давай-ка, спроси его о чем-нибудь. Только пусть это будет нечто глобальное, типа: "В чем смысл жизни?", а не "Где ножницы, которые я потеряла неделю назад?" - Он подтолкнул жену вперед.

Тщательно подбирая слова, женщина обратилась к Омару:

- Извините пожалуйста, но меня очень волнует вопрос: есть ли жизнь после смерти?

- Смерти не существует, - изрек Омар, уязвленный таким дремучим невежеством. - То, что вы называете "смертью", есть всего лишь стадия развития, при которой жизнь пребывает в спящей форме, ожидая следующего воплощения.

Он указал рукой вдаль.

- Видите? Дракона Жизни невозможно умертвить: его кровь бежит красным потоком по лугу, рождая реинкарнации. Семя, упавшее в почву, непременно восстанет в своей первозданности. - Омар зашагал прочь, позабыв о собеседниках.

"Мне надо идти к шестиэтажному зданию, - напомнил себе Омар. - Они там, весь этот Совет. Варвар Говард Стру. Полоумная Ингрид Хибблер, одолеваемая числами. Аннет Голдинг, так называемое олицетворение жизненности, которая сует нос во все, чтобы стать живее. Габриэль Бэйнс, постоянно защищающий себя в мире, который ему ничем не угрожает. Простак со шваброй - вот он-то как раз ближе всех к Богу. И еще один, печальный, позабывший свое имя,

который никогда не поднимает головы. Как же мне называть его? Наверное, Отто. Нет, назову его Дино. Дино Уоттерс. Мечтает о смерти, не ведая, что живет в ожидании несбыточного чуда, ведь даже смерть не в силах спасти его от самого себя".

Остановившись у стены шестиэтажного дома, самого высокого в парском поселении Адольфвилл, он взлетел и, зависнув у нужного окна, зацарапал по стеклу ногтем, пока ему не открыли.

- А разве господин Манфретти не придет? - спросила Аннет.

- В этом году он недосыгаем, - объяснил Омар. - Перейдя в другую реальность, он погрузился в сон, и его принудительно кормят через нос.

- Ах, - передернула плечиками Аннет. - Кататония.

- Ну так убейте его, - грубо посоветовал Строу, - и покончите с этим. Эти коты-шизы не просто бесполезны: они вскормлены исключительно ореолом Жанны д'Арк. Неудивительно, что ваше поселение столь бедно.

- Бедно материально, - согласился Омар, - но богато вечными ценностями.

Он держался подальше от Строу - ему не хотелось с ним препираться. Строу, несмотря на свою фамилию «Straw (англ.) - соломенный. - Прим, пер.», был по натуре разрушителем. Ему нравилось разбивать и ломать; он был жесток не по необходимости, а по любви. Можно сказать, дьявол получил его душу даром.

Здесь также сидел и Габриэль Бэйнс. Бэйнс, как и все пары, также мог быть жестоким, но только ради собственной защиты. Он так поглощен ею, что действительно стал очень плох. Но, в отличие от Строу, не следует судить его слишком строго.

Садясь на свое место, Омар провозгласил:

- Боже, благослови собрание. Пусть мы услышим новости жизнеутверждающего свойства, а не о деяниях Дракона Зла. - Он повернулся к Строу. - Что нового, Говард?

- Вооруженный корабль, - промолвил Строу с широкой, плотоядно-мрачной ухмылкой, будто наслаждаясь всеобщей нервозностью. - Не торговец с Альфы II, а пришелец из другой звездной системы. Мы использовали телепата, чтобы прочесть их мысли. Это не торговая миссия, а... - Строу остановился, намеренно не закончив фразу. Ему явно хотелось посмаковать тревогу собравшихся.

- Нам придется защищаться, - проговорил Бэйнс. Ингрид Хибблер кивнула; то же сделала и Аннет, хотя и с определенной неохотой. Геб Якоб Симион перестал хихикать и насторожился.

- Мы организуем оборону здесь, в Адольфвилле, - продолжал Бэйнс. - Нам нужны ваши люди, Строу, с их техникой. Мы ждем от вас поддержки. Думаю, в это трудное время вы отбросите свои дурные привычки ради общего блага.

- "Ради общего блага", - передразнил его Строу. - Вы имели в виду: "ради ВАШЕГО блага"?

- Боже мой, Строу, - нервозно заговорила Аннет, - в вас сохранилось хоть какое-то чувство ответственности? Разве вы не осознаете возможные последствия этого вторжения? Подумайте, по крайней мере, о наших детях. Мы должны защитить если не себя, то хотя бы их.

Тем Временем Омар Даймонд продолжал вершить тайную молитву:

"Пусть Силы Жизни восстанут и одержат победу на поле брани. Пусть Белый Дракон избежит красного потока псевдосмерти; пусть благодать снизойдет на сей маленький мир и отвратит от него нечестивцев".

И он вдруг вспомнил картину, виденную им во время пешего путешествия в Адольфвилл. Картина однозначно предвещала вражеское нашествие: ручей, через который он перешагивал, вдруг подернулся кроваво-красной пеленой. Теперь он знал - то было знамение. Война, смерть и, возможно, разрушение и гибель Семи Кланов и их семи городов - шести, если не считать ту помойку, на которой жили гебы.

Деп Дино Уоттерс хрипло пробормотал:

- Мы обречены.

Все взглянули на него, даже неутомимый Якоб Симион. Типично депская позиция.

- Прости его, Господи, - прошептал Омар Даймонд. И сразу же, где-то в невидимом пространстве, Дух Жизни услышал эти слова и отозвался, простив полуживое создание, Дино Уоттерса из поселения депов Коттон Мэтр.

Глава 2

Едва окинув взглядом комнату - стены с потрескавшейся гранитной плиткой, встроенные лампы, которые, по всей видимости, не работали, потертые кафельные полы, о которых он знал только по видеолентам прошлого века, - Чак Риттерсдорф сказал: "Сойдет". Он достал чековую книжку и вздрогнул, заметив камин с кованой чугунной решеткой. Да это же настоящий музей!

Однако владелица этого старинного помещения подозрительно нахмурилась, рассматривая удостоверение личности Чака.

- Судя по тому, что здесь сказано, вы женаты, господин Риттерсдорф, и у вас есть дети. А сюда нельзя въезжать с женой и детьми. Как указано в правилах, комната сдается только имеющим работу, непьющим холостякам.

- Ах, вот в чем дело... - устало проговорил Чак. Толстая пожилая домовладелица в длинном венерианском платье и меховых шлепанцах отказывала ему. Сегодня у него уже имелся печальный опыт по этой части.

- Я развелся с женой. Она сама воспитывает детей. Мне нужна комната для себя одного.

- Но они будут вас навещать. - Накрашенные пунцовые брови домовладелицы слегка приподнялись.

- Вы не знаете мою жену, - заметил Чак.

- Обязательно будут, знаю я эти новые федеральные законы о разводе. Не то что старый, добрый "государственный" развод. Вы были в суде? У вас есть документы?

- Нет еще, - признался Чак. Он находился в самом начале долгого пути. Прошлую ночь провел в гостинице, а в понедельник... В понедельник завершилась шестилетняя война - совместная жизнь с Мэри.

Пристально посмотрев на Чака, домовладелица вернула ему удостоверение личности, взяла чек и вышла. Чак закрыл дверь, подошел к окну и посмотрел вниз на улицу, заполненную машинами, реактивными прыгунами, экранопланами и многочисленными пешеходами... Скоро ему понадобится помощь его адвоката Нейта Уилдера. Очень скоро.

Ирония заключалась в самом их разрыве. Ведь профессия жены Чака как раз и состояла в том, чтобы предотвращать разводы:

Мэри была семейным психологом-консультантом. Она пользовалась большим авторитетом здесь, в калифорнийском городке Марин Каунти, где находился ее офис. Одному Богу было известно, сколько человеческих отношений, давших трещину, она вылечила. Однако, по несправедливому капризу матушки-природы, именно этот богатый опыт и профессиональный талант Мэри довели Чака Риттерсдорфа до этой унылой комнатухи. Добившись столь впечатляющих успехов в своей работе, Мэри так и не сумела побороть возросшее с годами презрение к собственному мужу.

Тем не менее он признавал, что в своей деятельности и близко не подошел к успеху, которого добилась Мэри.

Его работа, которую он очень любил, заключалась в составлении речевых текстов для

симулякрумов Центрального Разведывательного Управления. Человекоподобные роботы широко применялись ЦРУ в пропагандистских целях на территории коммунистических стран, кольцом окружавших Соединенные Штаты. Острые пропаганды направлялось на огромную массу взрослого населения с низким уровнем образованности. Чак глубоко верил в полезность своей работы, однако она не была ни высокооплачиваемой, ни престижной. Сочиненные им тексты теперь казались ему тенденциозными, инфантильными и фальшивыми, если не сказать хуже. Он был всего лишь литературной клячей, наемным писакой. Мэри постоянно пеняла ему за это.

Но Чак продолжал заниматься своим делом, отвергая другие предложения, которые делались ему не раз за время их шестилетней совместной жизни. Возможно, Чаку просто нравилось слышать, как человекоподобный робот вдохновенно произносит его собственные слова, а может быть, потому, что он ощущал значимость своей работы, ведь Соединенные Штаты держали круговую оборону против растлевающих коммунистических идей.

Государство нуждалось в относительно низкооплачиваемых служащих для обыденной работы, лишенной героизма и привлекательности. Кто-то ведь должен был программировать электронных агентов, которые внедрялись по всему миру, чтобы агитировать, влиять, убеждать. Однако...

Кризис в их совместных отношениях начался три года назад. Один из клиентов Мэри, личность с невероятно сложными семейными проблемами - он содержал трех любовниц одновременно - был известным телепродюсером. Джеральд Фелд выпускал весьма популярную в стране юмористическую передачу - Банни Хентмэн Шоу: ему принадлежала большая часть капитала этой комедийной программы. Как-то раз Мэри дала прочесть Фелду несколько текстов, которые Чак написал для роботов ЦРУ. Тексты заинтересовали продюсера, потому что содержали большую долю юмора. Дело в том, что монологи Чака никогда не напоминали обычную назидательно-возвышенную чушь. О них часто отзывались, как о написанных живо и со вкусом. Джеральд Фелд попросил Мэри организовать ему встречу с Риттерсдорфом.

Теперь, стоя у окна маленькой унылой комнаты, куда он перевез всего одну смену белья, и неподвижно глядя вниз на улицу, Чак вспомнил, в какой неприятный разговор с Мэри вылился тот случай. Разговор получился отвратительным до тошноты, расширив трещину в их отношениях до размера пропасти.

Для Мэри вопрос был ясен, как божий день: есть возможность получить хорошую работу - этой возможностью нужно воспользоваться во что бы то ни стало. Фелд хорошо платит, к тому же, работа чрезвычайно престижна. Подумать только: каждую неделю по окончании Банни Хентмэн Шоу, имя Чака, как одного из авторов, будет появляться на экранах телевизоров в каждом доме Соединенных Штатов, и даже кое-где за границей, в большевистском мире. Мэри наконец сможет гордиться - ключевое слово их разговора - такой замечательной, творческой деятельностью своего мужа. А для Мэри творчество было тем волшебным сезамом, который отворял все двери в жизни. Работа в ЦРУ - программирование электронных идиотов для пропаганды среди невежественных азиатов, африканцев и латиноамериканцев - таковой не являлась. Кроме того, в состоятельных и богемных кругах, где вращалась Мэри, работать в ЦРУ считалось дурным тоном.

- Ты все равно что дворник с лопатой! - восклицала она, все более распаяясь. - Он тоже делает весьма полезную работу. Ты надежно социально защищен, и тебе уже ничего не хочется. Но ведь тебе только тридцать три, а ты уже смирился. Отбросил всякое стремление стать ЛИЧНОСТЬЮ.

- Послушай, - без всякой надежды попытался возразить Чак. - Ты что, моя мама? Или всего лишь моя жена? Почему ты не хочешь принять меня таким, какой я есть? Профессиональное чутье психолога видит во мне некие задатки? Я ОБЯЗАН подниматься по служебной лестнице?

Ты что, хочешь сделать из меня президента ТЕРПЛАНа?

Нет, кроме престижа и денег, здесь крылось еще что-то.

Без сомнения, Мэри хотела видеть его другим человеком. Она, которая лучше всех на свете знала своего мужа, стыдилась его.

Если бы он согласился писать для Банни Хентмэна, то стал бы другим - именно в этом заключалась ее логика.

Чак Риттерсдорф ничего не мог противопоставить такой логике. И тем не менее упорно стоял на своем: он не хочет бросать работу, не хочет менять свою жизнь. Что-то в его натуре было слишком инертно. К лучшему или нет - он не знал. Ведь у каждого, наверно, есть свое, привычное бытие... И он не мог так легко от него отказаться.

На улице под окном приземлился белый шикарный "шевроле", новая сверкающая шестидверная модель. Чак рассеянно разглядывал машину, пока внезапно не узнал в ней - невероятно, но факт - свое собственное летающее колесо. Мэри! Быстро же она его нашла!

Итак, доктор Мэри Риттерсдорф собралась нанести ему визит.

Чаку стало не по себе. Комплекс неполноценности, который так долго культивировала в нем жена, проснулся и разбередил душу. Надо же, не смог найти укромное местечко, чтобы Мэри оставила его в покое! Через несколько дней Нейт Уилдер организует ему легальную защиту, но сейчас, в данную минуту, он просто бессилён. Придется ее принять.

Догадаться, как Мэри выследила его, не составляло особого труда: недорогие приборы-обнаружители имелись в продаже. Мэри, скорее всего, обратилась в сыскное агентство и взяла напрокат детектор-ищейку, в которую ввели энцефалограмму мозга Чака. Ищейка отслеживала его в каждом месте, где он побывал с той самой минуты, когда ушел из дому. В наши дни разыскать кого-либо не являлось непосильной задачей.

"Итак, если женщина вознамерилась найти тебя, она это сделает. Надо, наверно, придумать какой-нибудь закон, препятствующий такому положению вещей; возможно, этот закон назовут когда-нибудь Законом Риттерсдорфа. Необходимо сделать так, чтобы пропорционально чьему-либо желанию убежать, скрыться, приборы-обнаружители..."

Легкий стук гулко прозвучал по полой внутри двери комнаты. - Обреченно двигаясь к двери, Чак думал:

"Она, конечно, произнесет убедительную речь со множеством веских аргументов. У меня, естественно, аргументов нет, кроме уверенности, что мы больше не сможем жить вместе. Ее презрение ко мне однозначно отвергает все дальнейшие разговоры о совместном существовании".

Он открыл дверь. Мэри была в дорогом, самом лучшем своем шерстяном пальто; темные волосы собраны в аккуратный пучок, лицо без признаков косметики. Спокойная, уверенная в себе, образованная женщина-лидер.

- Послушай, Риттерсдорф, - сказала Мэри. - Я так больше не могу. Я распорядилась, чтобы твои вещи перевезли в камеру хранения. А сейчас мне нужен чек - все деньги, какие есть у тебя в банке. Они необходимы мне для оплаты счетов.

Итак, он ошибся: ни о каком примирении речь не шла. Напротив, жена окончательно довершила разрыв. Чак не двигался, будто громом пораженный. Он тупо, не отрываясь, смотрел

в лицо Мэри.

- Я говорила с Бобом Альфсоном, моим адвокатом, - продолжала Мэри. - Подала ему документы на раздел нашего дома.

- Что? - пробормотал Чак. - На раздел дома?

- Тебе останется только записать свою часть дома на меня.

- Но почему?

- Чтобы я могла выставить комнаты на продажу. Мне не нужен такой большой дом, а деньги пригодятся. Отправлю Дебби в школу-интернат на Восточном побережье, про который мы говорили.

Дебора была их старшей дочерью.

"Но ведь ей всего шесть, - машинально подумал Чак. - Рановато жить вдалеке от дома. Жаль".

- Позволь мне сначала поговорить с Нейтом Уилдером, - тихо попросил он.

- Чек мне нужен сейчас.

Мэри даже не попыталась войти; она просто стояла на пороге. Чак понял, что окончательно и бесповоротно проиграл. Он потерял все. Теперь она может вить из него веревки.

Он стал искать чековую книжку; Мэри наконец сделала несколько шагов внутрь комнаты. Отвращение к новому жилищу мужа оказалось выше всяких слов: она молчала. Чак не смог спокойно наблюдать за ее реакцией - сделал вид, что занят, выписывая чек.

- Между прочим, - заметила Мэри своим обычным тоном, - теперь, когда ты ушел, я смогу принять то предложение. Об участии в экспедиции.

- Какой экспедиции?

- Я как-то говорила тебе, что для межпланетной правительственной программы требуются психологи. Я прошла по конкурсу. - Она не стала обременять себя дальнейшими объяснениями.

- Да-да. - Чак смутно припоминал. - Это какая-то благотворительная программа.

Отголосок отгремевшей восемь лет назад земно-альфанской войны. Маленькая луна в звездной системе Альфа, заселенная землянами и забытая на два с лишним десятилетия по причине войны; гроздь таких малочисленных поселений была разбросана по Альфанской системе, состоящей из двадцати двух планет и дюжины лун.

Мэри взяла чек, сложила его пополам и положила в карман пальто.

- Тебе будут платить за эту работу? - спросил Чак.

- Нет, - отрешенно ответила Мэри.

Значит, она будет жить - а также содержать детей - на одно его скудное жалованье. Внезапно он понял: Мэри ждет приговора суда, который заставил бы его сделать то, из-за чего распалась их совместная шестилетняя жизнь. Благодаря своему огромному влиянию в городском суде Марин Каунти, она добьется такого решения, которое обяжет его оставить работу в ЦРУ и искать более высокооплачиваемую...

- Как..., долго тебя не будет? - запинаясь, спросил он. Чак понял, что Мэри Риттерсдорф, видимо, постарается взять от жизни все, чего не могла взять - по крайней мере на словах - в его присутствии. Он слишком хорошо знал эту женщину.

- Около шести месяцев. Все зависит от обстоятельств. Не жди, что я и дальше буду общаться с тобой. На суде мои интересы будет представлять Альфсон, я там не появлюсь. Еще я начала дело об алиментах, так что от хлопот ты практически избавлен, - добавила она.

Инициатива - даже в этом! - ускользала у него из рук. Как всегда, он оказался слишком медлителен.

- Можешь забирать все, - резко проговорил он. Ее взгляд говорил: "Но этого все равно мало. Все" означает ничего" - судя по твоим доходам".

- Я не могу дать больше того, что имею.

- Можешь, - сказала Мэри без улыбки. - Суд обязательно узнает то, что знаю о тебе я. Если связать тебя обязательствами, ты НАЙДЕШЬ в себе силы нести нормальную ответственность за жену и детей.

- Но должен же я на что-то жить... - пробормотал он.

- Запомни: твоя первая забота - это мы.

Чак не смог ничего возразить, а просто машинально кивнул.

Когда Мэри ушла, унося с собой все его деньги, Риттерсдорф заглянул в кладовку и обнаружил стопку старых газет. Усевшись на старинный диван - Дания, прошлый век, - он стал просматривать заголовки в поисках сообщений о проекте, в котором Мэри с таким энтузиазмом намеревалась участвовать.

"Решила посвятить себя благородной цели, - подумал он, - вместо того чтобы просто быть мужней женой..."

В газете недельной давности он наткнулся на более или менее исчерпывающую статью; прикурив сигарету, он начал внимательно читать.

Экспедиции потребуются психологи, сообщалось американской Службой Здоровья и Социального Обеспечения, так как Луна Альфа III M2 первоначально служила больничной зоной - психиатрическим лечебным центром для иммигрантов с Земли, чей разум не вынес нагрузки межзвездной колонизации. Последний земной корабль посетил Луну четверть века назад. Альфанцы, за исключением торговцев, также не навещали Альфу III M2.

Известия с Луны поступали только от этих альфанских дельцов. Судя по их сообщениям, за двадцать с лишним лет на Луне сложилась своего рода цивилизация. Однако торговцы не могли объективно оценить ее, поскольку их знания об умственных болезнях людей недостаточны. Во всяком случае, на Альфе III M2 производились и продавались товары, существовала промышленность.

"Почему после стольких лет забвения земное правительство решило вмешаться?" - удивился Чак. Он живо представил себе Мэри на этой далекой Луне. Да, Мэри относилась именно к тому типу личностей, которые подбирались международным агентством ТЕРПЛАН. Люди ее склада всегда добиваются успеха.

Снова подойдя к старинному двустворчатому окну, Чак Риттерсдорф посмотрел вниз. Постепенно, украдкой, в нем проснулось одно, уже осознанное желание. Он чувствовал, что дальнейшая борьба бессмысленна, и что бы там ни говорили церковь и закон, самоубийство оставалось для него единственным выходом. Ответом на все вопросы.

Одна створка окна открывалась; отворив ее, он прислушался к жужжанию реактивного прыгуна, садившегося на крышу соседнего здания. Жужжание затихло. Подождав немного, он перекинул ногу через подоконник и завис над уличным потоком...

Внезапно в голове возник голос, но не его собственный, а чей-то чужой. Голос повторил:

"Пожалуйста, скажите мне, как вас зовут. Независимо от того, намереваетесь вы прыгнуть, или нет".

Обернувшись, Риттерсдорф увидел ганимедянина - желтую липкую плесень, которая, очевидно, бесшумно просочилась под дверь комнаты, и теперь медленно собирала себя в кучу небольших шаров, представлявших физическую форму ее существования.

- Я снимаю комнату напротив вашей, - объявила плесень.
- Среди землян обычно принято стучаться, - недовольно проворчал Чак.
- У меня нет конечностей, следовательно, мне нечем было постучаться. Во всяком случае, я хотел войти до того, как вы..., удалитесь.
- Это мое личное дело, и оно вас не касается.
- "Никакой землянин не есть остров", - худо-бедно процитировала липкая плесень «Искаженный эпитаф Джона Дона к роману Эрнеста Хемингуэя "По ком звонит колокол". - Прим, перев.». - Добро пожаловать в дом, которому мы, постояльцы, присвоили почетный титул: Замок Бездельников. Здесь есть кое-кто, с кем вам стоит познакомиться. На нашем этаже, например, живут несколько землян вроде вас, а также неземные существа различного облика, отдельные из которых, вероятно, могут вам не понравиться, но остальные, несомненно, заинтересуют. Я намеревался одолжить у вас чашку йогурта, но ввиду того, чем вы заняты, это желание теперь кажется мне бестактным.
- Я еще не въехал окончательно. - Риттерсдорф перенес ногу обратно через подоконник и отошел от окна.
- Он не был удивлен визитом мыслящей липкой плесени с Ганимеда, так как слышал, что размещение гостей из иных миров представляло на Земле большую проблему. Независимо от влияния и положения в собственном обществе, на Земле они были вынуждены ютиться в старых обветшалых домах с минимумом удобств, вроде этого.
- Если бы я мог носить с собой визитные карточки, - сказал ганимедянин, - то вручил бы вам одну. Я бизнесмен, занимаюсь импортом необработанных драгоценных камней и подержанных изделий из золота. Кроме того, я фанатичный филателист. У меня в комнате находится редчайшая американская серия про Колумба из четырех экземпляров - может быть, вы хотите...
- Плесень замолчала. - Вижу, что нет. Во всяком случае, желание покончить с собой хотя бы на время покинуло ваш мозг. Это хорошо. Помимо коммерческой деятельности, я занимаюсь также...
- Разве закон не требует от вас усмирять свою способность к телепатии во время пребывания на Земле? - спросил Чак.
- Да, но ситуация показалась мне исключительной. Вот что, господин Риттерсдорф: хорошо бы вам сменить работу... Я лично не могу нанять вас, так как не состою в руководстве какой-либо фирмы. Но у меня есть связи среди делового мира девяти лун, и я постараюсь...
- Спасибо, - грубо отрезал Чак. - Извините, но мне нужно побыть одному. - Ему уже наделали столько предложений о работе, что их, наверное, хватит на всю оставшуюся жизнь.
- Но, в отличие от вашей жены, у меня нет никаких скрытых мотивов.
- Липкая плесень притекла поближе к Чаку.
- Как у большинства земных людей мужского пола, чувство самоуважения строится у вас в основном на способности зарабатывать деньги. В этой области, как я ощущаю, у вас развились весьма серьезные сомнения, а также чувство вины. Могу кое-что сделать для вас в этом плане... Но на это потребуется время. В настоящий момент я покидаю Землю и возвращаюсь на свою родную луну. Предположим, я дам вам пятьсот долларов - американских, естественно, - чтобы вы поехали со мной. Считайте, что даю вам в долг, если хотите.
- А что, интересно, я буду делать на Ганимеде? - раздраженно сказал Чак. - Чего вы привязались? Работа у меня есть, она мне подходит, и бросать ее я не собираюсь.
- Но подсознательно...
- Не надо пересказывать мне мое подсознание. Выйдите отсюда и оставьте меня в покое. - Риттерсдорф повернулся к липкой плесени спиной.
- Боюсь, что ваше намерение покончить счеты с жизнью вернется - возможно, даже очень

скоро.

- Ну и пусть.

- Существует только один способ, который может вам помочь, - задумчиво излучила плесень. - И это отнюдь не мои жалкие потуги о предложении работы.

- Какой же именно?

- Женщина, которая заменит вашу жену.

- Слушайте, это уж слишком.

- Погодите. Данное предложение имеет под собой не физическую и даже не умственную основу, оно чисто практическое. Вам нужна женщина, которая примет и полюбит вас таким, какой вы есть. В противном случае вы пропадете. Позвольте мне позаботиться об этом. Дайте мне два часа. А пока держите себя в руках. И никуда не уходите.

Ганимедянин медленно вытек обратно в коридор. Его мысли стали неясными: "Как импортер, покупатель и просто хороший бизнесмен, я завязал массу контактов с землянами многих профессий..." Затем все смолкло.

Дрожащими руками Риттерсдорф прикурил сигарету. Потом отошел подальше от окна, присел на древний диван и стал ждать.

Он не знал, как относиться к деликатному предложению ганимедянина: он был тронут и раздосадован одновременно и, кроме того, озадачен. Можно ли верить словам этого неземного существа? Разве лишняя плесень в состоянии ему помочь? Это казалось маловероятным.

Прошел час.

В дверь постучали. Это не мог быть ганимедянин, поскольку ему нечем было стучать. Поднявшись на ноги, Чак подошел к двери и открыл ее.

На пороге стояла земная девушка.

Глава 3

Хотя перед отлетом ее ждала еще тысяча дел, относящихся к новой, неоплачиваемой работе в Службе Здоровья и Социального Обеспечения, доктор Мэри Риттерсдорф все-таки выкроила время для одного личного дела. Она прилетела на реактивном такси в Нью-Йорк, на Пятую авеню в офис Джеральда Фелда, продюсера Банни Хентмэн Шоу. Неделю назад она передала ему подборку самых лучших, по ее мнению, текстов Чака. Пришло время выяснить, есть ли шансы у ее мужа (точнее, у бывшего мужа) получить работу.

Если Риттерсдорф сам не в состоянии подыскать себе приличное место, то этим займется она. Это необходимо хотя бы потому, что весь следующий год ей и детям придется рассчитывать только на доходы Чака.

Выйдя из машины на крыше здания, Мэри опустилась на девяностый этаж, подошла к стеклянной двери и, подождав немного, вошла в приемную кабинета Джеральда Фелда.

За столиком сидела секретарша - привлекательная, ярко накрашенная блондинка в облегающем свитере ажурной вязки. Глядя на нее, Мэри внутренне возмутилась: разве можно женщине с такой полной грудью следовать моде только потому, что бюстгальтеры стали дурным тоном? В данном случае простая практичность требовала наличия бюстгальтера. А эти неестественно торчащие благодаря операции соски? Это уж слишком. Мэри раскраснелась от негодования.

- Слушаю вас, - секретарша посмотрела на Мэри через витиеватый монокль. Когда ее взгляд встретился с холодным взглядом Мэри, соски у нее тотчас опустились, будто поникли от страха.

- Мне необходимо видеть господина Фелда. Я доктор Мэри Риттерсдорф и у меня очень мало

времени; я отбываю на лунную базу агентства ТЕРПЛАН в три часа дня нью-йоркского времени.

Мэри произнесла эту фразу сухим, требовательным тоном, которым - в силу профессии - владела довольно неплохо.

После серии формальностей Мэри, наконец, получила разрешение войти. Джерри Фелд сидел за столом, имитированным под дуб - натуральный дуб отсутствовал на планете по крайней мере лет десять, - и увлеченно просматривал видеоленту с рабочим материалом.

- Минуточку, доктор Риттерсдорф, - пробормотал он и указал на стул. Мэри села, положила ногу на ногу и закурила.

На экране Банни Хентмэн представлял германского магната прошлого века. В синем с отворотами костюме он стоял перед советом директоров и доказывал им, каким образом новый автономный плуг, производимый картелем, мог бы использоваться в военных целях. Четыре плуга, соединенных вместе, образуют не просто большой плуг, а установку для запуска реактивных снарядов. Банни изъяснялся с сильным немецким акцентом и представлял свой замысел как гениальное изобретение. Фелд периодически хмыкал.

- У меня не так много времени, господин Фелд, - произнесла Мэри, четко выговаривая слова.

Продюсер неохотно остановил видеозапись и повернулся к ней.

- Я показал Банни рукописи. Он проявил к ним определенный интерес. Понимаете, ваш муж пишет в несколько бесстрастно, я бы даже сказал суховатом стиле, однако ситуацию передает весьма достоверно. Когда-то такое изложение...

- Я знаю, - прервала его Мэри. - Я выслушивала эти тексты много лет; он всегда проверял их на мне. - Она несколько раз нервно затанулась. - Скажите, сможет ли муж работать на Банни Хентмэна?

- Не могу сказать ничего определенного, пока господин Риттерсдорф сам не встретится с Хентмэном; одного вашего желания...

Дверь кабинета открылась, и вошел Банни Хентмэн.

Мэри впервые увидела знаменитого телевизионного комика не на экране, а в жизни, и ей стало интересно: сильно ли он отличается от своего телеобраза? Он выглядел чуть ниже ростом и намного старше, на затылке - солидная лысина. Действительно, в обычной обстановке Банни напоминал продавца вторсырья из Центральной Европы: помятый костюм, редущие всклокоченные волосы, из угла рта торчит окурок сигары.

Но его глаза! В них светилась необыкновенная теплота, хотя и с оттенком настороженности.

Мэри встала, продолжая разглядывать знаменитого комика. На экране глубина его взгляда не была так заметна: в серых глазах отражался не только ум, а нечто большее... Что именно, она понять не могла. И кроме того...

Вокруг Банни Хентмэна, как ни странно, висела аура страдания. Его облик, лицо, фигура казались пропитаны им.

"Да, - решила Мэри, - вот что выражают его глаза - страдание. Именно. Память боли. Очень давней боли, которую он не забыл и никогда не забудет. Банни Хентмэн пришел в этот мир, чтобы страдать - неудивительно, что он стал великим комиком. Комедия для него - борьба, желание забыться, отбросить нравственную боль... Наверно, именно здесь кроется причина его огромной популярности".

- Бан, - сказал Фелд, - это доктор Мэри Риттерсдорф; ее муж написал те самые тексты для роботов ЦРУ, которые я показывал тебе в прошлую среду.

Комик протянул руку; Мэри пожала ее и сказала:

- Господин Хентмэн...

- Прошу вас, называйте меня как-нибудь иначе, - сказал комик, - ведь это всего лишь мой

сценический псевдоним. Мое настоящее имя - Лайонсблад Регаль. Мне пришлось изменить его: кто же выступает на сцене под именем Лайонсблад Регаль? Зовите меня Лайонсблад или просто Блад. Джерри зовет меня Лайрег, с оттенком интимности, - добавил он, не выпуская руки Мэри. - Если что-то мне и нравится в женщинах, так это интимность.

- Лайрег - это твой телеграфный код, ты опять путаешь, Бан, - заметил Джерри Фелд.

- Да-да, - Хентмэн отпустил руку Мэри. - Итак, фрау доктор Раттенфангер...

- Риттерсдорф, - поправила Мэри.

- Раттенфангер, - сказал Фелд, - это по-немецки "крысолов". Не делай больше таких ошибок, Бан.

- Прошу прощения, - комик театрально расшаркался. - Послушайте, фрау доктор Риттерсдорф. Пожалуйста, называйте меня каким-нибудь приятным именем; я жажду поклонения прекрасных женщин, ведь во мне сидит маленький мальчик...

Хентмэн улыбнулся, но лицо - и особенно глаза - продолжали выражать боль и усталость.

- Я найму вашего мужа, если взамен получу возможность время от времени видеть вас... Да, если бы он только догадался о ДЕЙСТВИТЕЛЬНОЙ причине согласия, о так называемом секретном протоколе, как говорят дипломаты... - Он повернулся к Джерри Фелду и добавил:

- Ты-то знаешь, как эти секретные протоколы донимают меня впоследствии...

- Риттерсдорф сейчас живет в старом доходном доме на Западном побережье. Я дам вам его адрес. - Мэри вынула бумагу и ручку и стала писать. - Сообщите, что он вам нужен; попросите его...

- Но он мне не нужен, - спокойно произнес Банни Хентмэн.

- Не могли бы вы все-таки увидеться с ним, господин Хентмэн? - осторожно проговорила Мэри. - У Чака неординарное дарование. Боюсь, если на него не повлиять...

Хентмэн задумчиво провел пальцем по подбородку.

- Вас тревожит его неумение пользоваться своим талантом, поэтому вы и просите за него, не так ли?

- Да, - кивнула Мэри.

- Но это ЕГО талант. Ему решать.

- Моему мужу, - сказала Мэри, - надо помочь. "Уж я-то знаю, - подумала она. - Понимать людей - моя профессия. Чак - зависимый инфантильный тип; его необходимо подталкивать и вести за собой, чтобы он вообще как-то продвигался. Иначе он просто сгниет в какой-нибудь ужасной, грязной дыре - вроде той, где живет сейчас. Или выбросится из окна. Это единственное, что может его спасти. Хотя он сам никогда не признается себе в этом".

Пристально глядя на нее, Хентмэн произнес:

- Могу я заключить с вами некий договор, госпожа Риттерсдорф?

- К-какой договор? - Мэри покосилась на Фелда; лицо продюсера оставалось бесстрастным, он будто отстранялся от разговора, по-страусиному пряча голову в песок.

- Я хочу иногда встречаться с вами, - сказал Хентмэн. - Не по делу, а просто так.

- Но я улетаю с Земли. У меня контракт с ТЕРПЛАНом, и я буду работать в звездной системе Альфа много месяцев, если не лет. - Мэри охватила паника.

- Тогда никакой работы для вашего муженька.

- Когда вы улетаєте, госпожа Риттерсдорф? - подал голос Джерри Фелд.

- На днях, - сказала Мэри. - Через четыре дня. Мне надо собраться, пристроить детей в...

- Четыре дня, - задумчиво произнес Хентмэн, продолжая в упор разглядывать ее. - Вы ведь разошлись с мужем? Джерри сказал...

- Да, - ответила Мэри. - Чак уже переехал.

- Давайте поужинаем сегодня вечером. А пока я слетаю к господину Риттерсдорфу. Или

пошлю кого-нибудь из своих людей. Мы назначим ему шестинедельный испытательный срок. Он станет писать для нас сценарии. Договорились?

- Я не против того, чтобы поужинать с вами, - сказала Мэри, - но...

- Ну вот и прекрасно! - сказал Хентмэн. - Только поужинать. В любом ресторане Соединенных Штатов, который вы предпочтете.

Возвратившись на Западное побережье на реактивном такси, Мэри на городском монорельсе добралась до пригорода Сан-Франциско, где находился филиал агентства ТЕРПЛАН - организации, в которой она с таким желанием собиралась поработать без зарплаты.

Она очнулась от своих дум в лифте, рядом с хорошо одетым, коротко подстриженным молодым человеком. Это был работник агентства, которого звали, как она припомнила, Лоуренс Мак-Рэй.

- Госпожа Риттерсдорф, у нас тут собралась целая армия репортеров, - сказал Мак-Рэй. - Они поджидают вас, чтобы кое-что разноухать. Вбили себе в голову одну идею и постараются добиться от вас ее подтверждения. Будто наш лечебно-исследовательский проект - просто прикрытие притязаний Земли на возврат Альфы III M2. Что истинная цель нашей экспедиции - восстановление колонии, переброска новых поселенцев и объявление Луны нашей территорией.

- Но она и так была нашей перед войной, - сказала Мэри. - Иначе как бы мы могли использовать ее в качестве лечебного центра?

- Совершенно верно, - согласился Мак-Рэй. Они вышли из лифта и двинулись по коридору. - Но ни один земной корабль не посещал Альфу III M2 в течение двадцати пяти лет, и это, выражаясь юридическим языком, аннулирует нашу юрисдикцию над ней. Пять лет назад Луна заявила о своей независимости, но, если мы высадимся и восстановим лечебный центр с докторами, медперсоналом и прочим, то, как они считают, сможем восстановить свои права, если альфанцы до сих пор нас не опередили. А этого, по нашим сведениям, пока не произошло. Скорее всего, альфанцы еще не оправились после войны. А может быть, просто махнули на эту Луну рукой, решив, что природные условия там слишком чужды для них. Нам сюда, - Мак-Рэй придержал для Мэри дверь; она прошла в зал, и увидела человек пятнадцать репортеров с видеокамерами.

Сделав глубокий вдох, Мэри села за стол, уставленный микрофонами.

Мак-Рэй произнес в микрофон:

- Дамы и господа, это доктор Мэри Риттерсдорф, психолог из Марин Каунти, специалист по семейным отношениям. Она, как вы знаете, согласилась принять участие в нашем проекте.

Один из репортеров сразу спросил:

- Доктор Риттерсдорф, как называется проект? Психопатологический? - В зале послышались смешки. Мак-Рэй ответил:

- Мы присвоили проекту рабочее название "Операция Пятьдесят Минут".

- Куда вы денете живущих на Луне психопатов, когда выловите их? Вышвырнете их вон? Мэри, подумав, сказала:

- Могу сообщить следующее. Сначала мы займемся исследованиями, чтобы как-то оценить ситуацию. Нам известно, что многие пациенты лечебного центра выжили. У них есть дети. Насколько жизнеспособно их общество, судить трудно. Позволю себе предположить, что это

общество, скорее всего, лишено будущего: психопаты просто, в самом примитивном смысле слова, существуют. Мы попытаемся провести корректирующую терапию. В тех случаях, конечно, когда это еще возможно будет сделать. Однако первая наша забота - конечно же, дети.

- Когда вы планируете прибыть на Альфу III M2, доктор? - последовал новый вопрос. Заработало несколько видеокамер.

- Недели через две, - сказала Мэри.

- Доктор, вам будут платить за эту работу?

- Нет.

- Значит, вы убеждены, что она проводится на благо общества? Это достаточное основание для вас?

- М-м-м, - неуверенно произнесла Мэри. - Это...

- Земля, таким образом, что-то выиграет от вмешательства в общество бывших пациентов психбольницы? - вкрадчиво добавил репортер.

Повернувшись к Мак-Рэю, Мэри спросила:

- Как я должна отвечать? Мак-Рэй проговорил в микрофон:

- Вопрос вне компетенции доктора Риттерсдорф; она опытный психолог, а не политик. Вопрос отклоняется.

Со стула поднялся тощий высокий репортер и хорошо поставленным голосом спросил:

- Не кажется ли ТЕРПЛАНУ, что, может быть, лучше вообще оставить эту Луну в покое? И обращаться с ее культурой, как и с любой другой, уважая обычаи и привычки поселенцев? - По залу прокатился одобрительный шум.

Мэри подняла руку, требуя тишины, и сказала:

- Мы еще практически ничего не знаем о них. Возможно, в дальнейшем... - Она задумалась. - Это ведь не субкультура. У них нет традиций. Это общество психически нездоровых индивидуумов и их потомства, которое стало самостоятельно развиваться всего двадцать пять лет назад... Поэтому не следует ставить их на одну ступеньку со, скажем, ганимедянами или ионцами. Какие ценности могут создать душевнобольные? И за такой короткий срок?

- Но вы же сами сказали, - продолжал настаивать репортер, - что на данный момент мы ничего о них не знаем. Единственное, чем мы располагаем...

Мак-Рэй резко заговорил в микрофон:

- Если, паче чаяния, они создали какое-либо стабильное, жизнеспособное общество, мы, естественно, не тронем их. Но определить это могут только специалисты, такие, как доктор Риттерсдорф, а не вы, я или американские читатели газет. А если говорить откровенно, то мы понимаем, что нет ничего более потенциально опасного, чем общество, в котором доминируют маниакальные личности: определяют жизненные ценности, контролируют средства информации. Практически все, что угодно, может вытекать отсюда: новый фанатичный религиозный культ, параноидно-националистическая концепция государства, варварская тяга к разрушению маниакального сорта - одни эти возможности уже оправдывают наше исследование на Альфе III M2. Данный проект необходим для защиты наших собственных интересов и ценностей.

В зале стало тихо - репортеры погрузились в размышления, оценивая слова Мак-Рэя; Мэри молчаливо согласилась с ним.

Позднее, когда они покинули зал, Мэри спросила:

- Скажите, это и есть истинная цель экспедиции? Внимательно посмотрев ей в глаза, Мак-Рэй произнес:

- Вы имеете в виду, что мы посылаем экспедицию на Альфу III M2 из-за того, что опасаемся последствий для нашего общества со стороны поселения сумасшедших? Давайте договоримся: для вашей работы такого объяснения вполне достаточно.

- Разве я не имею права знать все? - Мэри пристально посмотрела на молодого, коротко подстриженного представителя ТЕРПЛАНа. - Мне что, полагается только...

- Вам полагается выполнять свою профессиональную задачу. Я же не указываю вам, как лечить больных: почему вы должны учить меня формировать общественное мнение?

Мак- Рэй холодно посмотрел на нее.

- Сообщу вам, однако, об одной из целей операции "Пятьдесят Минут", о которой, вы, вероятно, не задумывались.

Вполне возможно, что за двадцать пять лет общество душевнобольных пришло к некоторым технологическим идеям, которые мы могли бы использовать. Это касается в основном маньяков - наиболее активной части населения Луны. - Он нажал кнопку лифта. - Они на редкость изобретательны. Как и все параноики.

- Не по ли этой ли причине Земля не послала туда корабль раньше? Хотелось посмотреть, во что разовьются их идеи?

Мак- Рэй не ответил - улыбаясь, он ждал прихода лифта. Выглядит абсолютно уверенным в себе, - подумала Мэри. - А сказанное им сейчас, между прочим, является ошибкой, насколько позволяют судить современные знания о психопатах. Возможно, весьма серьезной ошибкой".

Почти час спустя, по дороге домой в Марин Каунти, она вдруг поняла, в чем заключалось основное противоречие официального подхода к проблеме.

С одной стороны. Земля решила внедриться в культуру Альфы III M2 из-за боязни распространения "заразы", а с другой, собирается использовать некоторые идеи этой культуры для собственных нужд. Еще Фрейд сто пятьдесят лет назад показал, насколько ложной является такая двойная логика, ведь один подход отрицает другой. Правительство просто не сможет решить эти две задачи одновременно.

Психоаналитики давно доказали: обычно, когда приводятся две взаимоисключающие причины какого-либо действия, то ни одна из них не является истинной; таковой становится третья, о которой человек - в данном случае официальное руководство - даже не подозревает.

Какова же, в таком случае, реальная причина?

Во всяком случае, проект, в который она с таким энтузиазмом окунулась, больше не казался ей чисто научным, благотворительным и свободным от закулисных мотивов.

И, как бы там ни было в действительности, интуиция четко подсказывала ей: скрытая цель проекта эгоистична и жестока.

Кроме того, у нее возникло еще одно подозрение.

Что она, вероятно, так никогда и не узнает о действительных мотивах создания проекта.

Мэри была так поглощена укладкой своих многочисленных свитеров в чемодан, что не сразу заметила, как кто-то вошел в дом. Она быстро обернулась и поднялась на ноги - в дверях стояли двое мужчин.

- Где господин Риттерсдорф? - Тот, что постарше, показал черное удостоверение; Мэри поняла, что это коллеги Чака - сотрудники Сан-Францисского отделения ЦРУ.

- Он выехал отсюда, - холодно проговорила она. - Я дам вам его адрес.

- Мы получили сообщение от неопознанного осведомителя, - сказал старший, - Ваш муж доведен до отчаяния и собирается покончить с собой.

- Он постоянно собирается это сделать, - заметила Мэри, записывая на листке бумаги адрес убогого доходного дома, где поселился Чак. - Меня это не очень тревожит - он хронически болен, но я еще ни разу не видела его мертвым.

Старший цэрэушник смотрел на нее с неприкрытой враждебностью.

- Я слышал, вы разводитесь с господином Риттерсдорфом.

- Это правда. Если у вас больше нет вопросов. - Мэри улыбнулась ему быстрой профессиональной улыбкой. - Я могу продолжить сборы?

- Наше Управление заботится о своих сотрудниках, - сказал цэрэушник. - Если ваш муж покончит с собой, начнется расследование, которое определит степень вашей причастности. А ввиду того, что ваша профессия - семейный психолог, это может вызвать некоторое недоумение, не так ли?

После небольшой паузы Мэри ответила:

- Да. Полагаю, вы правы.

- Считайте это неофициальным предупреждением, госпожа Риттерсдорф, - сказал молодой. - Не торопитесь давить на мужа. Вы меня хорошо поняли? - Его глаза были холодны и бесцветны.

Мэри поежилась и кивнула.

- Если он появится здесь, - сказал старший, - то пусть позвонит нам. Он уже третий день отсутствует на работе, и нам бы очень хотелось поговорить с ним. - После этих слов, не попрощавшись, мужчины ушли.

Мэри вздохнула с облегчением и продолжила сборы.

"Я не позволю ЦРУ указывать мне, - сказала она себе. - Я буду вести себя с собственным мужем, как пожелаю, и делать все, что захочу. Они не защитят тебя, Риттерсдорф!" Она яростно продолжала запихивать вещи в чемодан.

"Ты еще пожалеешь о том, что натравил их. Так что готовься, мой сладкий".

Засмеявшись, она подумала:

"Бедный, напуганный осел. Решил, что неплохо бы подослать ко мне своих? Дрожи перед ними сам, я их не боюсь. Глупые, с заплывшими жиром мозгами легавые".

Продолжая собираться, она проигрывала в уме идею о том, что неплохо бы позвонить своему адвокату и рассказать ему о давлении, которое оказывает на нее ЦРУ.

"Нет, - решила она наконец, - не надо спешить. Подожду, пока дело о разводе не попадет к судье Бриццолару. Представлю это вторжение как улику: вот какая жизнь мне была уготована замужем за этим человеком. Постоянно под давлением людей из Управления. А я-то еще помогала ему найти работу".

Мэри радостно затолкала последний свитер в чемодан, с трудом закрыла крышку и быстрым движением пальцев защелкнула замок.

"Бедный, у тебя просто не останется шансов, когда я притащу тебя в суд. Не успеешь и глазом моргнуть, как вынесут приговор. Будешь платить до конца дней своих, и любая попытка увильнуть тебе дорого обойдется".

Она начала складывать платья в большой сундук со встроенными вешалками.

"Это обойдется тебе, мой сладкий, гораздо дороже, чем ты будешь в состоянии отдать".

Глава 4

Стоящая в дверях девушка нерешительно произнесла:

- Здравствуйте. Меня зовут Джоанна Триест. Смайл Раннинг Клам сказал, вы только что въехали.

Ее взгляд блуждал: она рассматривала комнату Чака.

- Вы еще не перевезли вещи? Давайте, я помогу вам. Я могу развесить занавески и протереть полки на кухне, если хотите.

- Спасибо. Но у меня все в порядке, - Чак был тронут тем, что липкая плесень прислала сюда эту девушку.

"Ей нет и двадцати", - решил он.

Каштановые волосы заплетены в толстую косу, лицо бледное, почти белое. Высокая шея. Фигура стройная, совсем девичья, подчеркнутая облегающими джинсами. На ногах - дешевые туфли. Насколько он мог судить, она не носила бюстгалтера, как того требовала мода, однако соски не выделялись, а просвечивали двумя темными кругами под белой хлопчатобумажной рубашкой. Девушка, видимо, не захотела (или не могла себе позволить?) сделать широко распространенную операцию поднятия груди. Наверное, она из небогатой семьи. Возможно, студентка.

- Смайл Раннинг Клам - с Ганимеда, - объяснила девушка. - " Он живет в комнате напротив. - Она слегка улыбнулась. Чак обратил внимание на ее красивые, очень ровные белые зубы. Почти идеальная голливудская улыбка.

- Да, - сказал он. - Он просочился ко мне под дверь около часа назад. - Помолчав, добавил:

- Сказал, что придет кого-нибудь. Ему показалось...

- Вы действительно собирались убить себя? Риттерсдорф пожал плечами:

- Ганимедянин так подумал.

- Да, я вижу... Это чувствуется даже сейчас. - Девушка прошла мимо него в комнату. - Я..., вы, наверно, знаете. Пси.

- Какого рода пси? - Чак оставил дверь открытой и подошел к столу, на котором лежала пачка "Пэл-Мэла", взял сигарету и закурил. - Существует много разных пси: одни могут двигать горы, другие...

- Мои возможности невелики, - перебила Джоанна. - Но посмотрите сюда. - Она повернулась к нему и подняла отворот рубашки. - Видите значок? Я являюсь членом Американского Пси-Объединения. Понимаете, я могу заставить время течь в обратном направлении. В ограниченной области пространства, скажем, три на четыре метра - чуть поменьше вашей комнаты. И только на пять минут назад.

Улыбка опять озарила ее лицо, и Чак снова залюбовался. Ему трудно было оторвать взгляд от девушки, пока она улыбалась. Казалось, эта прекрасная улыбка может рассказать о ней много больше слов.

"Со временем эта незаметная, скорее внутренняя, красота изменит ее внешность. К тридцати годам Джоанна станет ослепительной женщиной. Пока же это просто ребенок".

- Насколько полезна ваша способность? - спросил он.

- У нее ограниченное применение. - Джоанна уселась на круглый подлокотник старинного дивана, засунула руки в карманы своих облегающих джинсов и пояснила:

- Я работаю в местном отделении полиции. Меня перебрасывают в места тяжелых транспортных аварий, и я - вы не поверите, но это так и есть - возвращаю время к моменту перед началом аварии. А если опаздываю, то есть проходит больше пяти минут, то так или иначе могу вернуть к жизни человека, который только что умер. Понимаете?

- Понимаю, - сказал Чак.

- Но я мало зарабатываю. И что хуже всего, приходится быть наготове целые сутки. Мне сообщают о месте происшествия, и я мчусь туда на сверхскоростном прыгуне. Видите?

Повернув голову, девушка указала пальцем на свое правое ухо. Риттерсдорф заметил в нем маленький цилиндр и догадался, что это мини-приемник.

- Он постоянно настроен на прием. Это значит, что я не могу отходить дальше нескольких секунд бега от своего прыгуна. Конечно, можно ходить в рестораны, театры и в гости, однако...

- Здорово, - сказал Чак. - Может быть, вы когда-нибудь спасете мне жизнь.

А про себя подумал: "Итак, если бы я выпрыгнул из окна, она смогла бы ЗАСТАВИТЬ меня жить. Прекрасная способность..."

- Я спасла уже очень многих. - Девушка протянула руку. - Можно мне тоже сигарету?

Чак подал ей пачку и щелкнул зажигалкой, ругая себя - как всегда - за нерасторопность.

- А чем вы занимаетесь? - спросила девушка. С неохотой - не потому, что не любил рассказывать о себе, а из-за своего столь низкого положения в глазах общественного мнения - Чак обрисовал свою работу в ЦРУ. Джоанна внимательно слушала.

- Так вы помогаете нашему правительству удержаться у власти! - воскликнула она, восхищенно улыбаясь. - Это же замечательно!

Очарованный, он сказал:

- Спасибо.

- Но это так и есть! Подумать только - в этот самый момент тысячи роботов бродят по всему большевистскому миру, останавливают людей на улицах городов и в дремучих джунглях и произносят ваши слова... - Ее глаза сияли. - А я всего лишь помогаю местному отделению полиции...

- Есть такой закон, - сказал Чак, - который я называю Третьим Законом Риттерсдорфа о Неадекватной Отдаче. Он гласит: работа кажется тебе все менее и менее значимой пропорционально времени, в течение которого ты ею занимаешься. - Чак уже начал забывать ужасающе-отчаянное состояние, в котором пребывал совсем недавно.

Джоанна прошлась по комнате.

- У вас еще много вещей? Или вы уже все перевезли? Я помогу вам украсить комнату. Смайл Раннинг Клам тоже поможет - насколько в его силах, конечно. Дальше по коридору живет расплавленное металлическое существо с Юпитера по имени Эдгар; сейчас оно в спячке, но как только проснется, то обязательно зайдет. А комнату налево от вас снимает мыслящая птица с Марса - вы знаете, такая, с разноцветным оперением... У нее нет рук, но она может двигать предметы с помощью телекинеза. Она тоже обязательно поможет, только сегодня она занята - высиживает потомство.

- Подумать только! - воскликнул Чак. - Какая интересная компания!

- Кроме того, - продолжала Джоанна, - этажом ниже живет ленивец с Каллисто. Он висит на трехногой лампе и спит. Такие лампы появились здесь..., в шестидесятых годах прошлого века. С заходом солнца ленивец просыпается и идет за пищей. А ганимедянина вы уже видели.

Она энергично, хотя и несколько неумело затянулась сигаретой.

- Да, мне здесь нравится: можно встретить самые необычные формы жизни. До вас в этой комнате жил венерианский лишайник. Однажды я спасла ему жизнь, когда он высох... Вы ведь знаете, лишайникам постоянно нужна влага. Здешний климат слишком сухой для них. В конце концов лишайник подался на Север, в Орегон, где постоянно идут дожди.

Обернувшись, девушка внезапно замолчала и внимательно посмотрела ему в лицо.

- Да, вы выглядите так, словно у вас большие неприятности.

- Да нет, ничего особенного. Все эти неприятности больше воображаемые. На них вполне можно наплевать.

"Неприятности... - подумал он. - Если бы я думал головой, то никогда бы не втянулся в них. Мне просто не стоило жениться на Мэри".

- Как зовут вашу жену? Вздрогнув, Чак ответил:

- Мэри.

- Пожалуйста, не убивайте себя из-за того, что расстались с ней, - проговорила Джоанна. - За пару недель вы обязательно придете в норму. Сейчас вы чувствуете себя как половинка Разделенного надвое живого существа. Биологическое разделение всегда ранит, я знаю... Протоплазма, которая иногда снимала здесь комнату, страдала всякий раз, когда разделялась, однако ей приходилось идти на это, чтобы расти.

- Да, рост, наверное, ранит... - Подойдя к старинному двустворчатому окну, Риттерсдорф еще раз взглянул вниз на летающие колеса, экранопланы, пешеходов. Он действительно был очень близок к смерти...

- Это не такая уж плохая комната, честное слово, - сказала девушка. - Мне приходилось жить в разных местах. Конечно, любой полицейский из нашего отделения знает Замок Бездельников, - призналась она. - Здесь всегда много шума: воровство, драки; было даже одно убийство. Это не совсем спокойное место... Как вы, наверное, уже догадались.

- И однако...

- И однако мне кажется, вам лучше остаться здесь. По крайней мере, вы будете не один. Особенно по ночам, когда неземные существа оживают - вы скоро узнаете об этом сами. А Смайл Раннинг Клам очень хороший. С ним стоит подружиться. Он многим помогает. Ганимедяне обладают одной чертой характера, которую Святой Павел называл "каритас"... Святой Павел учил, что каритас - величайшая из добродетелей. По-современному это значит сопереживание, сочувствие, - добавила она.

Внезапно дверь открылась. Чак обернулся и увидел двух своих старых знакомых, коллег из ЦРУ - шефа Джека Элвуда и напарника по составлению речевых текстов Пита Петри. При виде Чака оба облегченно вздохнули.

- Черт побери! - воскликнул Элвуд, - мы уж думали, что опоздали. Мы разыскивали тебя, Чак. Джоанна Триест обратилась к Элвуду:

- Я из местного отделения полиции. Пожалуйста, предъявите ваши удостоверения личности. - Ее голос был холоден, как лед.

Элвуд и Петри небрежно махнули черными корочками ЦРУ и подошли к Чаку.

- Что, интересно, здесь делает полиция? - поинтересовался Элвуд.

- Это друг, - ответил Риттерсдорф. Джек Элвуд пожал плечами. Очевидно, он не собирался вдаваться в подробности.

- Ты не мог найти себе жилище попроще? - Элвуд оглядел комнату. - Здесь как-то странно пахнет.

- Это только на время. - Чаку стало неловко.

- Ты совсем испортился, - проговорил Петри. - На работе не появляешься... Нам кажется, тебе сейчас лучше поехать в Управление и заняться делом. Для твоей же пользы. Нечего торчать здесь одному и думать черт знает о чем.

Он пристально посмотрел на Джоанну Триест, очевидно, стараясь определить, не предотвратила ли та попытку самоубийства. Никто, однако, не стал просвещать его на сей счет.

- Так ты поедешь с нами? В Управлении накопилась уйма дел, наверное, тебе придется просидеть там всю ночь.

- Спасибо вам, - поблагодарил Чак. - Но мне нужно перевезти вещи. И хотя бы немного прибраться.

Ему опять невероятно захотелось остаться одному. Спрятаться, забиться в угол и ни о чем не думать.

- Я могу побыть с ним, - предложила Джоанна Триест. - По крайней мере пока не получу очередной вызов. Меня обычно беспокоят около пяти вечера, когда интенсивность движения резко возрастает. А до тех пор...

- Послушайте!... - резко проговорил Чак. Все трое вопросительно посмотрели на него.

- Если кто-то **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО** хочет совершить самоубийство, то **НИКОМУ НЕ УДАСТЯ ОСТАНОВИТЬ ЕГО**. Возможно, вы отсрочите дело. Может, какой-нибудь пси даже сумеет вернуть его к жизни. Но все равно через какое-то время он найдет способ выполнить свое намерение. Поэтому, ради Христа, оставьте меня, наконец, в покое. - Чак уже с трудом боролся с усталостью. - У меня на самом деле уйма дел. В четыре я встречаюсь со своим адвокатом. Мне некогда с вами болтать.

Взглянув на часы, Элвуд сказал:

- Мы отвезем тебя к адвокату. Пошли. - Он махнул Петри рукой.

- Может, увидимся, - сказал Чак Джоанне. - Когда-нибудь.

- Он слишком устал, чтобы соблюдать приличия. - Спасибо вам, - невнятно добавил он, даже точно не зная, за что благодарит девушку.

Выделяя каждое слово, Джоанна произнесла:

- Знайте, что Смайл Раннинг Клам, находится в комнате напротив и слышит все, о чем вы думаете. Если вы снова задумаете что-то не то, он узнает и вмешается. Поэтому...

- Хорошо, - вздохнул Чак. - Я не буду делать этого здесь, В сопровождении Элвуда и Петри он направился к двери.

Джоанна двинулась следом.

Выйдя в коридор, Чак заметил, что дверь в комнату липкой плесени открыта. Огромный желтый холм слегка заколыхался в знак приветствия.

- И вам спасибо, - с легкой иронией проговорил Чак, проходя мимо.

Они летели на колесе Элвуда в адвокатскую контору Нейта Уилдера, в Сан-Франциско, когда шеф сказал Чаку:

- Насчет этой операции "Пятьдесят Минут"... Мы запросили разрешение включить своего человека в состав экспедиции. Стандартный запрос, его, естественно, удовлетворили. - Он задумчиво поглядел на Чака. - Думаю, придется использовать симулакрума.

Чак рассеянно кивнул. В такого рода проектах, когда существовала серьезная опасность потерять агента, ЦРУ всегда применяло роботов. Управление имело небольшой оперативный бюджет и понапрасну не рисковало своими людьми.

- Симулакрум уже готов, - продолжал Элвуд, - и находится у нас в офисе. Его изготовил филиал "Дженерал Дайнэмикс" в Пало Альто. Если хочешь, можешь взглянуть на него.

Он достал из кармана пиджака листок бумаги.

- Даниэль Мэйджбум, двадцать шесть лет, англосакс. Окончил Стэнфордский университет с дипломом магистра точных наук. Затем в течение года обучался в Сан-Хосе, после чего был принят на работу в ЦРУ. Это его легенда. Никто не будет знать, что этот участник экспедиции - робот... Только мы еще не решили, кого посадить за пульт управлять Дэном, - прибавил Элвуд. - Может, этим стоит заняться Джонстону?

- Он все завалит, - убежденно заявил Чак. Любой биоробот мог до определенной степени действовать самостоятельно, однако в подобной экспедиции потребуется принимать слишком много решений. Предоставленный самому себе, Даниэль Мэйджбум быстро разоблачил бы себя. Поэтому в обычных ситуациях он будет двигаться и говорить сам, но когда придет время

серьезных решений - оператор, сидящий в полной безопасности на первом этаже здания ЦРУ в Сан-Франциско, возьмет управление на себя.

Припарковав колесо на крыше здания адвокатской конторы Нейта Уилдера, Элвуд неожиданно предложил:

- А может, Чак, ты займешься управлением Мэйджбума? Ведь Джонстон действительно не лучшая кандидатура для этой работы.

Чак удивленно посмотрел на начальника.

- Почему я? Это же не мой профиль. В ЦРУ имелась группа специалистов-операторов для дистанционного управления биороботами.

- Понимаешь, Чак, мы хотим сделать тебе подарок, - медленно проговорил Элвуд, наблюдая за оживленным вечерним движением летательных аппаратов, которые, подобно облаку, окутывали город. - Ты сможешь быть рядом с женой, если можно так выразиться.

Помолчав, Чак ответил:

- Я отказываюсь.

- Ты сможешь видеть ее.

- Зачем? - Чак чувствовал, как в нем закипает гнев. Его опять принуждали.

- Давай посмотрим правде в глаза, - мягко сказал Элвуд. Психологи из Управления прекрасно знают, что ты все еще любишь ее. А для работы с Дэном нам нужен постоянный оператор. На несколько недель Петри займется твоими текстами, а ты попробуй, осмотришь, не понравится - вернешься к своей основной работе. Ты ведь столько лет составлял речевые тексты, что за пультом будешь как у себя дома, я уверен. Ты только представь: полетишь с Мэри на одном корабле, вместе с ней высадишься на Альфу III M2...

- Нет, - повторил Чак. Открыв дверцу машины, он сошел на посадочную площадку на крыше. - Скоро увидимся. Спасибо за доставку.

- Ты ведь знаешь, - сказал Элвуд, - я могу приказать тебе сесть за пульт. И прикажу, если почувствую, что это необходимо для тебя. Такое вполне может случиться. А пока я сделаю вот что: запрошу досье твоей жены из ФБР и выясню, что она за человек. В зависимости от этого... - он сделал неопределенный жест рукой, - я и приму окончательное решение.

- И каким же человеком должна быть моя жена, чтобы мне понадобилось шпионить за ней при помощи симулакрума? - поинтересовался Чак.

- Женщиной, способной вернуть тебя к жизни, - ответил Элвуд и захлопнул дверцу аппарата. Петри включил двигатель, и машина поднялась в темнеющее небо. Чак проводил ее взглядом.

"Вот типичная манера Центрального Разведывательного Управления, - саркастически отметил про себя Чак. - Что ж, за столько лет мне следовало бы привыкнуть к такому стилю работы".

Однако Элвуд был прав в одном: Чак действительно запрограммировал очень много симулакрумов, вкладывая в их уста тщательно выверенную, УБЕДИТЕЛЬНЕЙШУЮ риторичку. И если он сядет за пульт, то не только сможет успешно руководить Действиями Даниэля Мэйджбума - или как там он еще называется, - но и...

Чак на секунду задумался.

...Но и превратить симулакрума в тонко настроенный инструмент, в ЧЕЛОВЕКА, который будет способен развлекать, убеждать и даже РАЗВРАЩАТЬ собеседника. Сам Чак Риттерсдорф не смог бы стать настолько красноречивым - он был мастером только в своем ремесле.

Кроме того... Даниэль Мэйджбум в руках Чака Риттерсдорфа мог бы достичь многого с Мэри Риттерсдорф... Никто не понимал этого лучше, чем его начальник. Поэтому нет ничего удивительного в том, что Элвуд так настойчиво убеждал его заняться этой работой...

Чак почувствовал легкое возбуждение. Ведь подглядывать в замочную скважину, что ни говори, все-таки чрезвычайно интересно... Особенно если об этом никто не узнает.

"Да нет, серьезно, - убеждал себя Чак, - отсюда явно можно извлечь что-нибудь полезное для себя..."

Скорее всего, решение лежало где-то посередине: надо, чтобы Даниэлем Мэйджбумом управлял надежный человек. Кто-нибудь, кто будет действовать в его интересах.

"А в чем, собственно, состоят мои интересы?"

Чак машинально вошел в кабину лифта, погруженный в раздумья. Потому что новая мысль - совсем не та, которую подсказал ему Джек Элвуд, - внезапно проникла в его сознание.

"В таких необычных обстоятельствах... Агент-симулакрум рядом с Мэри на удаленной луне другой звездной системы... Среди психически нездоровых индивидуумов разложившегося общества... И я буду управлять этим симулакрумом... В таких исключительных обстоятельствах может произойти все, что угодно..."

Это была не та идея, чтобы обсуждать ее с кем-либо; Чаку было даже трудно ясно сформулировать ее для себя. Однако она имела свои преимущества перед самоубийством, а ведь он был так близок к смерти...

"При таких обстоятельствах я без труда смогу организовать убийство Мэри. Посредством умной машинки, которую изготовила для ЦРУ фирма "Дженерал Дайнэмикс"... У меня будет хороший шанс оправдаться в суде. Симулакрум, которым управляют с такого дальнего расстояния, часто действует самостоятельно - его электронный мозг иногда берет верх над управляющим сигналом. Игра явно стоит свеч... В суде я заявлю, что робот действовал сам, представлю кучу технической документации, доказывающей, что симулакрумы сплошь и рядом вытворяют подобные вещи... В архиве ЦРУ полно таких случаев.

И пусть только следствие попытается потянуть этот воз - доказать, ЧТО ЭТО Я выдал симу команду на убийство".

Чак подошел к двери адвокатской конторы Нейта Уилдера, продолжая мучительно соображать. Дверь автоматически открылась, и он вошел.

Неплохая, в сущности, идея; ее следовало всесторонне обдумать. Хотя бы с технической стороны.

Чак был сам себе противен, но мысль, раз появившись, уже не оставляла его. Подобно идее фикс, она прочно завладела всем его существом, и с ней было не так-то легко справиться. И все же...

Такое преступление никак нельзя назвать идеальным. На Чака Риттерсдорфа сразу же падет главное подозрение... Окружной прокурор или прокурор штата - или кто там занимается подобными делами - быстро догадается, кто стоит за этим... А также газетчики, среди которых встречаются самые дотошные умы Соединенных Штатов...

Однако подозревать и доказать - две совершенно разные вещи.

В какой-то мере ему поможет завеса высокой секретности, скрывающая деятельность Центрального Разведывательного Управления...

Землю и Альфанскую звездную систему разделяет более трех световых лет - огромная дистанция. Слишком большая, чтобы при обычных обстоятельствах совершить хорошо продуманное убийство. Кроме того, значительное смещение электромагнитного сигнала при входе и выходе из гиперпространства может вполне сносно рассматриваться как постоянно действующий фактор. Хороший адвокат сможет сделать чертовски громкое дело на одном этом моменте.

А Нейт Уилдер - как раз такой адвокат.

Глава 5

В тот же вечер, поужинав в ресторане "Голубая Лисица", Чак позвонил домой своему шефу Джеку Элвуду.

- Хочу взглянуть на создание, которое вы назвали Даниэлем Мэйджбумом, - осторожно сказал он.

Лицо шефа на небольшом экране сморщилось в улыбку.

- Отлично. Это легко сделать - возвращайся в свои шикарные апартаменты, и Дэн приедет к тебе. Сейчас он у меня: моет посуду на кухне. Так что же заставило тебя решиться?

- Да так, особой причины нет. - Чак повесил трубку. Он вернулся к себе и стал ждать Дэна. Вечером, когда старинные лампы были включены, комната выглядела еще более Удручающей.

Через некоторое время он услышал голос в коридоре - мужской голос, который спрашивал о нем. Затем в голове возникли мысли липкой плесени:

"Господин Риттерсдорф, здесь какой-то человек ищет вас. Пожалуйста, откройте дверь и примите его".

В коридоре стоял невысокий пожилой мужчина в вышедшем из моды костюме и с заметным животиком.

- Это вы Риттерсдорф? - произнес гость требовательным, сердитым тоном. - Ох, что за дыра! Здесь полно всяких странных тварей. Непонятно, что здесь делает землянин? - Он вытер красное, потное лицо носовым платком. - Я Банни Хентмэн. Вы ведь писатель, не так ли? Или это все мистификация?

- Да, я пишу речевые тексты для роботов, - сказал Чак. "Конечно, это дело рук Мэри. Очередное предложение о работе. Чтобы выжать из меня побольше".

- Вы что, не узнали меня? - сердито проговорил Хентмэн. - Разве я не известен всему миру? Вы, наверно, не смотрите телевизор. - Он раздраженно запыхтел сигарой. - Итак, я здесь. Вы хотите работать на меня или нет? Послушайте, Риттерсдорф, я не привык валяться у кого-либо в ногах. Но пишете вы прекрасно - должен признать это. Где ваша комната? Или мы так и будем торчать в коридоре?

Заметив полуоткрытую дверь комнаты Чака, он без приглашения направился к ней, прошел внутрь и скрылся из виду. Быстро соображая, Риттерсдорф последовал за неожиданным пришельцем.

"От него, очевидно, так просто не отделаться, - понял он. - Ну и пусть: устроим небольшую проверку для Дэна Мэйджбума".

- Понимаете, - сказал он телекому, прикрыв за собой дверь, - я не очень-то стремлюсь получить это место.

- Знаю, знаю, - проговорил Хентмэн, кивая. - Вы патриот. Вам нравится делать роботов-разведчиков. Слушайте. - Он вытянул палец. - Я могу платить вам ВТРОЕ больше, чем они. Кроме того, вы получите полную свободу в выборе тем. Конечно, последнее слово всегда останется за мной в смысле использования и подачи материала...

Комик с ужасом оглядел комнату.

- Боже! Эта келья напоминает мое нищее детство в Бронксе. Вот это и есть настоящая бедность. Что случилось? Неужели жена обобрала вас до нитки через суд? - Его глаза подрагивали, выражая сочувствие. - Да, знаю, такое может случиться. Сам трижды разводился, и каждый развод стоил мне бешеных денег. Закон на стороне женщины, ничего не поделаешь! А эта ваша жена... Привлекательная, однако... - Хентмэн неопределенно взмахнул рукой. - Не знаю. Она несколько холодновата - понимаете, что я имею в виду? Из тех, кто высчитывает все наперед. Не завидую вам, дружище. С такими женщинами нужно постоянно быть начеку, не то она подсунет тебе горькую пилюлю в самый неподходящий момент. С ними нельзя связываться надолго: лучше ограничиться простой интрижкой. Он с жалостью посмотрел на Чака.

- Но, как я вижу, вы из тех, кто воспринимает женщин слишком серьезно. Бьется с открытым забралом, так сказать... Вот, батенька, что я вам скажу: эта женщина переедет через вас всеми четырьмя колесами и оставит плоским, как ослиная задница.

В дверь постучали, и в голове Чака снова возникли мысли Смайла Раннинга Клама:

"Еще один посетитель, господин Риттерсдорф. На этот раз помоложе".

- Извините, - сказал Чак Хентмэну и направился к двери. Симпатичный молодой человек, одетый по последней моде - в новый костюм от "Братьев Хардинг", - увидев Чака, сказал:

- Господин Риттерсдорф? Я Даниэль Мэйджбум. Господин Элвуд просил зайти к вам.

"Великолепная работа. Ни за что не признал бы в нем симулакрума". Чак был в восторге.

- Здравствуйте, - сказал он, - заходите.

Познакомьтесь, Мэйджбум. Это знаменитый комик Банни Хентмэн. Вы должны знать - топ-топ, бум-бум - Хентмэна, который появляется на экране в костюме кролика с глазами-крестиками и большими хлопающими ушами.

- Очень, очень рад, - воскликнул Мэйджбум, протягивая руку; мужчины обменялись рукопожатием, оценивая друг друга. - Смотрел ваше шоу много раз и просто умирал со смеху.

- Здравствуйте, - пробормотал Хентмэн, сурово посмотрев на Чака.

- Дэн - наш новый сотрудник, - объяснил Чак. - Я первый раз встречаюсь с ним. - Потом добавил:

- Мы будем вместе работать.

- Нет, - энергично возразил Хентмэн, - вы будете работать со мной, разве вы не поняли? Я принес готовый, уже составленный контракт. Мои юристы потрудились на славу. - Он полез в карман пиджака, сердито глядя на Чака.

- Я, наверное, не вовремя, - заметил Мэйджбум, осторожно отпрянув назад. - Могу зайти позже, господин Риттерсдорф. Чак, если позволите.

Хентмэн взглянул на Мэйджбума. Затем, пожав плечами, развернул контракт.

- Смотрите, сколько я буду платить вам. Видите? - Он потыкал в бумагу пальцами с зажатой в них сигарой. - Разве ваша работа по изготовлению шпионов даст вам столько? Поймите же, заставляя Америку смеяться не менее патриотично - смех укрепляет наши моральные ценности и помогает победить красных. Наша работа ГОРАЗДО более патриотична, чем та, которой вы сейчас занимаетесь. Все эти роботы, эти холодные идиоты вызывают у меня содрогание.

- Совершенно согласен с вами, - неожиданно заговорил Даниэль Мэйджбум. - Однако, господин Хентмэн, есть ведь и другая сторона медали, если вы позволите мне вставить пару слов. Господин Риттерсдорф, то есть Чак, выполняет работу, которая под силу лишь немногим. Программирование симулакрумов - это поистине искусство, ведь неумело обученный робот похож на медведя - даже ребенку под силу отличить его от живого человека. А если программа написана мастерски...

Мэйджбум широко улыбнулся.

- Жаль, что вам не приходилось видеть симулакрумов Чака в деле. Просто потрясающее зрелище. Кроме того, у нас есть и другие высококлассные специалисты - например, господин Петри, который пишет тексты в некотором смысле даже лучше, чем Чак.

Чаку стало ясно, что Пит Петри явно приложил руку к программированию Даниэля Мэйджбума, и не смог сдержать улыбку.

- Может быть, я тоже найму этого парня - Петри, - мрачно проговорил Хентмэн, - если он так хорош.

- Естественно! Пит Петри подойдет для вас гораздо лучше, - не унимался Мэйджбум. - Догадываюсь, что именно вас привлекает в текстах Чака - юмор. Но позволю себе заметить: юмор у господина Риттерсдорфа все-таки не столь выразителен и последователен, как требуется

для вашей программы. Сомневаюсь, что Чак найдет в себе силы перестроиться, если будет работать у вас. Однако, когда речь идет о программировании роботов...

- Помолчите! - раздраженно проговорил Хентмэн. Затем обратился к Чаку:

- Терпеть не могу, когда меня отвлекают от дела! Давайте-ка лучше пойдем куда-нибудь в более спокойное место и все обсудим.

В голове Чака опять сформировались слова липкой плесени:

"Та красивая девушка - хотя вы и отметили, что она не сделала операцию поднятия груди - входит в здание. Она направляется к вам, господин Риттерсдорф; я уже сообщил ей, что вы дома".

Телекомик тоже, очевидно, уловил мысли ганимедянина, так как в отчаянии произнес:

- Черт возьми, здесь вообще можно поговорить спокойно или нет? Что это еще за наваждение?

- Госпожа Триест не помешает вашему разговору, господин Хентмэн, - выпалил Мэйджбум, и Чак посмотрел на симулакрума, пораженный тем, что тот знал о существовании Джоанны. Потом догадался:

"Он управляется дистанционно. Ясно, что это не программа. Петри руководит им из Сан-Франциско".

Дверь открылась. На пороге в нерешительности стояла Джоанна Триест в сером свитере и джинсовой юбке, но без чулок и в туфлях на высоких каблуках.

- Я отвлекаю вас, Чак? Господин Хентмэн! - Девушка зарделась от радости. - Я сотни раз видела вас на экране! Вы мне кажетесь величайшим из живущих ныне комиков! Вы просто такой же великий, как Чарли Чаплин и остальные гении прошлого!

Ее глаза сверкали, она подошла к Хентмэну и встала рядом.

- Вы что, друг Банни Хентмэна? - с завистью спросила она у Чака. - Жалко, что вы не рассказывали мне об этом раньше.

- Мы пытаемся прийти к соглашению, - проворчал Хентмэн. - Итак, на чем мы остановились? - Он заходил взад и вперед по комнате, с него градом тек пот.

- Нет, я сдаюсь, - объявил он. - Я не могу нанять вас, вы слишком общительный человек. Писателям полагается быть замкнутыми аскетами, живущими в одиночестве.

Джоанна Триест оставила дверь открытой, и все увидели, как, колыхаясь, в комнату вползала липкая плесень.

"Господин Риттерсдорф, - раздалась ее мысль, - мне действительно необходимо поговорить с вами наедине. Сейчас же. Не могли бы вы на минуточку зайти ко мне в комнату?"

Хентмэн повернулся спиной к остальным и прорычал что-то в негодовании, потом подошел к окну и уставился в него. Чак в недоумении последовал за липкой плесенью.

- Закройте дверь и подойдите поближе, - сказал ганимедянин. - Я не хочу, чтобы кто-нибудь подслушал то, что я буду говорить вам.

Чак приблизился.

- Этот странный господин, Даниэль Мэйджбум, - тихо начал вещать ганимедянин, - не человек, а искусственная конструкция. В нем отсутствует личность; кто-то управляет им издалека. Я решил, что хорошо бы предупредить вас об этом, потому что вы все-таки мой сосед.

- Спасибо, я об этом знаю, - сказал Чак.

Ему стало не по себе; он не хотел, чтобы ганимедянин залезал в его мысли из-за направления, которые те приобрели совсем недавно.

- Послушайте... - начал было Чак, но плесень опередила его.

- Я уже исследовал этот материал в вашем мозгу, - проинформировал его ганимедянин. - Ненависть по отношению к жене и позыв к ее убийству. У каждого время от времени возникают подобные импульсивные желания, и вообще-то я не должен обсуждать их с кем-либо. Но, как

священник или врач, телепат обязан...

- Вот и не будем обсуждать, - буркнул Чак. То, что Смайл Раннинг Клам знал о его намерениях, представляло их в совершенно ином свете. Теперь, возможно, ему придется отказаться от своего замысла... Ведь если только обвинительно удастся привести липкую плесень в суд...

- На Ганимеде, между прочим, месть считается священным обычаем, - объявила плесень. - Если не верите, то попросите своего адвоката Нейта Уилдера заглянуть в наше законодательство. Лично я также ни в коей мере не считаю ваше стремление предосудительным; во всяком случае, оно явно предпочтительней ваших прежних мыслей о самоубийстве, которые являются противоестественными для всего живого...

Чак двинулся прочь из комнаты.

- Погодите, - сказал ганимедянин. - У меня к вам еще одно дело. В обмен на мое молчание..., окажите мне услугу.

Итак, его уже шантажировали. Чак не удивился: Смайл Раннинг Клам, во всяком случае, был весьма деловым созданием.

- Я настаиваю, господин Риттерсдорф, чтобы вы прямо сейчас приняли предложение Хентмэна.

- А как быть с моей работой в ЦРУ? - проворчал Чак.

- Вам не нужно увольняться оттуда - вы сможете работать в двух местах одновременно. - Мысли липкой плесени стали напоминать конфиденциальный шепот. - Вы будете... Как это? Подхалтуривать.

- "Подхалтуривать". Где вы нахватались таких слов?

- Я знаток земного общества, - гордо заявил ганимедянин. - Итак, днем вы будете работать в ЦРУ, а ночью - писать сценарии для Банни Хентмэна. Для этого вам потребуются стимуляторы гексаамфетаминового класса, применение которых на Земле запрещено законом. Однако я обеспечу вас ими в необходимом количестве через свои многочисленные связи на других планетах. Таким образом, у вас вообще отпадет потребность во сне, так как обмен веществ в вашем мозгу будет осуществляться посредством...

- Шестнадцатичасовой рабочий день! Лучше уж сдавайте меня полиции.

- Ни в коем случае! - запротестовал ганимедянин. - Потому что так у вас ничего не выйдет: вам придется отказаться от своего замысла, зная, что ваши намерения будут заранее известны полиции. Таким образом, вам никогда не отделаться от этой, как у вас принято говорить, чертовой бабы.

Чак удивленно спросил:

- Почему это вы, интересно, считаете Мэри "чертовой бабой"? А про себя подумал: "Что он вообще может знать о земных женщинах?"

- Из анализа ваших мыслей я знаю о тех постоянных садистских уколах по отношению к вашему самолюбию, которые госпожа Риттерсдорф практиковала на протяжении многих лет. По стандартам любой из цивилизаций их нельзя назвать иначе как дьявольскими. Из-за них вы теперь больны и не в состоянии трезво оценивать действительность. Я наблюдаю, например, как вы сопротивляетесь выгоднейшему предложению о работе, которое делает вам господин Хентмэн.

В дверь постучали, и в комнату заглянул Банни Хентмэн. Он выглядел очень сердитым.

- Мне надо идти, Риттерсдорф. Каков будет ваш ответ? Да или нет? И если вы будете работать со мной, то сделайте одолжение, не приводите с собой никаких студнеобразных неземных существ, приходите один.

Липкая плесень активно излучила:

- Господин Риттерсдорф принимает ваше любезное предложение, господин Хентмэн.

- Кто вы? - хрипло спросил Банни Хентмэн. - Его менеджер?

- Я коллега господина Риттерсдорфа, - заявил ганимедянин.

- О'кей, - сказал Хентмэн, протягивая Чаку контракт. - Здесь указано, что вы принимаетесь на восьминедельную работу с обязанностью каждую неделю выдавать по часовой пьесе и принимать участие во встречах с другими авторами. Ваше жалование составит две тысячи долларов в неделю. О'кей?

Это было даже более чем "О'кей" - гораздо больше того, что он ожидал. Чак взял контракт и подписал его; ганимедянин наблюдал за процедурой.

- Я засвидетельствую вашу подпись, - сказала Джоанна Триест; она тоже вошла в комнату и встала рядом.

Джоанна расписалась в свидетельской графе на трех экземплярах, которые затем были возвращены Хентмэну. Тот засунул их было в карман пиджака, но, вспомнив, что один экземпляр должен остаться у Чака, снова вытащил контракт и вернул Чаку копию.

- Поздравляю, - сказал ганимедянин, - теперь это событие необходимо отметить.

- Я - пас, - сказал телекомик. - Мне надо бежать. Пока, Риттерсдорф. Буду поддерживать с вами связь. Установите видеофон в вашу гнилую келью. Или перебирайтесь в помещение получше. - Дверь комнаты Смайла Раннинга Клама закрылась за ним.

- Ничего, отпразднуем втроем, - сказал ганимедянин. - Я знаю бар, который, обслуживает неземных существ. Выпивка за мой счет.

- Прекрасно. - Чаку не хотелось оставаться одному у себя в комнате и давать Мэри лишний шанс найти его.

Открыв дверь, они, ко всеобщему удивлению, обнаружили в коридоре Даниэля Мэйджбума.

- Простите, - сказал Чак. - Совсем о вас забыл.

- Мы идем в бар отмечать одно маленькое событие, - объяснил ганимедянин, вытекая из комнаты. - Вы тоже приглашены, несмотря на то что у вас нет мозга, а только оболочка, набитая микросхемами.

Джоанна удивленно посмотрела на Мэйджбума, затем на Чака. Чак объяснил:

- Мэйджбум - биоробот, принадлежащий ЦРУ. Его действиями управляют на расстоянии, из нашего отделения в Сан-Франциско. - Затем спросил у Мэйджбума:

- Кто это? Петри?

Улыбаясь, Мэйджбум ответил:

- В данный момент, господин Риттерсдорф, я управляюсь собственной автономной системой. Господин Петри отключился, когда вы вышли из комнаты. Я ведь неплохо справляюсь сам, не так ли? - Казалось, симулакрум был очень доволен собой. - Теперь весь вечер я могу делать, что захочу. Могу пойти с вами в бар, пить, закусывать и развлекаться совсем как не-симулакрум, а может, даже лучше.

"Итак, вот инструмент, - думал Чак, пока они шли к лифту, - при помощи которого я расквитаюсь с Мэри".

Уловив его мысли, ганимедянин заметил:

- Не забывайте, господин Риттерсдорф, что госпожа Триест работает в полиции.

Джоанна, услышав это, сказала:

- Да, это так. - Она уловила только мысли липкой плесени, но не Чака.

- А почему вы подумали это господину Риттерсдорфу? - через некоторое время спросила она ганимедянина.

- Я чувствую, - нашелся тот, - что из-за этого факта вы не будете поощрять проявлений любовной активности с его стороны.

Чак поперхнулся. Джоанна вспыхнула.

- Мне кажется, - сурово сказала девушка липкой плесени, - у вас должно быть достаточно своих дел. Способность к телепатии, сделала вас, ганимедян, чересчур навязчивыми.

- Готов просить у вас прощения, госпожа Триест, - сказал Смайл Раннинг Клам, - если я превратно истолковал ваши желания. Извините меня.

Для Чака он добавил:

- Вероятно, все же госпожа Триест БУДЕТ поощрять проявления вашей любовной активности.

- Ради Бога, - взмолилась Джоанна, - думайте, пожалуйста, о своих делах! Давайте вообще оставим эту тему, хорошо? - Она слегка покраснела.

- Чрезвычайно сложно, однако, - угрюмо подумал ганимедянин, не обращая ни к кому в отдельности, - угодить земной девушке. - Остаток пути до бара он аккуратно избегал думать вообще о чем-либо.

Потом, когда они сидели за столиком в отдельном кабинете бара - липкая плесень возвышалась огромным желтым холмом над кожаным сиденьем, - Джоанна сказала:

- Как замечательно, Чак, что вы теперь будете писать для Банни Хентмэна, - вы станете знаменитым! Смайл Раннинг Клам подумал:

- Господин Риттерсдорф, мне кажется, вам следует сохранить в тайне от вашей жены тот факт, что вы работаете в двух местах одновременно. Ведь она может потребовать с вас гораздо большую сумму при разводе и увеличения размера алиментов.

- Да, действительно... - согласился Чак. Совет показался ему весьма ценным.

- Так как она определенно узнает, что вы приняли предложение господина Хентмэна, то вам и не нужно пытаться скрыть этот факт. Лучше умолчать о том, что вы продолжаете работать в ЦРУ. Попросите ваших коллег, в особенности вашего непосредственного начальника господина Элвуда, организовать для вас прикрытие.

Чак кивнул.

- В результате, - подчеркнул Смайл Раннинг Клам, - вы сможете, несмотря на отторжение имущества по суду и платежей по алиментам, иметь достаточно средств для безбедного существования. Вы еще не задумывались над этим?

Говоря по правде, Риттерсдорф еще не заглядывал так далеко вперед. Ганимедянин оказался гораздо предусмотрительнее его, и Чаку стало досадно.

- Видите, как тщательно я слежу за вашими интересами, - гордо заявил Смайл Раннинг Клам. - Не заставь я вас принять предложение господина Хентмэна...

- Мне кажется, - вмещалась Джоанна, в упор глядя на плесень, - что вы, ганимедяне, играете в нехорошие игры с мыслями землян, прикидываясь добренькими.

- Однако вы не учитываете тот факт, - самодовольно заметил ганимедянин, - что это именно я свел вас с господином Риттерсдорфом. И именно я предсказываю - хотя, должен признаться, я не прорицатель - высокую и успешную активность между вами в сексуальной сфере.

- Заткнитесь! - проговорила Джоанна с яростью.

После того как маленькое празднество в баре закончилось, Чак попрощался с Смайлом Раннингом Кламом и отделался от Даниэля Мэйджбума, затем вызвал такси и поехал провожать Джоанну Триест.

Они сидели рядом, и Джоанна сказала:

- Я так рада, что мы наконец-то сбежали от этого навязчивого телепата. У меня просто начинает болеть голова, когда все мои мысли мгновенно раскрываются... Хотя он действительно познакомил нас. - Внезапно она замолчала, склонив голову набок и внимательно прислушиваясь.

- Произошла авария, - сообщила она и сразу назвала водителю новый адрес. - Меня вызывают. Есть один смертельный случай.

Подъехав к месту аварии, они увидели разбитый реактивный прыгун, у которого во время приземления отказал двигатель, и он врезался в здание, разбросав во все стороны пассажиров. Под импровизированным одеялом из пальто и свитеров неподвижно лежал бледный пожилой мужчина. Полицейские никого к нему не подпускали, и Чак догадался, что это и есть жертва катастрофы.

Джоанна сразу же поспешила туда; Чак сопровождал ее и обнаружил, что полицейские позволяют ему пройти. Наготове стояла санитарная машина; ее работающий двигатель нетерпеливо взвизгивал, как бы желая поскорее доставить потерпевшего в больницу.

Нагнувшись, Джоанна осмотрела мертвеца.

- Три минуты назад... - пробормотала она не то для себя, не то для Чака. - Хорошо, смотрите, я сейчас перенесу его на пять минут назад.

Джоанна заглянула в бумажник мертвого человека, который протянул ей один из полицейских.

- Господин Эрик Беджамин Аккерс... - прошептала она и закрыла глаза. - Сдвиг времени повлияет только на него, - сообщила она Чаку. - По крайней мере, нужно постараться. Хотя никогда нельзя быть уверенной при таких... - Ее лицо напряглось, как бы концентрируя энергию.

- Отойдите-ка лучше в сторону, - сказала она Чаку. - Чтобы вас не задело.

Поднявшись с колен, он пошел вдоль оцепления, вдыхая холодный ночной воздух. Потом закурил и прислушался к монотонному бормотанию переговоров по рации, доносящемуся из полицейских машин. Уже собралась внушительных размеров толпа; движение по улице замедлилось, регулируемое полицией.

"С какой странной девушкой я связался, - думал Чак. - Сотрудник полиции и, кроме того, пси... Что бы она, интересно, сделала, если бы узнала о моих намерениях использовать симулакрума Даниэля Мэйджбума для... Наверно, Смайл Раннинг Клам прав: ей нельзя рассказывать об этом".

- Идите сюда! - Джоанна махала ему рукой.

Чак поспешил назад.

Лежащий под импровизированным одеялом человек дышал: грудь его слегка вздымалась и опадала, а вокруг рта образовались маленькие пузырьки слюны.

- Вернула его на четыре минуты назад, - сообщила Джоанна.

- Он снова жив, но уже ПОСЛЕ аварии. Это максимум, что я смогла сделать.

Она кивнула медикам-симулакрумам, которые приблизились и склонились над воскресшим, но раненым человеком.

Используя компактную рентгеновскую установку, старший симулакрум осмотрел внутренние органы пострадавшего, определяя места наибольших повреждений. Затем обернулся к напарнику; роботы быстро обменялись информацией, и младший симулакрум открыл дверцу у себя на боку и извлек оттуда картонную коробку, которую тут же вскрыл.

В коробке находилась искусственная селезенка - в свете фар полицейских машин Чаку удалось разобрать надпись на коробке. А роботы между тем начали оперировать: один сделал анестезирующий укол, другой своей специальной хирургической рукой начал резать кожную ткань раненого в районе брюшной полости.

- Пойдемте, - сказала Джоанна Чаку, который с интересом наблюдал за работой медицинских симулакрумов. - Нам здесь больше делать нечего.

Засунув руки в карманы пальто, маленькая и стройная, она вернулась к такси, и села на заднее сиденье, дожидаясь Чака. Вид у нее был усталый.

Когда машина тронулась, Чак сказал:

- Я впервые наблюдал, как работают медицинские симулякры.

Он находился под впечатлением от увиденного - еще раз воочию убедился, какие огромные возможности присущи этим искусственным псевдолюдям, сконструированным и изготовленным фирмой "Дженерал Дайнэмикс". Конечно, Чак много раз видел симулякры ЦРУ в работе, но здесь все было совсем по-иному. Здесь врагом была не просто группа людей с другой политической ориентацией - врагом была сама смерть.

А в его предстоящей работе с симулякром Мэйджбумом цель совершенно иная: смерть будет не врагом, а союзником.

Чаку стало ясно, что после всего увиденного он никогда не расскажет Джоанне Триест о своих планах. И, в таком случае, разумно ли продолжать встречаться с ней? Вынашивать план убийства и в то же время поддерживать знакомство с сотрудником полиции. Абсурд. Разве он враг самому себе?

И не является ли такое, поистине странное сочетание видоизмененным позывом к самоубийству?

- Даю полдоллара, если расскажете, о чем вы сейчас думаете, - сказала Джоанна.

- Что? - Чак вздрогнул.

- Я не Смайл Раннинг Клам и не умею читать мысли. Вы сейчас такой серьезный; мне кажется, вас беспокоят семейные проблемы. Как бы мне улучшить ваше настроение? - Она задумалась. - Сделаем так: когда приедем, зайдем ко мне и... - Она залилась краской, очевидно вспомнив слова липкой плесени. - Мы только выпьем, - сдержанно добавила она.

- Согласен, - кивнул Чак, тоже припоминая предсказание ганимедянина.

- Послушайте, - сказала Джоанна. - То, что какой-то там ганимедский сплетник всюду сует свой нос из-за идиотской способности к телепатии и псевдодоброты, вовсе не означает... - Она замолчала, разволновавшись; глаза возбужденно сверкали. - Бог с ним. Знаете, мне кажется, он потенциально опасен. Ведь у ганимедян такие амбиции... Помните условия, на которых они вступили в земно-альфанскую войну? Они все такие - стремятся разнюхать побольше и предугадать последствия... - Джоанна наморщила лоб. - Наверно, вам следует подыскать себе другую квартиру, чтобы быть от него подальше.

"Уже немного поздно", - спокойно подумал Чак. Машина остановилась у дома Джоанны. Чак увидел современное здание, спроектированное просто и со вкусом, но, как и у большинства домов недавней постройки, значительная часть его находилась под поверхностью земли. Вместо того чтобы подниматься вверх, оно опускалось вглубь.

- Я живу на шестнадцатом подземном этаже, - предупредила Джоанна, когда они спускались в лифте. - Все равно что шахтер в забое... Наверно, это неприятно для тех, кто страдает клаустрофобией.

Минуту спустя она философски добавила, отпирая ключом дверь:

- С точки зрения безопасности жить на такой глубине очень даже неплохо. Представляете, если альфанцы снова нападут? Приятно осознавать, что между тобой и ядерным взрывом - пятнадцать уровней. Да и вообще, здесь как-то спокойней.

Она открыла дверь. В прихожей мягким дымчатым светом зажглись лампы.

Внезапно по глазам ударила яркая вспышка. Чак, таращась ослепленными глазами, не сразу разглядел стоящего в прихожей человека с фотоаппаратом в руках. И сразу узнал его.

- Привет, Чак, - сказал Боб Альфсон.

- Кто это? - вскрикнула Джоанна. - Что он здесь делает? Альфсон произнес:

- Не волнуйтесь, госпожа Триест. Я адвокат жены вашего любовника. Нам нужны улики для процесса о разводе, который, между прочим... - Он посмотрел на Чака. - Суд назначен на следующий понедельник на десять утра в зале судьбы Брицзолара. - Адвокат улыбнулся. - По просьбе вашей жены мы перенесли заседание на более ранний срок. Ей необходимо закончить дело как можно скорее.

- Вон отсюда, - спокойно произнес Чак. Направляясь к двери, Альфсон сказал:

- С большим удовольствием. Хочу все-таки сообщить одну интересную деталь: у меня в аппарате особая пленка. Уверен, она знакома вам, Риттерсдорф, по работе в ЦРУ. Страшно дорогая, но очень полезная вещь. - Он пояснил, обращаясь к обоим:

- Я только что сделал снимок замедленного действия. Знаете, что это такое? На пленке отразится не то, что вы делали сейчас, а то, чем будете заниматься здесь в течение следующих тридцати минут. Мне кажется, судью Брицзолара это заинтересует.

- Мы ничем не будем заниматься здесь в следующие тридцать минут, - ледяным тоном произнес Чак, - потому что я ухожу. Он отодвинул адвоката в сторону и зашагал к лифту. "Мне нельзя оставаться здесь", - думал он.

- А зря, - хмыкнул Альфсон. - Я надеялся, что на пленке запечатлется кое-что интересное. А вам разве не все равно? Это же просто техническое устройство, которое поможет госпоже Риттерсдорф добиться справедливого решения суда. Кроме того, должна состояться формальная презентация улики. А вы лишаете меня такого удовольствия!

Чак обернулся, ошарашенный.

- Но это же грязное вторжение в личную жизнь...

- Полноте, милейший господин Риттерсдорф, никакой тайны личной жизни не существует уже последние лет пятьдесят, - с улыбкой заметил Альфсон. - Вы же работаете в разведке, дорогой мой. Поэтому не пудрите мне мозги.

Он неторопливо пошел по коридору, миновал Чака и не спеша подошел к двери лифта.

- Да, если вам потребуется копия пленки...

- Нет, - отрезал Чак. Он пристально следил за адвокатом, пока тот не скрылся в кабине лифта.

- Послушайте, вы все равно можете зайти, - предложила Джоанна, - ведь мы ничем таким заниматься не собираемся...

Она придержала для Чака дверь, и тот нерешительно прошел в квартиру.

- Его действия, конечно, незаконны. Но, думаю, такое часто случается при бракоразводных процессах.

Девушка прошла на кухню и занялась приготовлением коктейлей; Чак слышал позвякивание кубиков льда в стаканах.

- Как насчет "Зеленого Ягуара"? У меня есть целая бутылка...

- Что угодно, - мрачно произнес Чак. Джоанна принесла коктейли; он машинально взял свой стакан. "Хорошо же, любимая женушка, - мысленно повторял он. - Ты сама не оставляешь мне выбора..."

- Вы такой печальный, - сказала Джоанна. - Но это действительно ужасно. То, что сделал этот негодяй с фотоаппаратом. Все они лезут к нам в душу: сначала Смайл Раннинг Клам, потом...

- Не все еще потеряно, - произнес Чак. - Я знаю, как нам заняться любовью тайно - чтобы никто не узнал об этом.

- Как?

Чак Риттерсдорф не ответил, продолжая молча потягивать коктейль.

Глава 6

С высоких полок над головой Игнатия Ледебура ринулись вниз кошки: сначала три старые рыжие и одна пестрая бесхвостая, затем несколько полусиамиских с усатыми пушистыми мордочками и, наконец, иссиня-черный молодой кот. Последней, тяжело колыхая большим животом, спрыгнула пятнистая кошка с приплодом в брюхе. На полу к кошкам присоединился пес, и вся компания, сгрудившись у ног Игнатия, сильно замедляла его продвижение к двери хижины.

На пороге лежали останки мертвой крысы: собака, крысолов-терьер, поймала ее вчера вечером, а кошки съели то, что сочли нужным. Игнатий слышал их возню, когда засыпал. Ему было жалко крысу, которая, очевидно, прибежала подкормиться к куче отбросов, скопившихся у двери хижины. Крыса ведь тоже хотела жить, как и всякая божья тварь. Однако пес не понимал этого - инстинкт убийства прочно сидел в его маленьком мозгу. Обвинять, таким образом, было некого. К тому же Игнатий боялся крыс - в отличие от своих земных собратьев у них были очень проворные лапы, которые, в сочетании с острыми когтями, представляли собой весьма грозное оружие. Они были очень сильны, эти крысы.

На глаза Игнатию попался давно вышедший из стоя трактор, ржавевший во дворе уже несколько лет. В свое время Игнатий притащил его сюда, терзаемый смутной надеждой о его починке. А пока пятнадцать (или их было шестнадцать?) детей Игнатия резвились в нем, переговариваясь друг с другом при помощи уцелевшего автоответчика машины.

Он не мог найти то, что искал: пустой пластиковый пакет из-под молока, чтобы разжечь огонь и приготовить завтрак. Эх, придется снова ломать доску. Игнатий подошел к большой куче Древесного лома, лежавшей во дворе, и начал копать в ней, стараясь выбрать доску, которая сломалась бы от удара ноги, если прислонить ее к стене хижины.

Игнатий замерз, стоя на холодном утреннем воздухе, и пожалел о том, что потерял свитер. Во время одной из своих долгих прогулок он прилег отдохнуть и подложил свитер под голову... Проснувшись, он пошел дальше, совершенно забыв про него. Ну и ладно... Черт с ним. Игнатий, конечно же, не мог вычислить, где оставил его; ему смутно припоминалось, что он шел тогда в направлении Адольфвилла. Свитер лежал, вероятно, где-нибудь в десяти днях пути, не меньше...

Из соседнего домика вышла женщина - однажды она была его женой, но недолго: надоела ему, когда он нажил от нее двоих детей. Женщина закричала на большого белого козла, забравшегося в огород. Козел продолжал жевать, не реагируя на женщину, пока та не подбежала и не пнула его ногой. Козел взбрыкнул и запрыгал прочь; свекольная ботва по-прежнему торчала у него из пасти. Вспугнутые козлом утки бросились врассыпную, крикая изо всех сил. Игнатий расхохотался. Утки на самом деле воспринимали жизнь слишком серьезно...

Переломив доску, Игнатий вернулся в хижину; кошки бежали следом, и Игнатию не удалось вовремя захлопнуть дверь - одна все же пророснула внутрь, - затем присел на корточки перед небольшой чугунной печуркой и стал разводить огонь.

На кухонном столе под грудой одеял спала его нынешняя жена Элси. Она обычно не вставала до тех пор, пока Игнатий не растопит печь и не приготовит кофе. Игнатий не обвинял ее за это: в такое холодное утро никому не хотелось подниматься. Да и весь Гандитаун просыпался поздно, за исключением, пожалуй, тех гебов, которые блуждали всю ночь.

Из-за отгороженной одеялом спальни появился голый ребенок, который, засунув в рот палец, стал молча наблюдать, как Игнатий разводит огонь.

Из-за одеяла доносилось бормотание старенького телевизора, изображение у которого давно не функционировало? Дети не видели, что происходило на экране, а только прислушивались к исходящим от него звукам.

"Надо бы наладить его," - машинально подумал Игнатий, но особого желания делать это он не испытывал, поскольку резонно полагал, что до того, как заработал передатчик с Высот Да Винчи,

жизнь на Луне была гораздо спокойнее.

Собравшись приготовить кофе, Игнатий обнаружил, что кофейник погнут, а ситечко, торчавшее недавно из носика, исчезло. Решив, что тратить время на поиски бессмысленно, Игнатий догадался просто заварить кофе в кипятке: налил воды в кастрюлю и поставил на газовую плитку. Когда вода закипела, он высыпал в кастрюлю полную горсть - сколько смогла захватить рука - молотого кофе. Густой кофейный аромат наполнил хижину. Игнатий с удовольствием вдыхал его.

Он не помнил, как долго стоял так, греясь и вдыхая аромат кофе, глядя на огонь и прислушиваясь к потрескиванию досок в печке, когда постепенно обнаружил, что ему начало являться видение.

Завороженный, он не двигался с места; в хижину тем временем проникла кошка, забралась в раковину и принялась жадно поглощать остатки пищи, скопившиеся в ней. Вид кошки и ее чавканье смешались с другими изображениями и звуками в голове Игнатия. Видение усиливалось.

- Хочу на завтрак пшеничную кашу, - заявил голый ребенок. Ледебур не отвечал, поскольку видение полностью завладело им и перенесло в другие края. Или, скорее, в край столь реальный, что ему не было места в осязаемом мире, он находился где-то за рамками пространственного восприятия: его не было ни здесь, ни там. А что касалось восприятия временного...

Казалось, этот край существовал всегда, но как раз из-за этого-то и не обладал определенностью. По всей вероятности, то, что видел, вообще не имело временных границ: никогда не начиналось и, вне зависимости от того, чем занимался Игнатий, никогда не завершалось, поскольку было слишком необъятным. Возможно, что видение Игнатия совершенно выпадало из привычного течения времени.

- Эй, - сонно пробормотала Элси. - Кофе готов?

- Подожди, - буркнул Игнатий.

- Я чувствую запах кофе, черт возьми. Где же он? Элси с трудом переместилась в сидячее положение и откинула одеяла, обнажив голое тело со свисающими грудями.

- Мне плохо. Блевать тянет. А твои оглоеды опять, наверно, ванную заняли.

Она съехала со стола и сделала неуверенный шаг к двери ванной.

- Чего это ты так застыл? - подозрительно спросила она. - Опять задумался?

- Помолчи, - отмахнулся Игнатий.

- Что значит "помолчи"? Сам предложил мне жить здесь. Я не хотела уходить от Фрэнка!

Войдя в ванную, она яростно хлопнула дверью. Дверь снова открылась; Элси снова толкнула ее и придержала ногой.

Видение, однако, закончилось. Игнатий разочарованно обмяк, взял кастрюлю с кофе и подошел к столу. Скинув одеяла на пол, он взял две кружки, оставшиеся на столе со вчерашнего ужина, и наполнил их кофе из кастрюли. По поверхности напитка в кружках плавал плотный слой разваренной кофейной гущи.

Из ванной донесся голос Элси:

- Ты что, опять впал в этот твой так называемый транс? Как Господь Бог, наблюдаешь за потусторонним миром? - В ее тоне сквозило непреодолимое отвращение. - Итак, я не только должна жить с гебом, но и постоянно терпеть его бесконечные транссы, словно он шиз. Ты кто, геб или шиз? Да от тебя воняет, как от геба. Приди же, наконец, в себя!

Она спустила воду в унитазе и вышла из ванной.

- Да еще всегда огрызаешься, как ман. Терпеть не могу, когда ты огрызаешься.

Она увидела кружку с кофе на столе и отхлебнула из нее.

- Почему ты не процедил кофе? Опять ситечко потерял? Теперь, когда видение ушло, Игнатий

не мог вспомнить, на что оно было похоже. Так случилось со всеми видениями. КАК ОНИ СООТНОСЯТСЯ С РЕАЛЬНЫМ МИРОМ? Игнатий всегда задавался этим вопросом.

- Я видел чудовище, - сказал он. - Оно наступило на Гандитаун своей гигантской лапой и раздавило его. Гандитаун исчез, осталась только дыра.

Игнатий пригорюнился: ему было жалко Гандитаун. Он любил его больше всех остальных мест на Луне. Потом вдруг Игнатию стало страшно, так страшно, как никогда раньше. Он ведь ничего не мог поделать! Чудовище нельзя остановить, оно придет и пожрет всех, даже могущественных манов со всеми их умными идеями и неиссякаемой энергией. Погибнут и пары, которые пытаются защитить себя от всего возможного и невозможного.

Кроме того, в видении присутствовало еще кое-что. За чудовищем пряталась еще более злая сила. Игнатию удалось разглядеть, как она накрывала их маленький мир бесформенным гнилым студнем, от прикосновения которого все обращалось в гниль: почва, цветы, деревья. Чашка этого студня могла погубить всю Вселенную; она принадлежала существу, которое явно замыслила недоброе. Существу, которое ЖЕЛАЛО СОТВОРИТЬ ЗЛО.

Значит, понял Игнатий, на этот мир надвигались две напасти: чудовище, готовое раздавить Гандитаун, и скрывающаяся за ним злая сила. Две напасти, однако, не действовали заодно: каждая шла своим, отдельным путем. Чудовище имело женский облик, злая сила - мужской. И... Игнатий закрыл глаза, вспомнив самую страшную часть видения. Эти двое собирались вступить в смертельную схватку между собой. Но это не была борьба доброго и злого начал, а слепая, бессмысленная междоусобица двух совершенно разложившихся сущностей, каждая из которых была столь же порочна, как и другая.

Битва должна была начаться здесь и закончиться, вероятно, гибелью одного из начал. Сейчас они уже находятся на пути к этому миру, чтобы воспользоваться им, как полем брани для своей бесконечной войны.

- Приготовь мне яичницу, - приказала Элси. Игнатий неохотно порылся в захламленном шкафчике, висевшем рядом с раковиной, в поисках нераспечатанной картонной упаковки с яйцами.

- Вымой сковородку, - сказала Элси. - Я оставила ее вчера в раковине.

- Хорошо.

Он открыл холодную воду и начал тереть покрытую коркой поверхность сковородки скомканным куском газеты.

"Интересно, - думал он, - способен ли я повлиять на исход борьбы? Поможет ли привнесение доброты между этими двумя началами?"

Он мог бы сконцентрировать все свои способности и попытаться. Не только ради существования Луны, Семи Кланов, но и для пользы самих злых начал. Чтобы облегчить гнетущую их чудовищную ношу.

Это была многообещающая идея, и пока он тер сковородку, то продолжал молча оценивать ее. Не стоит говорить Элси, она просто пошлет его к черту. Она не подозревала о его способностях, поскольку он никогда не открывал их ей. Находясь в нужном настроении, он мог проходить сквозь стены, читать чужие мысли, лечить болезни, навлекать порчу на плохих людей и посевы, влиять на погоду - словом, почти все, что угодно, находясь в нужном настроении... Эти способности вытекали из его святости.

Даже подозрительные пары принимали его за святого.

Впрочем, как и все остальные на Луне, включая вечно озабоченных, агрессивных манов, - когда те находили время отвлечься от своих забот и заметить его.

- Итак, если кто и способен спасти наш маленький мир от Двух приближающихся темных существ, так это я, - проговорил Игнатий. - Таково мое предназначение.

- Не наш мир, а нашу Луну, - проговорила Элси с ненавистью. Она стояла у печки, натягивая на себя одежду, которую сняла вчера вечером. Элси носила уже месяц, и Игнатий с радостью наблюдал, как она превращалась в настоящую гебшу - для этого не требовалось ничего более.

А быть гебом - хорошо. Потому что гебы нашли Путь Очищения, освободившись от всего наносного.

Открыв дверь хижины, Игнатий вышел на холодный утренний воздух.

- Куда собрался? - крикнула Элси ему вслед.

- На Совет, - сказал Игнатий.

Закрыв за собой дверь, он тронулся в путь, преследуемый котами, на поиски Омара Даймонда, своего духовного коллеги среди шизов.

С помощью своей сверхъестественной способности к телепортации, Игнатий Ледебур стал перемещаться по Луне, материализуясь то здесь, то там, пока, наконец, не обнаружил Омара Даймонда, заседавшего в адольфвилском зале Высшего Совета вместе с представителями всех кланов. Игнатий завис на уровне шестого этажа высокого каменного здания, подлетел поближе к окну и стал барабанить по стеклу, пока те, кто находился внутри, не заметили его и не пошли открывать.

- Боже мой, Ледебур, - сказал манский делегат Говард Строу, - да от вас воняет, как от козла. Два геба в одном помещении

- Фу-у. - Он повернулся ко всем спиной, отошел в дальний угол зала и встал там, уставившись в пространство и пытаясь сдержать свой благородный манский гнев.

Делегат от паров Габриэль Бэйнс осведомился:

- Какова цель данного вторжения, скажите на милость? Мы же заседаем.

Игнатий Ледебур молча присоединился к Омару Даймонду, мысленно сообщив ему о необходимости их незамедлительной встречи наедине. Омар понял его, согласился, и сразу же, объединив свои телепортационные способности, они покинули зал заседаний; через мгновение они уже шли по травянистому лугу, на котором росли грибы. Некоторое время оба молчали, забавляясь сшибанием грибов.

Наконец Омар сказал:

- Мы уже обсуждали вторжение.

- Они собираются высадиться в Гандитауне, - кивнул Игнатий. - Я испытал видение - те, кто придет сюда, намереваются...

- Знаю, знаю, - раздраженно перебил Омар. - Мы понимаем, что это загробные силы; я уже ознакомил делегатов с этим фактом. От загробных сил нельзя ждать ничего хорошего, ибо они тяжелы. Как плотские души, они зароятся в почву, осядут в лоно нашей планеты и станут частью ее.

- Нашей Луны, - сказал Игнатий и хихикнул.

- Да, Луны. - Омар прикрыл глаза, продолжая все так же уверенно шагать по траве, будто видел, куда шел. Игнатий понял, что он впал в моментальный, сознательный транс. Все шизы были склонны к этому, и Игнатий ничего не сказал - он ждал.

Омар Даймонд остановился и пробормотал что-то неразборчивое. Игнатий вздохнул и уселся на траву. Омар застыл рядом, погруженный в транс. Не было слышно ни звука, кроме

отдаленного шума деревьев, доносившегося с края луга.

Внезапно Омар произнес:

- Соедините свою энергию с моей, и мы сумеем рассмотреть захватчиков так ясно, что... - Его слова снова превратились в бессвязное бормотание. Игнатий - даже у святых терпение имеет границы - опять вздохнул.

- Вызовите Сару Апостлс, - снова заговорил Даймонд. - Втроем мы сможем отобразить такой реальный образ захватчиков, что они материализуются на наших глазах, и мы проследим за их высадкой.

Направив мысленную волну, Игнатий вошел в контакт с Сарой Апостлс, мирно дремавшей в своей хижине в Гандитауне. Он почувствовал, как она проснулась, заворочалась, заскрипел раскладушкой, потом стала зевать, охать и, наконец, с трудом поднялась на ноги.

Игнатий Ледебур и Омар Даймонд напряженно ждали, и вскоре перед ними возникла Сара, одетая в мужской пиджак, брюки и старые кроссовки.

- Прошлой ночью, - объявила Сара, - я видела сон. Какие-то существа вертятся поблизости. Они собираются заявить о себе.

Ее круглое лицо выражало озабоченность и несло на себе отпечаток страха, что придавало ему сморщенный, безобразный вид. Игнатию стало жалко ее. Сара, особенно в критических ситуациях, имела склонность поддаваться разрушительным эмоциям; ее чувства были слишком привязаны к собственному телу и его недугам.

- Садитесь, - сказал Игнатий.

- Мы должны заставить их появиться СЕЙЧАС, - сказал Омар. - Здесь, в этом месте. Начнем.

Он склонил голову. Двое гебов последовали его примеру, и все трое пустили в ход свои многократно усиленные парапсихологические способности. Настроившись друг на друга, они работали в унисон; время текло незаметно - они полностью потеряли представление о нем - пока, наконец, то, что они ждали, не набухло поблизости гигантской почкой.

- Вот они, - произнес Игнатий и открыл глаза. Сара и Даймонд тоже посмотрели на небо и увидели опускающийся на свой реактивный выхлоп чужой корабль. Они добились своего.

Изрыгая из хвоста пар, корабль приземлился в сотне метров от них. С точки зрения Игнатия, это был очень большой корабль - самый большой из всех, которые ему доводилось видеть. Он тоже чувствовал страх, но, как всегда, ему удавалось сдерживать его. Прошло уже много лет с тех пор, как он перестал обращать на свои страхи серьезное внимание.

Сара, однако, побелела как полотно, увидев, как корабль перестал дрожать, внизу корпуса открылся люк, и захватчики приготовились исторгнуть себя из гигантского металлического чрева.

- Заставьте их приблизиться, - проговорил Омар Даймонд, снова плотно сжав веки. - Пусть они узнают о нашем существовании. Мы заставим их обратить на себя внимание и воздать нам почести.

Игнатий сразу присоединил к нему свою энергию; перепуганная Сара Апостлс помогала мужчинам в меру ослабленных сил.

Из люка корабля выдвинулся трап. Показались две фигуры, которые стали спускаться по трапу на землю.

Игнатий с надеждой в голосе спросил у Омара:

- Должны ли мы сотворить чудо?

Посмотрев ему в глаза, Даймонд с сомнением проговорил:

- Какое чудо? Обычно я не занимаюсь чудесами. Сара сказала:

- Вместе с Игнатием мы можем сотворить чудо. - Потом обратилась к Игнатию:

- Почему бы нам не поразить их призраком Вселенского Паука, прядущего паутину судьбы,

которая ограничивает всю нашу жизнь?

- Согласен, - сказал Игнатий и стал концентрировать мысленную энергию для вызова паука.

Перед двумя фигурами, преграждая им путь, возникло сверкающее многообразие гигантских прядей - мгновенное творение неутомимого Паука Судьбы. Фигуры застыли на месте.

Одна из них проговорила что-то непроизносимое.

Сара расхохоталась.

- Если вы позволите им смешить вас, - сурово предупредил Омар Даймонд, - то мы потеряем над ними власть.

- Простите меня, - сказала Сара, не в силах подавить приступ смеха.

Но было уже слишком поздно: сверкающие остатки паутины растворились, а вместе с ними, к ужасу Игнатия, растворились также Омар Даймонд и Сара Апостлс - он понял, что остался один. Их Триумвират распался из-за минутной слабости.

Игнатий обнаружил, что поле исчезло, а вместо травы он сидит на куче мусора рядом с собственной хижинкой в центре Гандитауна.

Значит, захватчики восстановили контроль над своими действиями. Возобновили выполнение собственных планов.

Поднявшись на ноги, Игнатий направился к двум фигурам с корабля, которые стояли, неуверенно озираясь вокруг. Под ногами Игнатия возились и бегали коты; зацепившись за одного из них, он чуть было не распластался по земле. Ругаясь сквозь зубы, он оттолкнул кота и попытался восстановить равновесие, а заодно и достойное выражение лица перед захватчиками. Однако это оказалось непросто. Потому что позади него открылась дверь хижинки и появилась Элси. Она умудрилась испортить даже этот, последний рубеж обороны против захватчиков.

- Кто это такие? - заорала она. Игнатий раздраженно ответил:

- Не знаю. Сам собираюсь выяснить.

- Скажи им, чтобы убирались отсюда к дьяволу, - поговорила Элси, уперев руки в бока. Когда-то она несколько лет принадлежала к клану манов и все еще не растеряла заносчивой агрессивности, приобретенной на Высотах Да Винчи. Не представляя себе, против кого выступает, она настроилась весьма серьезно...

"Возможно, - подумал Игнатий, - она даже будет сражаться открывашкой для консервов или сковородкой".

Такие мысли развеселили Игнатия, и он стал хохотать; а когда он начинал смеяться, его уже ничем нельзя было остановить. В таком состоянии Игнатий и предстал перед двумя захватчиками.

- Что вы находите таким смешным, скажите, пожалуйста? - поинтересовался один из них, женщина.

Игнатий, растирая слезы, проговорил:

- Вы что, не помните, как приземлились дважды? Не помните Вселенского Паука? Нет?

Ему было ужасно смешно: захватчики оказались абсолютно нечувствительны даже к объединенным парапсихологическим усилиям Святого Триумвирата. Для них этого как бы вовсе не происходило; захватчики даже не испытали галлюцинаций, хотя на это были потрачены все мыслимые усилия Игнатия Ледебур, Сары Апостлс и Омара Даймонда. Игнатий все смеялся и смеялся; тем временем к двум захватчикам присоединился третий, затем четвертый.

Один из мужчин-захватчиков, оглядевшись, вздохнул.

- Боже, что за мусорная свалка. Чистая помойка. Как вы считаете, неужели везде будет так?

- Но вы можете помочь нам, - сказал Игнатий. Ему удалось, наконец, овладеть собой. Указав на проржавевший корпус трактора, он попросил:

- Может быть, вы будете столь любезны, что выделите механика для починки моего

сельскохозяйственного оборудования? Если бы мне оказать некоторую помощь...

- Конечно, конечно, - сказал один из захватчиков. - Мы уж точно поможем очистить это место. - Он с отвращением наморщил нос, очевидно почувствовав или увидев что-то неприятное.

- Заходите в дом, - предложил Игнатий. - Я угощу вас кофе. Он направился к двери хижины; после некоторой заминки трое мужчин и женщина неохотно последовали за ним.

- Должен извиниться за тесноту моего жилища, - сказал Игнатий. - И за некоторый беспорядок. Он толкнул дверь, и на этот раз большей части котлов удалось проскочить в хижину; нагнувшись, Игнатий стал хватать их одного за другим и выкидывать наружу. Четверо захватчиков неуверенно прошли внутрь и, озираясь, остановились. На их лицах не было заметно радости.

- Садитесь, раз пришли, - предложила Элси, стараясь соблюсти законы гостеприимства. Она налила в чайник воды и поставила его на плитку, чтобы вскипятить воду для кофе, - Освободите скамейку, - посоветовала она гостям. - Сбросьте куда-нибудь барахло. Можете на пол.

Четверо захватчиков неохотно, с заметным отвращением, скинули грязную детскую одежку на пол и уселись на скамью. На их лицах застыло неопределенное, отсутствующее выражение, и Игнатий поинтересовался почему.

Женщина, запинаясь, проговорила:

- Не могли бы вы..., как-то очистить ваш дом? Я хочу сказать... Как вы можете жить в таком... - Она взмахнула рукой, не в силах продолжать.

Игнатий ощутил нечто вроде раскаяния. Но... Находилось так много разных, более важных дел. А времени так не хватает... Ни он, ни Элси так, наверно, и не сумеют выбрать его, чтобы навести порядок. Конечно, нехорошо держать жилище в таком бардаке, однако... Игнатий пожал плечами. Возможно когда-нибудь... А захватчики, вероятно, могут помочь. Может быть, у них есть симулакрум-уборщик. У манов тоже были симулакрумы-уборщики, но они стоили слишком дорого. Вот если бы захватчики предоставили ему симулакрума бесплатно...

Из- под шкафа выбралась крыса и побежала по полу. Женщина-захватчик, увидев ее страшные когти, в ужасе закрыла глаза и застонала.

Игнатий, занятый приготовлением кофе, хихикнул. Никто ведь не просил их приходить сюда: если им не нравится Гандитаун, они могут уйти.

Из- за одеяла вылезли несколько ребятишек и молча уставились на пришельцев. Те сидели неподвижно, напряженно ожидая, пока им приготовят кофе, и стараясь не замечать чистые, вопрошающие глаза детей.

В адольфвилском зале заседаний Высшего Совета гебский депутат Якоб Симион внезапно сообщил:

- Они приземлились. В Гандитауне. Сейчас они у Игнатия Ледебура.

Разъяренный Говард Строу выкрикнул:

- А мы здесь просиживаем стулья! Довольно болтать - нужно уничтожить их. У пришельцев не может быть здесь никаких дел - вы не согласны? - Он толкнул Габриэля Бэйнса в бок.

- Я согласен. - Бэйнс отодвинулся от манского делегата. - А откуда вы знаете? - спросил он у Якоба Симиона. Геб издал легкий смешок.

- Разве вы не заметили кое-кого в зале? Не ощутили присутствия астральных тел? Сюда

приходил Игнатий Ледебур и увел с собой Омара Даймонда. Вы забыли об этом, потому что этого на самом Деле не было: захватчики сделали так, поделив три на один и два.

Безнадежно уставившись в пол, деп произнес:

- Значит, уже слишком поздно: они высадились, Говард Строу издал короткий, лающий смешок.

Они захватили только Гандитаун. Кому он нужен? Эту зловонную выгребную яму давно пора осушить - я был бы весьма признателен тому, кто сделает это.

Отпрянув, как от удара, Якоб Симион прошептал:

- Мы, гебы, по крайней мере не жестокие.

Он беспомощно заморгал, по щекам потекли слезы. Видя это, Говард Строу довольно усмехнулся и подтолкнул локтем Габриэля Бэйнса.

- Есть ли на высотах Да Винчи эффективное оружие? - спросил его Бэйнс. Глубокая интуиция подсказывала ему, что отказ манов защищать Гандитаун не случаен: маны, скорее всего, и не собираются оказывать сопротивление, пока вторжение не затронуло их напрямую. Они не будут разбазаривать изобретения своих сверхактивных мозгов для общей пользы.

Таким образом, старые подозрения Габриэля Бэйнса относительно Строу подтвердились.

Нахмурившись, Аннет Голдинг с тревогой проговорила:

- Мы же не позволим спустить Гандитаун в канализацию.

- "Спустить в канализацию", - повторил Строу. - Полностью одобряю! Конечно, позволим. Послушайте: у нас есть оружие. Мы не расходовали его зря, поэтому в состоянии стереть в порошок любую армаду захватчиков. Мы покажем товар лицом - когда почувствуем в этом необходимость.

Он обвел глазами присутствующих, наслаждаясь своим превосходством, чувством хозяина: теперь все они зависели от него.

- Я знал, что вы поведете себя подобным образом! - с яростью произнес Бэйнс. Боже, как он ненавидел манов! Как они оказались ненадежны, заносчивы и эгоцентричны! Отказать в помощи своим братьям в такую минуту!

Бэйнс сразу же пообещал себе: если когда-нибудь представится шанс расквитаться со Строу, то он не упустит его. Расквитается сполна.

"Точно, - подумал он. - Если представится возможность - рассчитаюсь со всей этой кучкой, со всем манским поселением. Ради одной такой надежды стоит жить. Сейчас маны получили преимущество, но это не может продолжаться долго".

"А действительно, может, стоит пойти к захватчикам и заключить с ними пакт в пользу Адольфвилла: мы и захватчики против Высот Да Винчи?"

Чем больше он думал так, тем идея казалась ему все более привлекательной.

Аннет Голдинг, глядя на него, спросила:

- Гэйб, вы хотите сообщить нам что-то важное? У вас такой озабоченный вид... - Как и все поли, она обладала тонким чутьем, правильно уловив смену выражений на его лице.

Ради собственной пользы Бэйнс решил солгать.

- Мне кажется, нам следует пожертвовать Гандитауном. Нужно уступить его захватчикам, позволить им колонизировать этот район, построить там базу или еще что-нибудь. Это, наверное, неприятно звучит, однако... - Бэйнс пожал плечами. Что же им еще остается?

Раздавленный горем Якоб Симион проговорил, заикаясь:

- В-вы не хотите п-заботиться о нас просто п-потому, что мы..., не такие чистые, как вы. Я возвращаюсь в Гандитаун, чтобы разделить участь м-моего клана - если ему суждено п-погибнуть, я погибну вместе с ним.

Он резко поднялся, оттолкнув стул, который с грохотом упал.

- Предатели, - добавил он и понуро заковылял к двери.

Остальные делегаты молча наблюдали за гебом, стараясь придать себе безразличный вид. Однако Габриэлю Бэйнсу почему-то стало грустно. Потому что он вдруг понял: судьба всех кланов одинакова. Все они когда-нибудь, постепенно, превратятся в гебов: сначала умные поли, потом шизы, пары и, наконец, агрессивные маны.

"И когда это случится со всеми, то нам уже некуда будет пойти, - думал Бэйнс. - А что станется с гебом без Гандитауна?" Это был очень серьезный вопрос, который до смерти напугал Бэйнса.

Вслух он произнес:

- Подождите!

Затем, обращаясь ко всем делегатам - и особенно к надменному Говарду Строу, - сказал:

- Мы должны действовать сообща. Сегодня Гандитаун, завтра Гамлет-Гамлет, или пары, или шизы - захватчики перебьют всех поодиночке, пока не останутся только Высоты Да-Винчи.

Ненависть к Строу придавала его голосу хрипоту; Бэйнс сам не узнавал себя.

- Официально отдаю свой голос за то, чтобы собрать все силы в кулак и отбить Гандитаун. Мы должны начать сопротивление именно там.

"Прямо посреди отбросов, испражнений животных и ржавого железа", - подумал он и содрогнулся.

После некоторой паузы Аннет произнесла:

- Я тоже голосую "за".

Произошло голосование. Только Говард Строу высказался против. Таким образом, предложение Бэйнса было принято.

- Строу, - отрывисто проговорила Аннет, - теперь вы обязаны использовать чудесное оружие, которым так хвалились. Раз вы, маны, столь воинственны, то вы и должны возглавить атаку на Гандитаун. - Для Бэйнса она добавила:

- А вы, пары, организуете ее. - Теперь, когда все было решено, она казалась совершенно спокойной.

Ингрид Хибблер вкрадчиво заговорила, обращаясь к Строу:

- Позволю себе обратить ваше внимание на следующий факт: если война разразится в Гандитауне или вблизи него, она не должна затронуть другие поселения. Думали ли вы об этом?

- Представляю себе, что значит сражаться в Гандитауне, - пробормотал Строу. - Идти по поясу... - он замолк. Потом повернулся к Якобу Симиону и Омару Даймонду:

- Нужно собрать всех шизских и гебских святых, провидцев и парапсихологов. Много ли их в ваших поселениях и можно ли задействовать их?

- Думаю, да, - ответил Даймонд. Симион кивнул.

- Помимо чудесного оружия с Да Винчских Высот и талантов гебских и шизских святых, - сказала Аннет, - все остальные кланы тоже должны внести свой посильный вклад в сопротивление захватчикам.

Госпожа Хибблер сказала:

- Если бы удалось узнать имена пришельцев, мы смогли бы составить на них астрологические карты и отыскать их слабые места. А если бы у нас имелись точные даты их рождения...

- Я говорю о том, - прервала ее Аннет, - что оружие манов плюс организаторские способности паров в сочетании с парапсихологическим даром гебов и шизов окажутся гораздо более полезными.

- Спасибо вам, - сказал Якоб Симион, - за то, что не бросили Гандитаун. - Он с немой благодарностью уставился на Габриэля Бэйнса.

Впервые за много месяцев, а возможно и лет, Бэйнс почувствовал, как его настороженность тает; он ощутил легкий приступ эйфории, вдохновения. Он кому-то нравился. Пусть даже

только гебу - для него и это значило слишком много.

Возникшее чувство напомнило ему детство. То беззаботное время, когда он еще не нашел царское решение.

Глава 7

Пробираясь по грязной, заваленной мусором центральной улице Гандитауна, доктор Мэри Риттерсдорф говорила:

- Никогда в жизни не видела чего-либо подобного. Типичный клинический случай помешательства. Все эти люди больны гебефренией и страшно, ужасно опустились.

Внутренний голос все настойчивей призывал ее убежать, скрыться, уехать отсюда навсегда. Вернуться на Землю к своей Я спокойной профессии семейного психолога и позабыть о том, что увидела здесь.

Теперь сама мысль о попытке лечения этих людей казалась ей абсурдной...

Ее передернуло. Даже усиленная лекарственная терапия и лечение электрошоком вряд ли помогут. Болезнь зашла слишком далеко - к подуживотному состоянию, откуда нет возврата.

Шедший рядом с ней молодой сотрудник ЦРУ Мэйджбум произнес:

- Значит, ваш диагноз - гебефрения? Я могу официально доложить об этом на Землю?

Он взял ее под руку и помог перебраться через остатки скелета какого-то большого животного; под ярким полуденным солнцем ребра торчали посреди дороги, словно побелевшие зубья гигантской бороны.

- Да, это очевидно, - ответила Мэри. - Вы обратили внимание на обглоданные куски мертвой крысы, которые лежали на пороге хижины? До сих пор не могу справиться с тошнотой. Сейчас на Земле в таких условиях давно никто не живет, даже в густонаселенных районах Китая и Индии. Мы как будто вернулись в каменный век, к питекантропам и неандертальцам. Только там не валялась повсюду ржавая техника...

- Мы можем немного выпить, когда вернемся на корабль, - предложил Мэйджбум.

- Нет, спиртное тут не поможет, - отказалась Мэри. - Знаете, что мне напоминает это место? Ту грязную комнату в старом доходном доме, куда мой муж переехал после развода.

Мэйджбум вздрогнул и посмотрел в сторону.

- Вы же знаете, я была замужем, - сказала Мэри. - Я рассказывала вам об этом.

Ее немного удивила реакция молодого человека на случайно возникшую у нее ассоциацию. Во время перелета она рассказывала ему о своих семейных неурядицах, обнаружив в Даниэле прилежного слушателя.

- Не могу согласиться с вашим сравнением, - сказал Мэйджбум. - Здешний упадок - признак группового психического заболевания, а ваш муж никогда не жил в таких условиях, ведь он нормальный человек. - Мэйджбум внимательно посмотрел ей в глаза.

Мэри остановилась и проговорила:

- А откуда вы знаете? Вы же с ним не знакомы. Чак давно болен. Это не вызывает сомнений: в его характере всегда присутствовали скрытые признаки гебефрении... Он постоянно пытался уйти как от социальной, так и от сексуальной ответственности. Я уже рассказывала о моих попытках подыскать ему приличную работу.

"Зачем это я? - подумала Мэри. - Мэйджбум ведь сам работает в ЦРУ и вряд ли поймет меня. Пожалуй, лучше вообще оставить эту тему. В таком удручающем месте не стоит предаваться воспоминаниям о неудавшейся семейной жизни".

По сторонам дороги стояли гебы - так они называли себя; это было, очевидно, сокращение от

точного клинического термина "гебефрения", обозначавшего легкую, подростковую форму шизофрении, - и неподвижно глазели, бессмысленно скалясь. На их лицах даже не было заметно любопытства. Мэри увидела большого белого козла, бежавшего навстречу. Мэри и Мэйджбум отпрянули в сторону, так как не имели понятия, как обращаться с животными. Козел пробежал мимо.

"По крайней мере, эти люди абсолютно безобидны", - подумала Мэри.

У гебефреников, независимо от стадии морального разложения, начисто отсутствовала агрессивность. Мэри следовало искать носителей более опасных синдромов упадка. Она думала, в частности, о личностях с маниакально-депрессивным психозом, которые, находясь в своей маниакальной фазе, имели поистине неистребимую страсть к разрушениям.

Но существовала еще более зловещая категория больных, к встрече с которой готовила себя Мэри. Агрессивность маньяков ограничивалась отдельными импульсами, вспышками ярости, которые выражались, например, в оргиях по разбиванию окружающих предметов. Такие вспышки, в конце концов, проходили.

Однако истинная паранойя предполагала систематическую, постоянную враждебность, которая не только не снижалась с течением времени, а, напротив, становилась все более изоцированной. Параноик обладал аналитическим, оценивающим складом ума; он находил тщательно обоснованную причину своих поступков, подгоняя их под определенную схему. Его враждебность могла выражаться не столь откровенно... Однако на значительном отрезке времени она принимала более настойчивые и глубокие формы. Поэтому для таких больных - прогрессирующих параноиков - полное излечение или даже проникновение в суть болезни было практически невозможно. Причем, подобно гебефреникам, параноики могли "приспосабливать" свои взгляды к окружающей действительности.

И в отличие от маниакально-депрессивных и гебефреников - или даже простых кататонических шизофреников - параноики мыслили ЯКОБЫ рационально. Формальный образец их логических построений казался ненарушенным. Однако в глубине души параноик страдал от величайшего умственного расстройства, которое только может случиться с мыслящим существом. Параноик был неспособен к сопереживанию, не мог поставить себя на место другого человека. Окружающие для него как бы не существовали - он воспринимал их как объекты, которые затрагивали или не затрагивали его собственное благополучие. В течение десятилетий было принято считать, что параноик не способен любить. Но это был весьма поверхностный взгляд. На самом деле, параноик испытывал любовь во всех ее проявлениях. Однако как раз здесь и крылся один нюанс.

Параноик воспринимал любовь как некую форму ненависти.

Для Даниэля Мэйджбума Мэри сказала:

- В соответствии с моей теорией люди с разными формами психических заболеваний должны функционировать в этом изолированном мире наподобие классов, напоминающих касты в древней Индии. Гебефреники, например, должны считаться классом неприкасаемых, маньяки - одним из высших классов, классом военных.

- Как самураи в Японии, - заметил Мэйджбум.

- Да, - кивнула Мэри. - Параноики, или параноидальные шизофреники, должны действовать, как класс политиков, то есть разрабатывать политическую идеологию и социальные программы, так как у них имеется глобальная концепция государственного устройства. Простые шизофреники... - Она задумалась. - Они, скорее всего, должны принадлежать к классу поэтов, хотя некоторые могут быть религиозными пророками - так же как часть гебефреников. Гебы, однако, могут выделять из своей среды аскетических святых, в то время как шизофреники - религиозных догматиков. Что касается полиморфных психопатов, то они должны действовать

как созидательная часть общества, генерируя новые идеи. - Она попыталась сообразить, какие еще категории больных могут существовать. - Еще могут встретиться личности с преобладанием навязчивых идей - психического расстройства, являющегося развитием мягкой формы невроза навязчивости, так называемого промежуточного расстройства мозга. Эти люди, вероятно, должны стать клерками, конторскими служащими, педантичными бюрократами, из-за своей неспособности создавать нечто новое, оригинальное. Их консерватизм Должен уравнивать радикализм полиморфных психопатов и придавать обществу стабильность.

- Ваша схема кажется мне весьма любопытной, - заметил Мэйджбум. - Но, в таком случае, чем же она отличается от нашего нормального земного общества?

Некоторое время Мэри соображала. Вопрос был очень хорош.

- Затрудняетесь ответить? - спросил Мэйджбум.

- Почему же, пожалуйста. Лидерство в здешнем обществе, без сомнения, должно принадлежать параноикам, которые являются самыми развитыми индивидуальностями в смысле ума, инициативы и просто внутренних возможностей. Конечно, им приходится постоянно следить за тем, чтобы маньяки не совершили государственный переворот... Так вот, между этими двумя классами должна существовать постоянная напряженность. Однако вы понимаете, что при преобладании параноидальной идеологической установки главной эмоциональной темой в обществе должна стать ненависть. Эта ненависть на практике будет проявляться в двух направлениях: руководство будет провоцировать ненависть к каждому индивидууму, который не принадлежит к общепризнанному классу, и, соответственно, будет априори предполагать ответную ненависть с его стороны.

Таким образом, вся их так называемая внешняя политика будет строиться на том, чтобы обеспечить защиту от проявлений этой предполагаемой ненависти. Данная идеология требует поддержания в обществе напряженности, создания образа несуществующего врага, от которого необходимо защититься.

- Разве это так страшно?

- Страшно, - сказала Мэри, - потому что, независимо от конкретных проявлений такой политики, результат будет один: изоляция общества. Именно она станет конечным эффектом их групповой активности: постепенное отсекание связей с внешним миром, со всеми другими сообществами разумных существ.

- Так ли это плохо? Для обеспечения самодостаточности...

- Нет, это не самодостаточность, - убежденно заявила Мэри. - Понимаете, такой подход может привести к чему-то непредсказуемому, к чему-то такому, что нам и представить-то сложно... Помните старые опыты помещения людей в абсолютную изоляцию? Они проводились в середине двадцатого века, когда человечество готовилось к первым космическим полетам. Исследовалась способность человека переносить одиночество в течение многих дней и недель при все меньших количествах внешних воздействий... Помните о результатах, которые получались при помещении человека в камеру, где отсутствовали вообще все внешние воздействия?

- Конечно, - сказал Мэйджбум. - Теперь такие камеры называют психушками". Результат полного отсутствия внешних воздействий - сильнейшие галлюцинации.

Мэри кивнула.

- Слуховые, визуальные, тактильные и обонятельные галлюцинации, которые приходят на смену отсутствующим внешним воздействиям. По своей интенсивности, живости и яркости они могут превосходить реальность; их действие на нервную систему может выразиться..., например, в ощущении ужаса. Так, галлюцинации, вызываемые наркотиками, могут привести человека к такому состоянию ужаса, которого никакой контакт с реальным миром вызвать не способен.

- Почему?

- Потому что галлюцинации обладают абсолютным качеством. Генерируясь внутри рецепторной системы организма, они вызывают эффект ощущения, проистекающий не из внешней среды, а из собственной нервной системы человека. В таком состоянии человек не может отличить эти псевдоощущения от истинных, хотя и знает об этом. Выход из порочного круга невозможен.

- И как это будет проявляться здесь? - спросил Мэйджбум. - Можете сформулировать?

- Попытаюсь. Хотя подобные процессы очень сложны. Во-первых, я еще не знаю, насколько данное общество продвинулось по пути самоизоляции и какие идеи преобладают в нем. Мы скоро узнаем об этом по отношению к нам. Гебефреники, которых мы видим здесь... - она указала на лачуги, стоявшие по сторонам грязной дороги, - вообще никак не реагируют на наше появление. Но когда мы встретим первых параноиков или маньяков, то можно предположить следующее: несомненно, что галлюцинации и связанные с ними идеи должны составлять значительную часть их мировоззрения. Другими словами, мы должны допустить, что они частично галлюцинируют, сохраняя при этом некоторое ощущение объективной реальности. Наше присутствие должно усилить галлюцинаторные тенденции - нам придется столкнуться с этим и быть наготове. Галлюцинации, связанные с нами, скорее всего примут такую форму: нас будут воспринимать как угрозу. Мы, наш корабль будут буквально рассматриваться - подчеркиваю, не интерпретироваться, а именно восприниматься - как покушение на их спокойную жизнь. Без сомнения, они увидят в нас авангард захватнической силы, которая намеревается лишить их общество самостоятельности.

- А разве это не так, скажите на милость? - спросил Даниэль Мэйджбум. - Мы же на самом деле собираемся отнять у них власть и вернуть в то положение, в котором они пребывали двадцать пять лет назад, то есть совершить принудительную госпитализацию - иными словами, захват.

Мэри, подумав, ответила:

- Здесь есть один важный момент, которого вы не учитываете. Он носит принципиальный характер. Мы попытаемся организовать лечение этих людей, чтобы помочь В ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ занять то положение, которое они сейчас занимают по воле случая. Если наша программа осуществится, они будут управлять собой, как законные поселенцы этой луны. Конечно, этот процесс будет происходить постепенно: сначала излечатся отдельные люди, потом другие и так далее. Это не захват, даже если они и воображают, что дело обстоит именно так. Когда последний человек на Альфе III M2 освободится от психоза, станет воспринимать реальность без каких-либо искажений...

- И вы допускаете возможность уговорить этих людей добровольно согласиться восстановить статус больных?

- Нет, - сказала Мэри. - Нам придется применить к ним силу; за исключением некоторых гебов, следует взять под стражу все взрослое население этой планеты. - Затем она исправилась:

- Или, скорее, луны.

- Правильно, - сказал Мэйджбум. - Если бы вы не исправили "планету" на "луну", я бы имел основание заключить под стражу вас.

Доктор Мэри Риттерсдорф вздрогнула и посмотрела на него. Сотрудник ЦРУ явно не шутил: его красивое лицо было хмурым.

- Я просто оговорила, - сказала она.

- Да, это оговорка, - согласился агент. - Однако весьма существенная. Характерная.

Мэйджбум холодно улыбнулся, что заставило ее смутиться. Почему этот цэрэушник так настроен против нее? Или она сама начала становиться немного параноидальной? Мэри ясно ощущала враждебность, исходящую от молодого человека, хотя он был едва знаком ей.

И эту враждебность она чувствовала во время всего перелета. Даже с самого начала: она

ощутила ее в момент знакомства.

Чак Риттерсдорф переключил симулакрума Мэйджбума на автономный режим, отключив гиперпространственный канал связи, и устало поднялся из-за пульта. Он встал, прикурил сигарету и почувствовал, как онемели ноги от долгого сидения. В Каддфорнии было девять часов вечера.

На далекой луне Альфа III M2 биоробот продолжит заниматься своим делом; манера его поведения не изменится. Если случится что-либо непредвиденное, Пит Петри возьмет управление на себя.

А Чаку надо решать свои проблемы. Настало время для ночной работы - пора писать первый сценарий для телевизионного комика Банни Хентмэна, его второго работодателя.

Стимуляторами, отбивающими сон, он обеспечен - сегодня утром ганимедянин передал ему пакет. Теперь он сможет работать всю ночь.

Но сначала стоит подумать об ужине.

Чак зашел в кабину видеофона, установленную в просторном холле здания ЦРУ, и набрал номер квартиры Джоанны Триест.

- Привет, - сказала Джоанна, увидев его. - Слушай, мне звонил Хентмэн. Искал тебя. Сказал, что пытался дозвониться до тебя в ЦРУ, но там ответили, что таких у них нет.

- Тонкая политика, - сказал Чак. - Ладно. Позвоню ему. Но сначала, может быть, поужинаем вместе?

- Не уверена, что тебе вообще удастся сегодня поужинать, - ответила Джоанна. - Нашего комика осенила идея новой постановки. Он заявил: когда ты узнаешь тему, то просто упадешь.

Чак проговорил:

- Я это предчувствовал. - Он уже смирился с мыслью, что его отношения с Банни Хентмэном будут строиться в подобном стиле.

Отложив разговор об ужине, Чак набрал номер, которым снабдила его фирма Хентмэна.

- Риттерсдорф! - воскликнул Хентмэн, как только увидел его. - Где вы? Срочно прилетайте - я в своей флоридской квартире. Хватайте экспресс-ракету; я оплачу. У вас есть блестящая возможность проявить свой талант. А я смогу понять, насколько вы хороший автор.

Чаку оказалось непросто перейти от заваленного мусором поселения гебов на Альфе III M2 к энергичным проектам Банни Хентмэна. Возможно, во время полета он придет в себя. На ракете можно и перекусить, но это значит, что он не встретится сегодня с Джоанной. Итак, высокооплачиваемая "халтура" уже начала сказываться на его личной жизни.

- Расскажите вкратце, в чем состоит идея. Я обдумаю ее в воздухе.

Глаза комика коварно заблестели.

- Вы шутите? А если кто-нибудь подслушает? Вот что, Риттерсдорф. Дам вам только намек. Такая идея сидела у меня в голове, когда я нанимал вас, но... - Улыбка Хентмэна приобрела поддельно-ужасный оттенок. - Не хочу пугать вас, однако..., вы у меня на крючке! - Он громко расхохотался. - Теперь - все! Вам придется сдаться на милость победителя!

- Расскажите мне, в чем заключается идея, - терпеливо повторил Чак.

Понизив голос до шепота, Хентмэн вплотную приблизил лицо к видеосканеру. Многократно увеличенный нос заполнил экран. Кроме носа, была видна только часть подрагивающего от

возбуждения правого глаза.

- Собираюсь ввести в свой сериал новый персонаж. Его зовут Джордж Флайб. Как только вы услышите, какова его профессия, то сразу поймете, почему я вас нанял. Так вот, Флайб - агент ЦРУ. Кроме того, он скрывается под маской семейного психолога для сбора стратегически важной информации.

Хентмэн выжидающе замолчал.

- Ну как? Что скажете?

После долгой паузы Чак произнес:

- Ничего ужаснее я не слышал за последние двадцать лет. - Идея абсолютно не понравилась ему.

- Вы не в своем уме. Уж я-то знаю: это будет популярнейший персонаж со времени Фредди-Грузовика Рэда Скелтона. Вы единственный, кто сможет правдиво изобразить мой замысел. У вас неоценимый опыт. Итак, летите скорее сюда, и мы начнем разрабатывать первую сцену с Джорджем Флайбом. Решено! Вы что, не считаете эту идею блестящей?

Чак сказал:

- А как насчет семейного психолога, который прячется под маской агента ЦРУ, чтобы собирать информацию для лечения своих пациентов?

- Вы издеваетесь надо мной?

- Нет, вы только представьте, - невозмутимо продолжал Чак, - симулакрум ЦРУ...

- Вы разыгрываете меня. - Лицо Хентмэна сделалось красным - по крайней мере, на экране оно заметно потемнело.

- Никогда в жизни я не был столь серьезен.

- Хорошо, что вы там начали насчет симулакрума?

- Понимаете, этот симулакрум принадлежит ЦРУ, - терпеливо стал объяснять Чак. - Он пытается выступать в роли семейного психолога. Понимаете? В самые неподходящие моменты симулакрум ломается.

- Разве симулакрумы ЦРУ ломаются?

- Еще как.

- Продолжайте, - сердито проговорил Хентмэн.

- Короче говоря, вся прелесть заключается вот в чем: что может знать симулакрум о семейных проблемах человека? Однако он начинает консультировать разных людей. А раз начав, уже не может остановиться. Он даже учит механика из "Дженерал Дайнэмикс", который ремонтирует его, как тому следует обходиться с женой. Ну, что скажете?

Хентмэн потер подбородок и задумчиво кивнул.

- М-м-м...

- Я даже знаю, почему симулакрум будет вести себя подобным образом. Все началось с его создания. Первый эпизод будет на заводе "Дженерал Дайнэмикс" с инженерами, которые...

- Понял! - взревел Хентмэн. - У одного из этих инженеров, назовем его Фрэнк Фушп, нелады с женой. Он идет к психологу, и тот дает ему напечатанный на машинке текст, где анализируется его проблема. Инженер приносит листки на работу, в лабораторию Джи-Ди, где стоит готовый к программированию симулакрум...

- Отлично! - сказал Чак.

- Далее. Фушп вслух читает текст второму инженеру. Назовем его Фил Грук. Симулакрум случайно программируется и воображает себя семейным психологом. Но ведь он принадлежит ЦРУ, и его направляют в агенты. Далее он появляется... - Хентмэн задумался. - Где он появляется, Риттерсдорф?

- За Железным Занавесом. Хотя бы в Красной Канаде.

- Правильно! В Красной Канаде, в Онтарио. И становится подпольным частным врачом, который нигде официально не работает. У них ведь нельзя не работать... Затем он садится в тюрьму за тунеядство, я правильно выражаюсь?

- Вроде так.

- Робот начинает консультировать тюремное начальство, а после освобождения заручается поддержкой местного секретаря обкома, - возбужденно продолжал Хентмэн, - и открывает подпольный кабинет для лечения партийных большевистских боссов. "Джордж Флайб. Специалист-психолог в области семейных отношений". И все высокопоставленные коммунисты начинают ходить к нему со своими семейными проблемами...

Хентмэн яростно запыхтел сигарой.

- Риттерсдорф, у вас чертовски светлая голова. И..., эти два инженера из Джи-Ди..., засылаются в Красную Канаду в качестве агентов ЦРУ, чтобы найти робота и отремонтировать. Слушайте: вылетайте во Флориду ближайшим же рейсом; во время полета постарайтесь набросать несколько характерных диалогов. Чувствую, мы на верном пути. А главное, синхронно мыслим, не так ли?

- Да, наверно, - согласился Чак. - Ждите, я вылетаю. Записав адрес, он положил трубку и устало вышел из видеофонной кабины. Он чувствовал себя выжатым, как лимон, и никак не мог сообразить, хороша ли предложенная им идея сценария. Во всяком случае, Хентмэн вроде бы остался доволен. А больше его ничего не должно интересовать.

Он добрался на реактивном такси до сан-францисского космопорта и купил билет на экспрес-ракету до Флориды.

Здание, в котором находилась квартира Банни Хентмэна, было сверхкомфортабельным: все этажи располагались под поверхностью земли, а входы охранялись. Чак представился охраннику и через минуту уже спускался в лифте.

Он обнаружил, что апартаменты знаменитого телекомика занимают весь этаж. Хентмэн встретил его в марсианском шелковом халате, украшенном ручной вышивкой в форме серебряных пауков; изо рта у него торчала тампа - зеленая флоридская сигара.

Хентмэн нетерпеливо кивнул, приветствуя Чака, и провел в комнату, где сидели двое мужчин.

- Вот, Риттерсдорф, познакомьтесь с коллегами, моими авторами. Этот, высокий... - Он указал сигарой на сидевшего слева. - Калвин Дак. А толстый лысый коротышка - мой главный автор Сорздей Джонс.

Чак пожал авторам руки. Те держались весьма приветливо - видимо, конкуренция их не пугала.

Калвин Дак произнес:

- Присаживайтесь, Риттерсдорф. Устали с дороги? Что-нибудь выпьете?

- Нет, спасибо. - Чаку хотелось сохранить голову ясной для предстоящей беседы.

- Вы успели поесть? - спросил Хентмэн.

- Да.

- Итак, я изложил парням вашу задумку, - начал Хентмэн. - Она пришлась им по вкусу.

- Прекрасно, - проговорил Чак.

- Однако после горячего обсуждения они выдумали собственный вариант.

- Буду рад услышать, - сказал Чак.

Слегка откашлявшись, Сорздей Джонс спросил:

- Господин Риттерсдорф, может ли биоробот совершить убийство?

- Не знаю. - По спине Чака пробежал легкий холодок. - Вы хотите сказать, может ли симулякрум, действуя автономно...

- Я хочу выяснить: может ли человек, управляющий роботом на расстоянии, использовать его в качестве орудия убийства? Чак повернулся к Хентмэну и сказал:

- Не вижу здесь юмора. Может, я чего-то недопонимаю...

- Погодите, - сказал Хентмэн. - Вспомните о старых добрых триллерах, где ужас сочетается с юмором. Например, ленту "Кот и канарейка" с Паулетт Годдард ч Робертом Хоупом. А известная пьеса "Мышьак и Старое Кружево", не говоря уже о классических английских комедиях, где постоянно кого-то убивают? В прошлом была прорва таких комедий.

- Например, чудная пьеса "Добрые сердца и короны", - вставил Сорздей Джонс.

- Понимаю, - пробормотал Чак. Он старался выглядеть спокойным, хотя страшно терзался от необъяснимых подозрений. Что это? Случайное совпадение? Могла ли подобная идея возникнуть ОДНОВРЕМЕННО с его собственной? Или..., липкая плесень рассказала о его мыслях Банни Хентмэну. Если так, то почему фирма Хентмэна занимается этим? Какую, к черту, выгоду они могут извлечь из жизни или смерти Мэри Риттерсдорф?

- Думаю, парни набрали на блестящий вариант, - говорил Хентмэн. - ЦРУ вызывает у обывателя ужас... Понимаете, Чак, хотя вы и работаете в этой организации, но, вероятно, до конца не осознаете, какие страхи связаны со словом "разведка" у среднего гражданина. ЦРУ считается шпионской организацией, которая...

- Я знаю, - выдавил из себя Чак.

- Хорошо, значит, вы не будете арестовывать меня за насмешку над ней, - с деланной серьезностью проговорил Хентмэн, переглянувшись с Даком и Джонсом.

В разговор вмешался Дак:

- Знаете, Чак - если позволите - мы свое дело знаем. Когда какой-нибудь среднестатистический Джо начинает думать о биороботах ЦРУ, он вздрагивает, словно от удара. Вы, наверно, не слишком задумывались над этим, когда представляли Банни свою идею. Итак, оператор, который управляет роботами ЦРУ..., назовем его... - Он повернулся к Джонсу:

- Какое рабочее имя мы ему присвоили?

- Зигфрид Троц.

- Так вот, Зигги Троц, секретный агент..., будет выглядеть примерно так: свободный шерстяной плащ из уранского крота, меховая венерианская шапка, надвинутая на глаза, и так далее. Он стоит под дождем, вглядываясь вдаль, на какой-нибудь мрачной луне... На одной из лун Юпитера. Знакомый образ, не правда ли?

- И тогда, Чак, - заговорил Джонс, - когда такой, стереотипный образ нашего героя установится в голове зрителя, то... Понимаете мою мысль? Затем, внезапно, зритель открывает для себя что-то новое в Зигги Троце, что не укладывается в его привычное представление о коварном агенте ЦРУ.

Калвин Дак продолжил:

- Дело в том, что Зигги Троц - дурак. Он просто глупый шпион-марионетка, который не в состоянии сделать ничего как следует. А теперь о том, что он собирается сделать...

Калвин Дак подошел к Чаку и сел рядом с ним на диван.

- Он собирается совершить убийство. Теперь понимаете, в чем состоит наш замысел?

- Понимаю. - Чак старался говорить как можно меньше. Он совсем ушел в себя; смущение перемешалось в нем с подозрением - он не мог понять, что происходит.

Дак продолжал:

- Теперь: кого он собирается убить? - Он взглянул на Джонса и Хентмэна. - Мы долго спорили по этому поводу.

- Шантажиста, - сказал Хентмэн, - всесильного торговца наркотиками. Межпланетного мафиозо, который живет на удаленной луне. Неземное существо ужасного облика.

Чак закрыл глаза и начал раскачиваться взад и вперед.

- Вам что-то не нравится, Чак? - поинтересовался Дак.

- Он соображает, - пояснил Хентмэн. - Разжевывает идею. Я угадал, Риттерсдорф?

- Д-да, - промычал Чак. Теперь он был уверен, что Смайл Раннинг Клам продал его Хентмэну. Что-то гигантское, безжалостное и непонятное разворачивалось вокруг него; он чувствовал себя мошкой, которую накрывают огромным сачком. Его поймали. Выхода нет.

- Я не согласен, - сказал Дак. - Межпланетный марсианский мафиозо - это здорово. Однако... - Он развел руками. - Это страшно заезженный персонаж. Не стоит переключаться с одного стереотипа на другой. Мне кажется, Зигги Троцу будет лучше расправиться..., со своей женой.

Калвин Дак медленно обвел взглядом присутствующих.

- Нет, вы только скажите мне: что здесь плохого? У Зигги сварливая жена, она его все время "пилит" - представляете картину? И беспощадный агент-убийца, непробиваемый тип, которого все боятся... Мы покажем, насколько он беспощадный, как помыкает людьми, - и вот он приходит домой, и жена начинает ПОМЫКАТЬ ИМ! - Дак засмеялся.

- Неплохо, совсем неплохо, - согласился Хентмэн. - Но этого мало. Я думаю о том, как долго смогу эксплуатировать образ на экране; мне нужно что-то постоянно добавлять в сериал. Мне не нужна шутка на одну неделю.

- Думаю, что такой дубовый дятел из ЦРУ никогда не надоест зрителю, - промолвил Дак. Потом повернулся к Чаку и продолжил:

- Итак, мы видим Зигги Троца на работе, в штабе Центрального Разведывательного Управления; вокруг него масса экранов, пультов и прочих штучек. И ТУТ ЕГО ОСЕНЯЕТ ИДЕЯ.

Дак вскочил на ноги и заходил взад и вперед по комнате.

- Он может использовать эти приборы против жены! И тут появляется новенький симулакрум.

- Дак заговорил металлическим голосом, имитируя робота:

- Хозяин, я готов. Что прикажешь?

Хентмэн, ухмыляясь, проговорил:

- Что скажете, Риттерсдорф? Чак неохотно произнес:

- И..., это единственная причина, по которой Зигги хочет убить жену? Только из-за того, что она заедает его?

- Нет! - выкрикнул Джонс, подпрыгивая. - Вы абсолютно правы: нам необходимо мотивировать это желание более серьезно. Например, ввести подругу. Зигги заводит девушку на стороне. Ослепительную, страшно сексуальную межпланетную шпионку - понимаете? А жена не дает ему развода.

Тут опять вмешался Дак:

- Или, может быть, жена узнает про подругу и...

- Стойте, - сказал Хентмэн. - Мы что, пишем комедию или дешевую мелодраму? История становится слишком банальной.

- Правильно, - согласился Сорздей Джонс, кивая. - Будем придерживаться линии "жена-чудовище". Итак, Зигги видит робота... - Он замолчал, потому что кто-то вошел в комнату.

Это был альфанец - представитель могущественной цивилизации, которая всего несколько лет назад закончила изнурительную войну с землянами. Хитиновое существо напоминало жука, стоящего на задних лапках. Шевеля многочисленными конечностями, оно засемило к

Хентмэну и стало ощупывать его лицо длинными усиками - у альфанцев не было глаз, - затем удовлетворенно отпрянуло в сторону и, потянув носом воздух, повернуло плоскую голову к остальным.

- Я не помешал? - спросил альфанец резким и монотонным голосом, напоминая звучание восточного музыкального инструмента. - Услышал ваш разговор и заинтересовался.

Хентмэн сказал Чаку:

- Риттерсдорф, познакомьтесь, это один из моих старейших и преданнейших друзей, РБХ-303. Никому я не доверяю больше, чем ему.

Помолчав, он пояснил:

- Вы, наверно, не знаете, что альфанские имена - это буквенно-цифровые коды. Коротко и ясно: Эр-Бэ-Ха Триста Третий. Звучит немного по-машинному, однако альфанцы весьма добросердечные ребята. У моего друга Триста Третьего поистине золотое сердце. - Хентмэн издал сдавленный смешок. - Точнее, два золотых сердца - по одному с каждой стороны.

- Рад познакомиться, - проговорил Чак. Альфанец засеменил к Чаку и начал водить усиками по его лицу. Ощущение было такое, будто по лицу ползают мухи.

- Господин Риттерсдорф, - заверещал альфанец. - Очень рад.

Затем, отведя усики в сторону, существо спросило:

- Кто еще находится в комнате, Банни? Я ощущаю присутствие других людей.

- Только Дак и Джонс, мои авторы. - Хентмэн обернулся к Чаку и пояснил:

- Эр-Бэ-Ха Триста Третий - крупнейший финансовый магнат и заправила во многих межпланетных коммерческих предприятиях. Понимаете, Чак, РБХ-303 владеет контрольным пакетом акций "Пабтранс Инкорпорейтэд". Это что-нибудь говорит вам?

Некоторое время Чак соображал, но потом внезапно до него дошло. Компания "Пабтранс" финансировала телевизионное шоу Банни Хентмэна.

- Вы хотите сказать, - проговорил Чак, - что "Пабтранс" принадлежит... - Он хотел сказать "нашим врагам", но вовремя удержался. В конце концов, альфанцы были БЫВШИМИ врагами. Они подписали с Землей мирный договор, и было принято считать, что вражда преодолена.

- Вы раньше не встречались с альфанцами? - спросил Хентмэн. - Вам нужно узнать их поближе: это замечательный народ. Глубоко чувствующий и понимающий юмор... "Пабтранс" финансирует меня, в частности, из-за того, что Эр-Бэ-Ха Триста Третий персонально верит в мой талант. Он превратил меня из никому не известного комика, который выступал в ночных клубах перед случайными посетителями, во владельца собственной телепрограммы, весьма популярной во всем мире. "Пабтранс" помог нам встать на ноги, приложив много сил для создания нашего имиджа.

- Понимаю. - Чак чувствовал себя больным. Ситуация казалась ему неестественной. - Не обладают ли альфанцы телепатическими способностями? - осторожно спросил он, зная, что это не так, однако почему-то побаиваясь альфанца. У него было предчувствие, что этому жукоподобному существу известно про него абсолютно все.

- Нет, они не телепаты, - пояснил Банни. - Но, поскольку у них нет глаз, то многое могут определить на слух. Хентмэн внимательно посмотрел на Чака.

- Почему вас так тревожат телепаты? А-а, догадываюсь: во время войны мы, в отличие от альфанцев, были ограничены зрительным образом врага. Вы не столь молоды, чтобы не помнить этого. Должно быть, это атмосфера вашего детства.

Внезапно Калвин Дак сказал:

- Могу себе представить, что волнует господина Риттерсдорфа: мне приходилось испытывать подобное чувство. Чака наняли за его художественные идеи, а не за мысли. И ему не по душе, когда кто-то забирается к нему в голову. Мысли Чака принадлежат ему самому, пока он не

доверит их бумаге. Если привести сюда, например, ганимедскую липкую плесень, то это будет чудовищное попрание нашей личной свободы. Мы превратимся в машины, из которых механически высасывают идеи...

- Пусть вас не тревожит присутствие нашего друга РБХ-303: он не может читать мысли" - заговорил Сорздей Джонс. - Альфанцы способны лишь улавливать тончайшие нюансы голоса... Однако вы удивитесь, если узнаете, как много они в состоянии узнать о вас таким способом. Альфанцы - отличные психологи.

- Я сидел в соседней комнате, - произнес альфанец своим монотонным высоким голосом, - и читал журнал "Лайф". Потом невольно услышал ваш разговор о новом юмористическом персонаже Зигфриде Троце. Заинтересовавшись, я выключил звуковую журнальную кассету и вошел сюда. Вам не помешало мое появление?

- Нет-нет, нисколько, - заверил Банни альфанца.

- Ничто на свете не может развлечь меня больше, чем присутствие при творческом процессе талантливых авторов, - монотонное звучание этого голоса-домбры все больше угнетало Чака. - Я раньше не видел вас за работой, господин Риттерсдорф, но хочу отметить, что вы, вероятно, можете многое добавить к разговору. Я ощущаю с вашей стороны некоторую антипатию - причем глубоко затаенную антипатию - к тому направлению, которое приняла беседа. Могу я поинтересоваться, что вы находите столь неприятным для себя в Зигфриде Троце и его желании расправиться со своей нелюбимой женой? Вы женаты, господин Риттерсдорф?

- Да, - ответил Чак.

- Возможно, такой поворот сюжета вызывает у вас ощущение вины, - так же монотонно продолжал альфанец. - Вероятно, в вашем мозгу присутствуют некие неосознанные враждебные позывы по отношению к жене.

- Вы ошибаетесь, дорогой РБХ, - вмешался Банни Хентмэн. - Чак разошелся с женой - они уже начали бракоразводный процесс. Во всяком случае, это личное дело господина Риттерсдорфа. Мы собрались здесь не для того, чтобы исследовать его психическое состояние. Вернемся к делу.

- Но все-таки хочу отметить, что реакция господина Риттерсдорфа на происходящее в этой комнате весьма неестественна, - настаивал альфанец. - И я хотел бы выяснить почему.

Он повернул свою плоскую безглазую голову в сторону Чака.

- Возможно, если мы будем чаще встречаться с вами, господин Риттерсдорф, я смогу помочь вам лучше разобраться в себе.

Задумчиво почесав нос, Хентмэн произнес:

- Может быть, РБХ уже знает ответ. Но просто не хочет говорить. - Потом посмотрел на Чака и сказал:

- Повторяю: это его личное дело.

- Просто такой сюжет не кажется мне комедийным, - объяснил Чак. - В этом-то и состоят мои... - он чуть было не сказал "антипатии", -... мои сомнения.

- Ну, а у меня никаких сомнений нет, - заключил Хентмэн. - Даю распоряжение в отдел реквизита изготовить полый макет симулякрума - это будет дешевле и надежнее, чем приобретать настоящего. Теперь нам нужно подобрать кого-нибудь на роль жены Троца. То есть моей жены, поскольку Зигги буду играть я.

- Так как насчет подружки? - спросил Джонс. - Будем мы ее вводить или нет?

- Подруга сослужит нам хорошую службу, если мы сделаем ее большегрудой, - отозвался Дак.

- Этакой телкой. Зрители будут довольны. А зануда-жена, наоборот, должна быть тощей и плоской. Придется искать артистку, которая не делала операцию поднятия груди.

- У вас есть кто-нибудь на примете на роль подружки? - спросил его Банни.

- Помните эту новенькую забияку? - сказал Дак. - Ну, к которой ездил ваш агент? Как же эту

крошку зовут? Патти... Патти Вивер. Вот уж **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО** грудастая телка. Ей, наверно, врачи по килограмму в каждую грудь накачали.

- Завтра же подпишу с ней контракт, - кивнул Хентмэн.

- Я ее знаю, подойдет отлично. Остается тощая селедка на роль жены. Не доверит ли нам Чаку сделать этот выбор? - Он по-совиному зауhal.

Глава 8

Той же ночью Чак вернулся в Калифорнию, в свою убогую комнатку. Устало пробираясь по плохо освещенному коридору, он обнаружил перед дверью ганимедскую липкую плесень. В три часа ночи - это уж слишком!

- Вас ожидают двое людей, - проинформировал Смайл Раннинг Клам. - Мне показалось, что я должен предупредить вас.

- Спасибо, - сказал Чак и подумал: "С кем же, черт возьми, еще придется столкнуться сегодня?"

- Один из них ваш шеф Джек Элвуд, а второй - его начальник, господин Роджер Лондон. Они хотят расспросить вас о вашей второй работе.

- Но я никогда не скрывал ее от моих коллег, - удивился Чак. Ведь Мэйджбум, управляемый Петри, присутствовал при заключении контракта с Хентмэном. Чак почувствовал неладное.

- Все это так, - согласился ганимедянин, - однако они знают о вашем разговоре с госпожой Триест, а также о звонке к Хентмэну во Флориду. Поэтому они не только осведомлены о вашей "левой" работе, но знают и про идею сценария, которую...

"Ясно". Чак открыл дверь - она не была заперта - и увидел двух своих начальников из Управления.

- Почему так поздно? - спросил он. - Что случилось? Чак повесил пальто в кладовку; в комнате было жарко - очевидно, его коллеги включили старинную несаморегулирующуюся батарею.

- Это он? - спросил Лондон, высокий, сутуловатый, седеющий мужчина в годах; Чак несколько раз встречался с ним и считал его крепким орешком. - Это и есть Риттерсдорф?

- Да, - сказал Элвуд. - Слушай внимательно, Чак. Есть некоторые факты, касающиеся Банни Хентмэна, о которых ты не знаешь. Это секретные сведения. Теперь мы понимаем, почему ты подписал контракт, - ты не хотел, но был вынужден так поступить.

- Ну, и что дальше? - устало произнес Чак. Они не могли знать, какое давление оказал на него телепат-ганимедянин, живущий напротив.

- Мы в курсе твоей трудной ситуации: отторжение имущества и огромные платежи по алиментам - все это твоя бывшая жена способна отсудить у тебя. Мы знаем, что тебе нужны деньги, и все же...

Элвуд посмотрел на Лондона. Тот кивнул, и Элвуд раскрыл дипломат.

- Вот досье Хентмэна. Его настоящее имя Самуэль Литл. Во время войны был осужден за нарушение закона о торговле с нейтральными странами. А если выразаться яснее - Хентмэн занимался поставками стратегических товаров нашему врагу через третьи руки. В тюрьме, однако, пробыл всего лишь год, так как имел очень неплохую команду адвокатов. Мне продолжать?

- Сделайте одолжение, - сказал Чак. - Я же не могу расторгнуть контракт только на том основании...

- Хорошо. - Элвуд снова обменялся взглядом со своим начальником. - После войны Самуэль Литл, известный сейчас под именем Банни Хентмэна, проживал в Альфанской системе. Чем он

там занимался - никому не известно; наша разведывательная сеть не распространяется на территорию," занимаемую альфанцами. Около шести лет назад Самуэль Литл возвратился на Землю, имея на своем счету кругленькую сумму в межпланетной валюте, и начал выступать в качестве комика в различных ночных увеселительных заведениях. Затем получил крупную финансовую поддержку от компании "Пабтранс"...

- Знаю, - прервал его Чак, - я видел альфанта, который владеет "Пабтрансом". Его зовут РБХ-303.

- Вы видели его?! - воскликнул Лондон. Оба начальника уставились на Чака.

- Что ты знаешь про РБХ-303? - заговорил Элвуд. - Ведь его семья во время войны стояла у руля всего военно-промышленного комплекса Альфанской системы. Сейчас его брат - член Альфанского кабинета министров. Иными словами, иметь дело с РБХ-303 - значит напрямую общаться с альфанским правительством.

Он протянул Чаку досье.

- Читай.

Чак начал просматривать напечатанные мелким шрифтом страницы. Из того, что там говорилось, было нетрудно догадаться, что составлявшие досье работники Центрального Разведывательного Управления считали Эр-Бэ-Ха Триста Третьего неофициальным представителем альфанского правительства, а Хентмэна - альфанским агентом. Поэтому оба находились под пристальным наблюдением ЦРУ.

- Хентмэн нанял тебя не из-за того, что ему потребовался новый автор, - сказал Элвуд. - У него их и так пятеро. Я скажу, в чем заключаются наши соображения по этому поводу. Дело в том, что здесь замешана твоя жена.

Чак не отвечал, продолжая внимательно просматривать досье.

- Понимаешь, Чак, альфанцы хотят восстановить свою юрисдикцию над луной Альфа III M2. А единственный легальный путь к этому - вынудить поселенцев-землян покинуть ее. В противном случае, в действие вступает Межпланетное Соглашение 2040: луна становится собственностью поселенцев, а так как эти поселенцы - земляне, то и луна станет собственностью Земли.

Альфанцы не в состоянии заставить поселенцев уйти, однако пристально наблюдают за ними. Альфанцы прекрасно знают, что это бывшие пациенты Психиатрического Госпиталя Гарри Салливэна, который был организован на луне перед войной. Поэтому естественно, что организация, которая может убрать поселенцев с Альфы III M2 должна быть земной: например, ТЕРПЛАН или американская Служба Здоровья и Социального Обеспечения. Если такая организация даст рекомендацию об эвакуации бывших пациентов госпиталю, то, таким образом, луна освободится для альфанцев.

- Но никто ведь и не собирается эвакуировать поселенцев, - сказал Чак. Ему казалось, что ТЕРПЛАН даже не рассматривал этот вопрос. У него в голове сидели только две возможности: либо поселенцев оставят в покое, либо на луне будет организован новый госпиталь.

- Может, ты и прав, - произнес Элвуд. - Но знают ли об этом альфанцы?

- Имейте в виду, - раздался хриловатый, низкий баритон Лондона, - что альфанцы - большие игроки. Прошедшая война была для них крупной игрой, которую они проиграли. Других методов они не знают.

Чак кивнул - все это было похоже на правду. Однако главное оставалось неясным: каким образом он может повлиять на решения, принимаемые Мэри? Хентмэн знает, что они в разводе; к тому же Мэри сейчас на Альфе III M2, а он здесь, на Земле. Даже если бы он находился там, вместе с ней, она бы никогда не послушала его. Мэри всегда принимала решения самостоятельно.

Однако..., если альфанцы знают, что именно он управляет симулякрумом Даниэлем Мэйджбумом...

В это невозможно поверить... Этого просто не может быть!

- У нас есть одна гипотеза на этот счет, - сказал Элвуд, пряча досье обратно в дипломат. - Мы думаем, что альфанцы знают...

- Не продолжайте, - остановил его Чак. - Если они знают о Мэйджбуме, значит, они проникли в ЦРУ.

- Я..., не это имел в виду. - Элвуд несколько смутился.

- Просто альфанцы могут знать - так же как знаем это мы - о твоих чувствах к бывшей жене, о переживаниях, связанных с ней. Они могут рассуждать следующим образом: раз дело обстоит так, то контакт между тобой и Мэри может в скором времени восстановиться. Даже если ты в данный момент и не очень к этому стремишься.

- И какую же пользу они собираются из этого извлечь?

- Здесь наш прогноз весьма безрадостен, - сказал Элвуд. - Хотя наши предположения строятся на информации, полученной из косвенных источников, из отдельных составляющих, собранных в разных местах..., повторяю, мы можем ошибаться, однако похоже, что альфанцы будут пытаться спровоцировать тебя на убийство Мэри.

Чак не ответил, стараясь сохранить непроницаемое выражение лица. Прошло несколько секунд; Элвуд и Лондон пристально смотрели на него, пытаясь разгадать причину молчания.

- Мы будем с вами предельно откровенны, Риттерсдорф, - заговорил наконец Лондон. - У нас есть информатор в ближайшем окружении Хентмэна. Не важно, кто именно. Он сообщил нам об идее сценария, которую вы обсуждали с телекомиком и его авторами во Флориде: симулакрум, принадлежащий ЦРУ, убивает женщину. Жену агента ЦРУ. Я не ошибся?

- Нет. - Чак пристально разглядывал пятно на стене.

- Такого рода сюжет призван внушить вам мысль об убийстве госпожи Риттерсдорф при помощи симулакрума, - продолжал Лондон. - Однако Хентмэн и его альфанские друзья не догадываются, конечно, что симулакрум ЦРУ уже находится на Альфе III M2 и что управляете им именно вы. Если бы они знали об этом...

Он замолчал, потом медленно, как бы отчасти для себя произнес:

- Тогда они бы не стали, вероятно, придумывать такой сложный сюжет, чтобы подкинуть вам эту мысль... Лондон пристально посмотрел Чаку в глаза.

- Потому что вы, скорее всего, уже задумывались над этим. После долгой паузы Элвуд произнес:

- Очень интересное предположение. Честно говоря, я еще сам не пришел к нему, но, может быть, будь у меня побольше свободного времени... - Потом сказал, обращаясь к Чаку:

- Не следует ли тебе самому отказаться от управления Мэйджбумом? Чтобы показать нам, что не держишь ничего такого в голове?

Тщательно подбирая слова, Чак сказал:

- Нет, я не стану отказываться от управления Даниэлем Мэйджбумом.

Он понимал, что в противном случае он лишь усилит их подозрения, даст понять, что они на самом деле разузнали о его намерениях. Кроме того, он не собирался идти у них на поводу по очень простой причине: он действительно хотел убить Мэри.

- Если с госпожой Риттерсдорф что-нибудь случится, - сказал Лондон, - учтите, на вас падет огромное подозрение.

- Я это понимаю, - бесстрастно ответил Чак.

- Поэтому, сидя за пультом, - продолжал Лондон, - вам следует всячески оберегать госпожу Риттерсдорф от разного рода неожиданностей.

- Хотите знать мое откровенное мнение по этому поводу? - спросил Чак.

- Да, конечно, - сказал Лондон; Элвуд кивнул.

- Вся эта идея представляется мне абсурдной, притянутой за уши выдумкой, базирующейся на отдельных, ничем между собой не связанных фактах. Возможно, агент, о котором вы говорили, слишком долго занимался сочинением детективных историй для телевидения. Каким образом убийство Мэри может повлиять на судьбу душевнобольных поселенцев луны Альфа III M2? Если Мэри погибнет, вместо нее пришлют другого психолога, только и всего.

- Мне кажется, здесь мы имеем дело не с убийством, а с угрозой такового, - сказал Элвуд, обращаясь к своему начальнику. - Эта угроза будет висеть над головой доктора Риттерсдорф, чтобы склонить ее к сотрудничеству. - Затем добавил, обращаясь к Чаку:

- Теперь ясно, что игра Хентмэна приносит свои плоды - ты действительно находишься во власти мыслей, навеянных телесценарием.

- И вы всерьез думаете, что я намереваюсь убить свою жену? - спросил Чак.

- Я думаю о странном совпадении: ты руководишь действиями симулякрума ЦРУ, находящегося в непосредственной близости от госпожи Риттерсдорф, что в точности соответствует телесценарию Хентмэна? Какова же вероятность, что ты?...

- А не кажется ли вам, что вы меняете местами причину и следствие? - возразил Чак. - Может, Хентмэну каким-то образом удалось узнать, что я уже управляю Мэйджбумом, и тогда он придумал свой сценарий. Вы понимаете, что это означает.

Вывод был очевиден. В ЦРУ, несмотря на их нежелание говорить об этом, работал человек Хентмэна. Или...

Существовал еще вариант: Смайл Раннинг Клам сообщил мысли Чака Хентмэну. Сначала ганимедянин путем шантажа заставил его согласиться работать у Хентмэна, теперь они, действуя заодно с альфанцами, вместе шантажируют его, чтобы выполнить некий план относительно Альфы III M2.

Чудесный план! Телесценарий, таким образом, не был предназначен для внушения ему мысли об убийстве - фирма Хентмэна УЖЕ знала, что такая мысль сидит у него в голове. Телесценарий призван дать ему понять: они знают. И если он не сделает того, что от него требуется, они сообщат об этом посредством телевидения всей Солнечной системе. Двадцать миллиардов зрителей узнают о его желании убить жену...

У него оставался один выход - накрепко связать себя с фирмой Хентмэна, делать то, что они захотят. Они ведь приперли его к стенке.

"Посмотри, чего они уже добились, - сказал он себе, - заставили забеспокоиться руководство ЦРУ Западного побережья. И, как сказал Лондон, если что-нибудь случится с Мэри..."

Однако он не собирался отступать от своего плана. Не просто поиграть в угрозу, как того хочет фирма Хентмэна, а пойти до конца и убить ее. Почему? Он и сам того не знал. Да, он не хочет жить с ней, не хочет ее больше видеть... Но почему он так желает ее смерти?

Только Мэри со своим богатым опытом психолога могла бы ответить на этот вопрос - она лучше, чем кто бы то ни было, знала особенности его характера.

Ироничность этой мысли доставила ему странное, никогда доселе не испытанное удовлетворение.

Кроме того, несмотря на присутствие двух проницательных сотрудников ЦРУ - не говоря уже о вездесущей липкой плесени, которая наверняка подслушивала из своей комнаты, - он совершенно не ощущал уныния. Он ясно осознавал, что балансирует на грани между двумя противостоящими силами: Центральным Разведывательным Управлением и мафией Хентмэна, каждая из которых состояла из опытных профессионалов - и, однако, интуитивно чувствовал, что в конце концов добьется своего и оставит всех в дураках. Плесень, конечно же, слышит, о чем он думает. Пусть передает Хентмэну; теперь он ХОТЕЛ, чтобы Хентмэн знал об этом.

Как только звук шагов двух начальников из ЦРУ затих в конце коридора, под запертую дверь

комнаты просочился ганимедянин. Материализовавшись на старинном зеленом паласе, покрывавшем пол, он подумал с оттенком благородного негодования:

- Уверяю вас, господин Риттерсдорф, что не имел и не имею каких-либо связей с господином Хентмэном; я впервые увидел его здесь, когда он пришел, чтобы заключить с вами контракт.

- Черти, - бросил Чак, приготавливая себе кофе. Был уже пятый час утра, однако ему не хотелось спать благодаря стимуляторам. - Вечно прислушиваются. Вам что, больше делать нечего?

Липкая плесень сказала:

- В одном я с вами согласен: господин Хентмэн, разрабатывая сценарий, должен был знать о ваших намерениях по отношению к жене. Такое совпадение не может быть случайным. Возможно, господин Риттерсдорф, здесь замешан еще один телепат.

Чак пристально посмотрел на ганимедянина.

- Это может быть один из ваших коллег по ЦРУ, - продолжала липкая плесень, - но нельзя не учитывать и другую возможность: ваши мысли были прочитаны в тот момент, когда вы присутствовали на луне Альфа III M2 в образе Даниэля Мэйджбума. Наверное, кто-нибудь из психически нездоровых поселенцев обладает телепатическим даром. Теперь я считаю своим долгом помогать вам в меру своих возможностей, чтобы наглядно продемонстрировать вам свою добрую волю. Я отчаянно жажду реабилитировать мое незапятнанное имя в ваших глазах и сделаю все от себя зависящее, чтобы обнаружить телепата - сообщника Хентмэна.

- Это может быть Джоанна Триест? - внезапно спросил Чак.

- Исключено. Я прекрасно знаю, о чем она думает; кроме того, она не обладает такими способностями. Она, как вы знаете, пси и может иметь дело только с временными промежутками.

Ганимедянин на некоторое время задумался.

- Знаете что, господин Риттерсдорф? Существует еще один способ разгадать ваши намерения - способность отдельных индивидуумов к предвидению... В вашем случае, например, она может быть усилена тем фактом, что когда-нибудь ваш план станет явю и будет предан гласности. Эту возможность также нельзя сбрасывать со счетов. Таким образом, нам не следует ограничиваться только телепатическим фактором в поисках утечки информации.

Чак должен был признать, что рассуждения липкой плесени не лишены логики.

- Более того, - продолжал ганимедянин, заметно пульсируя от возбуждения, - могут встречаться случаи ненамеренного проявления предсказательных способностей. Что, если кто-нибудь из вашего близкого окружения обладает этим талантом, даже не подозревая о нем? Например, кто-нибудь в фирме Хентмэна. Может быть, даже сам господин Хентмэн.

- М-м-м... - задумчиво промычал Чак, наливая кофе в чашку.

- Ваше ближайшее будущее наполнено видимым насилием, желанием убийства женщины, которую вы одновременно боитесь и ненавидите. Эта всепоглощающая страсть могла активизировать скрытый предсказательный потенциал господина Хентмэна, который подсознательно вызвал "вдохновение" сочинить подобный сценарий... Способность к предсказанию часто функционирует подобным образом. Знаете, чем больше я думаю об этом, тем больше убеждаюсь, что дело обстояло именно так. А гипотеза ваших начальников абсолютно бессмысленна: Хентмэн и его альфанский коллега вовсе не намеревались "уличить" вас в каких-то замыслах, они просто делают то, что говорят, - пытаются сочинить телесериал с интригующим сюжетом.

- А как насчет предположения ЦРУ о том, что альфанцы хотят захватить луну Альфа III M2? - спросил Чак.

- Возможно, это и так, - задумчиво сказал ганимедянин. - Скорее всего, они продолжают надеяться..., ведь луна находится в их звездной системе. И все же... Могу я говорить

откровенно? Теория ваших коллег из ЦРУ не имеет под собой реальной почвы, она составлена из отдельных фактов путем сложной, выработанной годами привычки выдавать желаемое за действительное, в которой каждый может стать шпионом-. Гораздо более простой взгляд на вещи может быть получен с помощью обычного здравого смысла, недостатком которого славились все разведывательные службы. Вы, наверное, и сами задумывались об этом, столько лет проработав в ЦРУ. Чак пожал плечами.

- И не кажется ли вам, - продолжала плесень, - что ваше столь страстное желание разделаться с женой частично проистекает от долгих лет работы в атмосфере секретности и сложных логических построений, связанной с разведывательной службой?

- Однако вы должны согласиться с тем, - сказал Чак, - что я попал в крайне затруднительную ситуацию из-за того, что Хентмэн и его авторы остановились на сценарии, столь созвучном моим намерениям.

- Да, действительно. Но еще более удивительно то, что именно вы сейчас сядете сочинять диалоги для этого сценария. - Плесень слегка заколыхалась от смеха. - Вы, как никто другой, сможете сделать это с большой степенью достоверности. Хентмэн будет просто поражен глубиной вашего проникновения в личность Зигфрида Троя.

- А откуда вы знаете имя персонажа? - Чак вдруг снова засомневался.

- Оно сидит в вашей голове.

- Значит, вы должны были также почувствовать, что в моей голове сидит желание, чтобы меня оставили в покое. - Чак не ощущал усталости - ему просто хотелось поскорее засесть за сценарий.

- Как вам будет угодно.

Ганимедянин вытек из комнаты, и Чак наконец остался один. Было очень тихо; иногда с улицы доносился шум пролетавшего экраноплана. Чак некоторое время стоял у окна, отхлебывая кофе из чашки, затем сел за стол и нажал на кнопку пишущей машинки. Чистый лист бумаги с легким шуршанием лег в исходное положение.

"Зигги Трой, - думал он с отвращением. - Что за идиотское имя! На какого же героя оно настраивает? На какого-то марионеточного клоуна... На клоуна со шпионским оттенком, который вынашивает план убийства собственной жены..."

С профессиональной тщательностью он начал обдумывать начальную сцену. Она, конечно, должна происходить в квартире Зигги... Например, Зигги сидит в кресле и читает газету. Тут появляется тощая жена и начинает ворчать на него...

"Так, - думал он, - здесь-то уж я покажу, на что способен". Он начал печатать. Он писал, не отрываясь, несколько часов подряд, восхищаясь изумительным действием гексаамфетаминных стимуляторов, не ощущая ни малейших признаков усталости. Работа давалась ему даже легче обычного, настолько ясной были его голова. В семь тридцать, когда в окно уже заглянул первый солнечный луч, он прошел на кухню и стал готовить завтрак.

"Итак, снова на работу. За пульт к Даниэлю Мэйджбуму". Стоя у стола с куском поджаренного хлеба в руке, он принялся просматривать напечатанные страницы. Диалоги были написаны живо и естественно - недаром он столько лет занимался подобными вещами. Теперь он перешлет рукопись экспресс-почтой Хентмэну в Нью-Йорк; через час она окажется в руках у комика.

В двадцать минут девятого, когда он брился в ванной, раздался звонок видеофона. Первый звонок после того, как видеофон был установлен.

Подойдя к аппарату, он включил его.

- Алло.

На миниатюрном экране возникло лицо девушки, ошеломляюще красивое, с ирландскими чертами. Чак моргнул.

- Господин Риттерсдорф? Я Патриция Вивер; как я только что узнала, что Банни Хентмэн

собирается дать мне роль в сериале, который вы пишете. Я хотела узнать, нельзя ли посмотреть рукопись? Я просто умираю от желания взглянуть на нее, вы не представляете, сколько лет я мечтала попасть в программу Банни.

- Хорошо, я вышлю вам копию. Но рукопись еще не закончена, и Банни не видел ее. Не знаю, что именно он оставит для окончательного варианта. Может быть, ничего.

- Банни так хорошо отзывался о вас, - пропела девушка, - я уверена, он оставит все. Пожалуйста, пришлите мне рукопись; я дам вам свой адрес. Кстати, я живу не так далеко от вас: вы в Северной Калифорнии, а я чуточку южнее, в Санта-Монике, недалеко от Лос-Анджелеса. Мы можем встретиться, если хотите. Почитаем вместе мою роль.

Ее роль. "Боже, - подумал он, - я ведь не написал еще ни строчки для грудастой шпионки, подруги Зигги".

Он успел сделать только диалоги Зигги Троя со своей занудой женой. Оставался один выход: отпроситься из ЦРУ на полдня и сочинить сцену с подругой.

- Знаете что? - сказал он. - Я привезу вам рукопись. Сегодня вечером. Давайте адрес.

Чак принялся искать листок бумаги и ручку. К черту Мэйджбума - он еще никогда не встречал такой красотки. Теперь все остальное не имело значения, ведь перед ним вырисовывалась такая перспектива!

Записав адрес девушки, Чак дрожащей рукой повесил трубку и стал собирать разбросанные листы рукописи.

По пути в город Чак отправил конверт ракетной экспресс-почтой на адрес нью-йоркского офиса Хентмэна. Дело было сделано. Сидя за пультом, он сможет представить сцену с Патрицией Вивер; к обеду она сформируется у него в голове, и он отпечатает ее. В восемь вечера он с готовой рукописью полетит в Санта-Монику.

"Все складывается не так уж плохо, - решил он. - По крайней мере, начинаю выбираться из кошмара".

Доехав до здания ЦРУ на улице Сансом, Чак вошел в знакомые широкие стеклянные двери.

- Риттерсдорф, - окликнул его чей-то голос. Перед ним стоял Роджер Лондон. Строгое лицо шефа было хмурым, и он разглядывал Чака с явным неудовольствием.

- Пройдемте в мой кабинет.

"Опять душеспасительная беседа?" - думал Чак, поднимаясь по ступенькам вслед за начальником.

- Господин Риттерсдорф, - сказал Лондон, как только закрыл дверь, - мы установили в вашей комнате спецаппаратуру и знаем, чем вы занимались после нашего ухода.

- А чем я занимался?

Чак был совершенно уверен, что за всю свою жизнь не сделал ничего такого, что могло бы заставить его коллег из ЦРУ применить против него самого столь известные ему средства... Может быть, в разговоре с липкой плесенью он сказал лишнее? Приборы, разумеется, не смогли засечь мысли ганимедянина. Однако Чаку смутно припоминалось, что он сказал что-то насчет затруднительной ситуации, в которой оказался из-за идеи сценария, пришедшей в голову Хентмэну, где человек убивает свою жену с помощью симулякрума ЦРУ. Но это ведь ничего...

- - Вы не спали всю ночь. Вы работали. А это нельзя сделать без возбуждающих наркотических препаратов, которые запрещены на Земле. Таким образом, вы поддерживаете контакты с неземными существами, которые снабжают вас подобными препаратами. В связи с этим... - Лондон в упор посмотрел на Чака, - Я временно отстраняю вас от работы. Из соображений государственной безопасности.

Ошеломленный Чак произнес:

- Но работа в двух местах необходима мне...

- Любой сотрудник Управления, если он настолько глуп, чтобы употреблять неземные стимулирующие вещества, не в состоянии нормально выполнять свою задачу здесь. Сегодня работой с Даниэлем Мэйджбумом займется бригада из двух человек:

Питер Петри и другой сотрудник, с которым вы не знакомы, Томас Шнайдер. - На суровом лице Лондона появилась насмешливая улыбка. - А вы можете всецело посвятить себя писательскому труду... Если вас не выгонят и отсюда.

- Как это - выгонят? - Чак ничего не мог понять. Он же заключил с Хентмэном контракт... Лондон произнес:

- Если наша теория верна, то вы станете не нужны Хентмэну, как только он узнает, что у вас больше нет доступа к симулякру Даниэлю Мэйджбуму. Поэтому, как мне кажется, через несколько часов... - Лондон взглянул на свои наручные часы. - Так..., значит, ближе к вечеру вам придется столкнуться с тем неприятным фактом, что у вас не осталось никакой работы. Тогда, мне кажется, вы образумитесь и будете рады видеть в нас своих единственных работодателей.

Лондон открыл дверь кабинета, выпроваживая Чака.

- Да, кстати, - добавил он, - может, вы сообразовали сообщить, кто снабжает вас незаконными стимуляторами?

- Я не принимаю стимуляторов, - произнес Чак, ощущая всю фальшивость своих слов. Его раскусили, и с этим уже ничего не поделаешь.

- Слушайте, почему вы не хотите пойти нам навстречу? - поинтересовался Лондон. - Бросьте работать на Хентмэна, назовите своего поставщика - и получите доступ к Мэйджбуму через пять минут; я сам организую это. По какой причине вы...

- Деньги, - сказал Чак. - Мне нужны деньги с обоих мест работы.

"Меня шантажировали", - подумал он, но не стал говорить этого вслух.

- Ладно, - махнул рукой Лондон. - Идите. Надумаете бросить работу у Хентмэна - позвоните. Может, мы сумеем договориться на одном этом условии. - Он придержал для Чака дверь.

Очнувшись, Чак обнаружил, что спускается по широким ступеням главного входа здания ЦРУ. Случилось невероятное: он потерял работу, которой занимался столько лет.

И похоже, это было только начало. Теперь до Мэри не добраться. Черт с ней, с зарплатой - Хентмэн платит намного больше. Но без симулякру он не сможет выполнить свой план. Не стоило так долго откладывать. Мысль о том, что он в конце концов расквитается с Мэри, поддерживала его последнее время. Теперь впереди - вакуум. Пустота. Существование потеряло смысл.

Чак развернулся и, как во сне, заковылял обратно, вверх по ступеням. Охранник в форме преградил ему дорогу.

- Весьма сожалею, господин Риттерсдорф. Но у меня приказ не пропускать вас.

- Мне снова нужно увидеть господина Лондона, - проговорил Чак. - Всего на одну минуту.

Охранник снял с пояса рацию и переговорил по ней.

- Все в порядке. Можете пройти в кабинет господина Лондона. - Охранник отошел в сторону, и широкие стеклянные двери автоматически открылись.

Минуту спустя Чак снова оказался в отделанный деревянными панелями кабинет.

- Ну так что, решили? - спросил Лондон.

- Я просто хотел сказать вам одну вещь. Если Хентмэн не уволит меня, не будет ли это прямым доказательством того, что ваши подозрения безосновательны?

Чак подождал, давая возможность шефу обдумать сказанное. Лондон напряженно сдвинул брови, однако не отвечал.

- Если Хентмэн не уволит меня, то я официально обжалую факт отстранения меня от работы в

Комиссии по Дела́м Государственных Служащих и докажу...

- Вы уволены, - спокойно сказал Лондон. - По причине использования вами запрещенных возбуждающих препаратов. Если говорить откровенно, мы уже обнаружили их в вашей комнате. Это ГБ-40. С его помощью вы сможете преспокойно работать двадцать четыре часа в сутки. Поздравляю. Теперь, когда вам не нужно появляться здесь, вы все это время можете посвятить своей новой литературной работе. Желаю удачи.

Лондон сел за стол и начал изучать какой-то документ. Разговор был окончен.

- Но вы убедитесь, что ошиблись, - возбужденно сказал Чак, - когда узнаете, что Хентмэн не уволил меня. Я попросил бы вас пересмотреть свое мнение, если это случится. Прощайте.

Он вышел из кабинета, со стуком захлопнув за собой дверь. "Да, прощайте, - думал он. - Быть может, навсегда".

Снова очутившись на залитом утренним солнцем тротуаре, Чак в нерешительности остановился, не обращая внимания на толкавших его многочисленных пешеходов.

"Что теперь? - спрашивал он себя. - Второй раз ломается жизнь. Сначала разрыв с Мэри, теперь вот это. Не слишком ли много за такой короткий срок? Что же у меня остается?"

Оставалась работа у Хентмэна. И только она.

Добравшись домой на беспилотном наземном такси, он лихорадочно, с отчаянной решимостью, бросился к пишущей машинке и принялся сочинять сцену для Патриции Вивер. Забыв обо всем, он сузил свой мир до размеров клавиатуры и белого листа бумаги.

"Придумаю для нее сногшибательную роль, - внушал он себе. - И может быть, получу кое-что взамен".

Около трех часов дня он закончил печатать, поднялся на ноги и потянулся, почувствовав усталость во всем теле. Однако голова была на удивление ясной.

"Значит, они установили в комнате аппаратуру, - вспомнил он вдруг. - Фиксируют каждое мое движение".

Специально для тех, кто будет прослушивать запись, он громко произнес:

- Эти выродки из Управления шпионят за мной. Сволочи! Как я рад, что наконец-то вырвался из этого болота подозрительности...

Он замолчал, так как понял, насколько глупо себя ведет. Выключив машинку, он прошел на кухню и начал готовить обед.

В четыре часа, припудренный, чисто выбритый и надушенный лучшим одеколоном, какой только могла произвести парфюмерная промышленность двадцать первого века, в новом марсианском костюме - черном с голубыми звездочками, - он вышел из дому с рукописью под мышкой и направился к стоянке реактивных такси, собираясь лететь в Санта-Монику, к Патриции Вивер.

Зачем - он и сам не знал, однако был полон смутных надежд.

"А если у меня с ней ничего не выйдет? Что тогда?"

Он надеялся, что ему не придется отвечать на этот вопрос. Он уже и так потерял слишком много - привычный мир попал в некий безжалостный процесс усечения, словно туша под нож мясника. Система восприятия жизни нарушилась: по ночам он привык ощущать тело Мэри, а днем - дружески-деловой настрой работы в Управлении. Теперь он оказался в пустоте. Нужно было немедленно заполнить ее чем-то - все его существо страстно желало этого.

Он сел в такси и сообщил водителю адрес Патриции, затем, устроившись поудобнее, стал просматривать отпечатанные страницы, внося незначительные исправления.

Час спустя, в начале шестого, машина снизилась над крышей старинного девятиэтажного дома, облицованного красной плиткой.

"Вот она, новая жизнь, - подумал Чак. - Начинаю дружить с хорошенькими пышногрудыми

телекрасотками..."

Машина приземлилась. Чак дрожащими руками достал бумажник.

Глава 9

Патриция Вивер оказалась дома.

"Добрый знак", - промелькнуло у него в голове.

Увидев его, она сказала:

- А-а, это уже автор с моей рукописью. Проходите. Не ждала вас так рано, вы же сказали...

- Я закончил раньше, чем предполагал.

Чак вошел, сразу обратив внимание на изысканную, по последней моде, обстановку квартиры. Мебель была в псевдоиндейском стиле, относящимся к периоду ацтеков доколумбовой эпохи. Такой стиль отражал последние археологические исследования, и мебель, конечно же, была изготовлена по индивидуальному заказу. На стенах висели "живые" картины, которые постоянно менялись, издавая легкий шум, напоминавший отдаленный гул океана. Или, скорее, жужжание эскалаторов в метро, решил Чак. Но этот звук не создавал ощущения уюта.

- Значит, вы принесли рукопись, - задумчиво проговорила Патриция. На ней было модное парижское платье, что казалось странным в столь ранний час. Такие платья Чак видел только по телевизору или в журналах - конечно же, сотрудницы Управления, с кем он привык ежедневно общаться, не носили таких. Платье было чрезвычайно сложным по конструкции: оно как бы состояло из гигантских лепестков неземного цветка, которые оставляли правую грудь девушки полностью открытой. Может быть, она ждет еще кого-нибудь? Банни Хентмэна, например?

- Я собиралась на коктейль, - объяснила Патриция. - Сейчас позвоню и отменю его. Она направилась в соседнюю комнату, громко стуча длинными острыми каблуками по псевдогрязному синтетическому полу.

- Надеюсь, роль вам понравится, - сказал Чак ей вслед, неуверенно озираясь вокруг и чувствуя, что пришел не вовремя. Атмосфера была чересчур изысканной для него: парижское платье, мебель ручной работы, движущиеся картины... Чак засмотрелся на одну из них, представлявшую быстро меняющиеся пейзажи неземных миров... Чак заметил, что изображения никогда не повторялись.

- Все в порядке, мне удалось застать его еще в студии. - Она не стала уточнять, кого именно, и Чак решил не спрашивать. - Может быть, выпьете что-нибудь?

Патриция направилась к "древнему" серванту, открыла дверцу бара и стала доставать разноцветные бутылки.

- Вот. Угощу вас венерианской настойкой. Если смешать ее с "Черным Жуком"... У себя в Северной Калифорнии вы не найдете ничего подобного. - Она принялась смешивать напитки.

- Давайте, я помогу вам? - проговорил Чак, подходя к девушке и ощущая себя серьезным и галантным кавалером.

- Нет, - что вы. - Патриция протянула ему стакан. - Хотела узнать у вас одну вещь. Скажите, моя роль - большая?

- Как вам сказать... - Он постарался увеличить ее, насколько это было в его силах, однако... Роль все равно получилась незначительная. Ей была брошена только кость, а мясо - как и предполагалось - досталось Банни.

- Значит, снова одни эпизоды. - Патриция с озабоченно-профессиональным видом уселась на кушетку, напоминавшую деревянную скамью; лепестки платья легли по сторонам, словно огромный распутившийся цветок. - Дайте, я посмотрю...

Чак сел на стул напротив девушки и подал ей рукопись. Здесь была часть, которую он уже выслал Банни, а также последняя сцена с ее ролью, еще не виденная комиком. Возможно, он поступает не совсем правильно, показывая сценарий актрисе, когда тот еще не одобрен... Но Чак уже решил, и ему было все равно.

- А вот эта, другая героиня, - проговорила Патриция; у нее не заняло много времени, чтобы схватить суть. - Жена Зигги. Зануда, которую он хочет убить. У нее роль гораздо больше моей: она появляется почти во всех эпизодах, а я только в одном, вот в этой сцене. - Она указала на страницу. - Когда Зигги сидит у себя на работе..., в штабе ЦРУ и подруга приходит к нему...

Патриция была права. Он сделал все, что мог, но факт оставался фактом. Девушка была профессиональной актрисой, и ее было трудно обмануть.

- Я сделал все, что в моих силах, чтобы увеличить вашу роль, - честно признался Чак.

- Это одна из тех ужасных ролей, где женщине нужно просто присутствовать и выглядеть сексуальной, - сказала Патриция. - Я не хочу появляться в кадре в облегающем платье с открытой грудью только для того, чтобы служить орнаментом. Это работа статиста. Я актриса, я хочу играть. Патриция протянула Чаку рукопись.

- Пожалуйста, господин Риттерсдорф, я вас очень прошу: напишите для меня нормальную роль. Банни ведь еще не видел этого, не так ли? Пусть это будет нашей маленькой тайной. Может, мы вместе придумаем что-нибудь. Как насчет сцены в ресторане? Зигги встречается со своей девушкой - Шэрон - в маленьком уединенном ресторанчике; в это время появляется жена... Зигги специально встречается с подругой здесь, чтобы скрыться от жены... Следует эмоциональная сцена, в которой Шэрон - то есть я - и проявляет свое актерское дарование.

- М-м-м... - Чак медленно потягивал напиток: странную сладковатую смесь, напоминавшую мед. "Из чего же она состоит?" - подумал он. Патриция уже выпила свою порцию и опять подошла к бару, чтобы приготовить себе новую.

Он тоже поднялся и встал рядом; маленькое обнаженное плечо касалось его рукава, и он ощущал необычный аромат приготавливаемого напитка. Одним из ингредиентов являлось содержимое толстой бутылки черного цвета с изображенным на ней жуком.

- Эта бутылка с Альфы I, - объяснила Патриция. - Банни подарил ее мне; она досталась ему от знакомых альфанцев. Банни знаком со многими существами с разных планет. Разве вы не знаете, что он некоторое время жил в Альфанской системе? - Она взяла стакан, повернулась к Чаку и медленно и задумчиво пригубила напиток. - Мне бы хотелось побывать в другой звездной системе... Там человек, наверно, чувствует себя гигантом...

Поставив свой стакан, Чак положил руки на плечи Патриции; парижское платье хрустнуло.

- Я мог бы сделать вашу роль побольше, - произнес он.

- Да. - Патриция положила голову ему на грудь и вздохнула. - Она так много значит для меня.

Ее каштановые волосы щекотали ему нос. Чак взял у нее из рук стакан, отхлебнул из него и поставил на сервант.

Потом они оказались в спальне.

"Выпивка, - подумал он. - Я же смешал спиртное с незаконным стимулятором ГБ-40, который мне дал этот чертов Смайл Жидкий Студень".

В спальне было почти совсем темно, однако он смог различить, оторвав голову от подушки, что Патриция Вивер сидит на краю кровати и расстегивает какие-то замысловатые крючки на платье. Наконец платье упало с ее плеч; она встала и осторожно повесила его в шкаф. Потом он заметил, что она делает что-то со своими грудями. Приглядевшись, он понял, что она массировала грудную клетку. Очевидно, парижское платье имело внутри нечто вроде корсета, от которого она теперь с облегчением освободилась. Обе груди были идеальной формы и казались синтетическими. Когда она двигалась, они совершенно не колебались - левая, так же как и ранее

виденная им правая, были как будто набиты чем-то плотным.

Как только Патриция упала на широкую кровать, как камень на поверхность озера, раздался звонок видеофона.

- Черт побери... - вздрогнув, сказала Патриция. Она соскочила с кровати и стала искать халат, а найдя его, бросилась босиком из комнаты, на ходу затягивая пояс. - Я сейчас вернусь, милый, - произнесла она обыденным тоном, - лежи-лежи, не вставай.

Чак лежал и смотрел на потолок, наслаждаясь мягкостью постели и свежестью белья. Ему казалось, прошло очень много времени. Он чувствовал себя очень счастливым; не хотелось ни о чем думать.

Вдруг он заметил на пороге спальни Патрицию; распущенные волосы свободно ниспадают по плечам. Чак ждал, однако она не приближалась. Внезапно он понял, что девушка и не собирается этого делать. Чак резко сел на кровати; все его сладостное чувство мгновенно испарилось.

- Кто это звонил? - спросил он.

- Банни.

- Ну и?...

- Все отменяется. - Она направилась к шкафу и достала простую юбку и блузку. Потом подобрала лифчик и трусики и удалилась, намереваясь, очевидно, одеваться где-нибудь в другом месте.

- Что отменяется? - Чак спрыгнул с кровати и начал лихорадочно одеваться. Патриция скрылась; где-то рядом хлопнула дверь. Она не отвечала - вероятно, даже не расслышала вопроса.

Когда он, уже одетый, завязывал шнурки на ботинках, девушка снова появилась, тоже полностью одетая. Подойди к зеркалу, она стала расчесывать волосы. На ее лице не отражалось никаких эмоций - казалось, она находилась за много световых лет отсюда.

- Скажите, что случилось? - повторил Чак. - Что сказал Банни?

- Ну, сказал, что не собирается использовать вашу рукопись, и если я звонила вам, или вы звонили мне... - Она впервые с момента звонка осмысленно посмотрела на Чака, словно только что заметила его присутствие. - Я не стала говорить, что вы у меня. Но он сказал, что если я буду говорить с вами... В общем, ваша идея сценария ему абсолютно не понравилась, и он больше не хочет тратить на нее время.

- МОЯ ИДЕЯ?

- Да, вся ваша рукопись. Он получил посланные вами страницы и нашел их ужасными.

Чак почувствовал, как у него запылали уши; в голове разлилась боль, лицо онемело.

- Дак и Джонс, его постоянные авторы, пишут сейчас совершенно новый сценарий, - заключила Патриция. После долгой паузы Чак хрипло спросил:

- Должен ли я связаться с ним?...

- Он ничего не сказал. - Закончив расчесывать волосы, она снова исчезла. Поднявшись, Чак последовал за ней. Она сидела в гостиной рядом с видеофоном и набирала номер.

- Кому вы звоните? - требовательно спросил Чак.

- Одному знакомому, - отрешенно ответила Патриция, - он отведет меня в ресторан поужинать.

Надтреснутым от досады голосом Чак произнес:

- Позвольте мне отвести вас в ресторан. Мне бы очень этого хотелось.

Девушка даже не стала затруднять себя ответом; она продолжала вызывать нужный ей номер.

Чак подошел к древней индейской скамье и стал собирать разбросанные листы рукописи и запихивать в конверт. Тем временем Патриция договаривалась об ужине; он слышал ее мягкий мелодичный голос.

- До встречи, - бросил Чак, надев пальто. Девушка не поднимала глаз от экрана, поглощенная

разговором. Чак вышел из квартиры, хлопнув дверью.

Направляясь по ковровой дорожке к лифту, он дважды споткнулся.

"Черт, - подумал он, - проклятый напиток все еще действует. Может, мне все это привиделось... ГБ-40 смешался с этим..., как его?... Черным Тараканом"... Голова раскалывалась, на душе было мерзко. Он старался сосредоточиться только на одной мысли: поскорее выйти на улицу, выбраться из этой ужасной Санта-Моники и вернуться в Северную Калифорнию, в свою комнату...

Был ли прав Лондон? Мысли Чака путались; возможно, Хентмэну просто не понравилась рукопись. Однако если посмотреть на дело с другой стороны...

"Я должен позвонить Банни, - решил он наконец. - Срочно. Почему я не набрал номер прямо из квартиры Патриции Вивер?"

Чак обнаружил видеофонную кабину на первом этаже, недалеко от лифта; зайдя в нее, он стал набирать номер фирмы Хентмэна. Потом вдруг остановился и повесил трубку обратно на рычаг. "Нужно ли мне знать? Смогу ли я выдержать второе увольнение?"

Прикрыв дверь кабины, он в нерешительности замер. Прошло несколько секунд. "Надо подождать, успокоить нервы. Пока из меня не выйдет эта альфанская смесь".

Чак вышел из парадной на вечернюю улицу. Засунув руки в карманы пальто, он бесцельно побрел по тротуару. Однако волнение не спадало. Напротив, отчаяние с каждым шагом все больше овладевало им. Все вокруг него распалось в прах, он падал в какую-то пропасть.

Чак не ощущал в себе сил, способных остановить это падение. Он мог только беспомощно ждать дальнейших проявлений скрытых процессов, слишком глобальных для понимания.

Он очнулся оттого, что автоматический женский голос повторял: "Пожалуйста, уплатите еще двадцать пять центов. Просьба не засовывать в аппарат купюры, пользуйтесь монетами".

Моргнув, он понял, что снова находится в видеофонной кабине. Но кому он звонит? Банни Хентмэну? Порывшись в карманах, он нашел четвертак и опустил его в прорезь под экраном. Экран сразу же очистился от помех и на нем возник образ.

Это был явно не Банни Хентмэн: на него смотрело озабоченное лицо Джоанны Триест.

- Что случилось? - заговорила она. - Чак, ты выглядишь ужасно. Ты болен? Откуда ты звонишь?

- Из Санта-Моники, - проговорил он, предполагая, что все еще был там. По крайней мере, он не помнил обратного переплета в Сан-Франциско. Да и времени прошло не так много..., или ему казалось? Чак посмотрел на часы: девятый час.

- Послушай..., дело в том, что меня сегодня утром отстранили от работы в ЦРУ, а теперь...

- Я очень тебе сочувствую, - сказала Джоанна, плотно прижимая трубку к уху.

- Спасибо. А теперь, кажется, меня уволил и Банни Хентмэн. Но я не совсем уверен, потому что, откровенно говоря, просто боюсь ему звонить.

Некоторое время оба молчали, разглядывая друг друга. Потом Джоанна мягко сказала:

- Послушай, Чак, успокойся. Тебе нужно позвонить Хентмэну. Или, если хочешь, я позвоню сама. Скажу, что я твой секретарь или еще что-нибудь - не волнуйся, я найду, что сказать. Дай мне номер твоей кабины. И не вздумай вешать нос - я уже достаточно хорошо знаю тебя. Если ты дашь волю отчаянию, снова замыслишь самоубийство, я не смогу помочь тебе - не успею.

- Спасибо тебе, - сказал Чак. - Рад слышать, что хоть кому-то я не безразличен.

- На тебя и так свалилось слишком много, - проговорила Джоанна в своей мягкой, интеллигентной манере. - Разрыв с женой, теперь...

- Позвони ему, - прервал Чак. - Вот номер. - Он поднес клочок бумаги к экрану; Джоанна переписала номер.

Повесив трубку, он остался в кабине и закурил. В голове начало проясняться; он задумался о

том, что же делал последние два часа. Мышцы ног одервенели и ныли от усталости - наверное, он куда-то шел. Бесцельно слонялся по улицам Санта-Моники без единой мысли в голове.

Нащупав в кармане упаковку с таблетками ГБ-40, он распечатал и проглотил одну. "Может, полегчает", - подумал он. Однако прояснение в мозгу не улучшило настроения. Ощущение полного краха по-прежнему не покидало его.

"Липкая плесень - вот кто мне нужен".

Позвонив в справочную Марин Каунти, Чак узнал номер комнатного видеофона Смайла Раннинга Клама в Замке Бездельников, опустил новую монету и набрал номер. В трубке долго раздавались длинные гудки, экран оставался серым.

"АЛЛО".

На экране появились сначала буквы, потом за ними стал просматриваться расплывчатый желтый силуэт. Ганимедянин, естественно, не мог воспользоваться звуковой связью.

- Это Чак Риттерсдорф.

Теперь слова побежали по экрану; желтый силуэт слегка заколыхался:

"С ВАМИ ЧТО-ТО СЛУЧИЛОСЬ, ГОСПОДИН РИТТЕРСДОРФ. Я НЕ МОГУ ЧИТАТЬ ВАШИ МЫСЛИ НА ТАКОМ РАССТОЯНИИ, ОДНАКО, СУДЯ ПО ИНТОНАЦИЯМ ВАШЕГО ГОЛОСА..."

- Вы можете повлиять на Хентмэна? - спросил Чак. "КАК Я УЖЕ ГОВОРИЛ, Я СОВЕРШЕННО НЕ ЗНАЮ ЭТОГО ЧЕЛОВЕКА".

Чак произнес:

- Похоже, он уволил меня. Может быть, вы постараетесь уговорить его взять меня обратно?...

"Я, так больше не могу, - думал он. - Мне нужна хоть какая-то работа".

- Ведь именно вы заставили меня подписать с ним контракт - на вас лежит доля ответственности за произошедшее. "ВАША РАБОТА В ЦРУ..."

- Окончена. Меня выгнали оттуда за связь с Хентмэном. - Помедлив, Чак грубо добавил:

- А он знает слишком много неземных существ.

"ПОНИМАЮ, - снова побежала вереница слов, - ВАША НЕВРОТИЧНАЯ СЕКРЕТНАЯ СЛУЖБА НЕ ПРОСТИЛА ВАМ ЭТОГО. Я ДОЛЖЕН БЫЛ ЭТО ПРЕДВИДЕТЬ. А ТЕМ БОЛЕЕ ВЫ - МНОГОЛЕТНИЙ СОТРУДНИК ЭТОЙ СЛУЖБЫ".

- Послушайте, - сказал Чак, - сейчас не время искать правых и виноватых. Я не для того позвонил, чтобы обвинять вас. Мне нужна работа, любая работа.

"Я должен получить ее сегодня, - сказал он себе. - Не могу ждать ни одного дня".

"МНЕ НЕОБХОДИМО ПОДУМАТЬ, - проинформировал его ганимедянин. - ДАЙТЕ МНЕ..."

Чак с остервенением бросил трубку на рычаг.

Потом он снова стоял и курил в тесноте кабины, размышляя о том, что скажет Джоанна, когда позвонит. "Если позвонит. Вдруг не захочет огорчать. Черт знает что! И это я, своими собственными руками..."

Аппарат заверещал.

- Джоанна? - закричал он в трубку. На экране возник образ девушки.

- Послушай, Чак, я позвонила по твоему номеру. К аппарату подошел некий господин Фелд. Он выглядел очень взволнованным. Все, на что был способен Фелд - это сказать, чтобы я смотрела сегодняшние газеты.

- Отлично. - Чак почувствовал, как у него похолодело внутри. - Спасибо. Постараюсь добыть какую-нибудь газету. Увидимся. - Отключив связь, он быстро вышел из будки и в тусклом свете уличных фонарей стал искать газетный автомат.

У большой светящейся витрины какого-то магазина он обнаружил то, что искал; через

несколько секунд он уже разворачивал свежую вечернюю газету.

"Конечно же - на первой полосе. Хентмэна ведь знает вся страна".

ПОПЫТКА АРЕСТА БАННИ ХЕНТМЭНА ЗАКОНЧИЛАСЬ НЕУДАЧЕЙ. АГЕНТ НЕЗЕМНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ ПОСЛЕ ПЕРЕСТРЕЛКИ СКРЫЛСЯ Чак дважды перечитал заголовок, прежде чем уяснил его смысл. И так, вот что случилось на самом деле: через разветвленную сеть сбора информации ЦРУ выяснилось, что Банни Хентмэн уволил своего нового автора Чака Риттерсдорфа. Этот факт подтвердил версию ЦРУ о том, что Чак был нужен Хентмэну только из-за причастности к операции "Пятьдесят Минут" на Альфе III M2. Таким образом, давние подозрения по поводу Хентмэна подтвердились, и ЦРУ немедленно отреагировало. Однако комику удалось скрыться. Вероятно, его вовремя предупредил свой человек из Управления. Все было просто и вместе с тем страшно. Чак по инерции продолжал тупо смотреть на заголовок; руки, державшие газету, дрожали.

Значит, Хентмэн убежал. Несмотря на быстрые, отлаженные действия ЦРУ. Улетел на реактивном прыгуне из своего нью-йоркского офиса во время лазерной перестрелки с летающей группой захвата, как говорилось в статье. Где же он сейчас? Вероятно, на пути в Альфанскую систему. А где Чак Риттерсдорф? На пути в никуда. Перед ним расстилалась зияющая пустота без цели, друзей, смысла существования. Хентмэн, вероятно, позвонил Патриции Вивер и сообщил, что постановка отменяется, не позаботясь даже о...

Хентмэн позвонил Патриции вечером. После несостоявшегося ареста... Значит, Патриция должна знать, откуда он звонил. Или, по крайней мере, может знать... Во всяком случае, здесь есть за что зацепиться.

Остановив наземное такси, Чак быстро вернулся к велико? лепному зданию, в котором жила актриса; расплатившись с водителем, он бросился к запертой входной двери и нажал на кнопку переговорного устройства.

- Кто там? - Ее голос был все так же холоден и безразличен.

- Это Риттерсдорф, - сказал Чак. - Я оставил несколько листов рукописи у вас в квартире.

- Я не видела никаких листов. - В голосе девушки чувствовалась подозрительность.

- Если вы впустите меня на минуту, я сразу же найду их. Я прекрасно помню, где они лежат. И сразу же уйду, не волнуйтесь.

- Хорошо.

Толстая металлическая дверь щелкнула и открылась. Чак поднялся на лифте и обнаружил, что дверь в квартиру Патриции также открыта. Девушка стояла в гостиной, сложив руки на груди, и молча смотрела в окно, на панораму ночного Лос-Анджелеса.

- Ваших идиотских листков нигде нет, - проговорила она, - Если вы хотите...

- Откуда вам звонил Банни Хентмэн? - жестко спросил Чак.

Она удивленно посмотрела на него, подняв брови.

- Не помню.

- Вы видели хоть одну вечернюю газету?

Она долго не реагировала, потом пожала плечами.

- Возможно.

- Банни звонил вам после того, как скрылся от ЦРУ. Вам это известно так же хорошо, как и мне.

- Ну и что? - Патриция откровенно игнорировала его, продолжая безучастно смотреть в окно. Однако Чак ощущал испуг, скрытый под маской безразличия. Она была еще слишком молода, чтобы умело прятать свои чувства.

Чак нашупал в кармане пиджака сохранившееся у него черное удостоверение сотрудника ЦРУ.

- Госпожа Вивер, вы арестованы. - Чак поднес удостоверение к ее лицу. - Как альфанская

шпионка.

Девушка обернулась, вскрикнула и уставилась на него широко раскрытыми глазами. Чак заметил, как она дрожит; высокая грудь часто вздымалась под красным пуловером.

- Вы что, на самом деле работаете в ЦРУ? - произнесла она сдавленным шепотом. - Банни сказал, что вы сценарист с телевидения.

- Я был внедрен в фирму Хентмэна под видом сценариста. Пойдемте. - Чак взял Патрицию за руку.

- Куда вы меня тащите?! - Девушка в ужасе отдернула руку.

- В Лос-Анджелесское отделение ЦРУ. Вас надо допросить.

- Но почему?

- Вы знаете, где находится Банни Хентмэн. Последовала долгая пауза.

- Но я не знаю этого. - Патриция попятилась. - Действительно не знаю. Когда он позвонил, я не знала, что его арестовывали или что там вообще произошло... Он ничего об этом не говорил. Только после вашего ухода, в ресторане, мне попала газета... - Она осторожно двинулась по направлению к спальне. - Разрешите, я только возьму пальто и сумочку. К тому же мне надо немного подкрасить губы. Я говорю правду, поверьте, я на самом деле ничего не знаю.

Чак прошел за ней в спальню. Патриция открыла шкаф, сняла с вешалки пальто и надела его. Потом подошла к трюмо, выдвинула ящик и достала оттуда сумочку; раскрыв ее, она принялась искать помаду.

- Как вы думаете, меня надолго задержат? - спросила она, продолжая рыться в сумочке.

- Не знаю, - ответил Чак. - Наверно...

Он остановился, потому что увидел направленный на него лазерный пистолет, который Патриция внезапно выхватила из сумочки.

- Я не верю, что вы работаете в ЦРУ, - произнесла она.

- Однако это так и есть, - сказал Чак.

- Уходите. Я не знаю, что вам нужно, но Банни дал мне эту штуку и сказал, чтобы я пользовалась ей в случае необходимости. - Ствол заметно дрожал, однако продолжал указывать на Чака. - Пожалуйста, уходите, - просила девушка. - Выйдите из моей квартиры или я выстрелю. - Она была перепугана до смерти.

Развернувшись, Чак вышел в коридор. Лифт был все еще здесь, и Чаку не пришлось ждать. Через минуту он уже был на улице.

Итак, он опять потерпел поражение. Хотя из этой затеи и так вряд ли что-нибудь вышло бы. "Я, в сущности, ничего не потерял, - стоически отметил он про себя, - кроме, может быть, собственного достоинства". Это была не такая уж большая потеря, и он успокоился.

Теперь ему больше ничего не оставалось делать, кроме как вернуться в Северную Калифорнию.

Через полчаса он был уже в воздухе. Реактивное такси несло его домой в Марин Каунти, в Замок Бездельников. Он даже немного повеселел: приключение в Санта-Монике прибавило ему оптимизма.

Открыв дверь, Чак увидел, что в комнате горит свет. Рядом со стереоприемником, из которого лилась ранняя симфония Гайдна, удобно расположившись в кресле, сидела Джоанна Триест.

Увидев Чака, она вскочила.

- Слава Богу. Я так волновалась за тебя. Ты видел газеты? Что с тобой теперь будет, Чак? Могут ли тебя тоже задержать, как работника фирмы Хентмэна?

- Не знаю. - Чак закрыл за собой дверь. Он не думал, что ЦРУ его арестует, однако Джоанна была права: здесь было над чем поразмыслить. Чак прошел на кухню и некоторое время искал электрическую кофеварку. Потом до него дошло, что кофеварка, вместе с остальными вещами, осталась у Мэри. В дверях появилась Джоанна.

- Чак, мне кажется, тебе лучше позвонить в ЦРУ. Поговори с кем-нибудь из своих бывших коллег. Например, с шефом. Хорошо?

- Джоанна, - произнес он с горечью, - ты так любишь подчиняться закону! Нельзя же все делать по инструкции. - Он не стал говорить о том, что в самую трудную минуту, когда все вокруг него рушилось, ему хотелось искать защиты у Хентмэна, а не в ЦРУ.

- Пожалуйста, - настаивала Джоанна, - это необходимо. Я советовалась с Смайлом Раннингом Кламом, он чувствует то же самое. По радио сообщили, что некоторые сотрудники фирмы Хентмэна арестованы или находятся в розыске...

- Ради Бога, оставь меня в покое. - Дрожащими руками Чак открыл банку растворимого кофе и положил в большую кружку три чайные ложки кофейного порошка.

- Если ты не свяжешься с ЦРУ, я не стану тебе помогать, - объявила Джоанна. - Мне действительно придется оставить тебя в покое.

- А что ты можешь для меня сделать? - произнес Чак. - Ты наверно, впервые видишь перед собой человека, потерявшего работу в двух местах за один день.

- Что же ты в таком случае собираешься предпринять?

- Наверно., эмигрирую в Альфанскую систему. "А именно на луну Альфа III M2, - подумал он.

- Если бы удалось найти Хентмэна..."

- Значит, сообщение ЦРУ было верным, - блеснула глазами Джоанна. - Организация Хентмэна финансируется неземной разведкой!

- Послушай! - с отвращением воскликнул Чак. - Война закончилась восемь лет назад. Терпеть не могу эту идиотскую подозрительность рыцарей плаща и кинжала! Того, что я наслушался за все эти годы, хватит до конца моих дней. Я сыт по горло! Если я хочу эмигрировать - я сделаю это.

- Мне остается только арестовать тебя, - сказала Джоанна, однако в ее голосе не слышалось уверенности. - Смотри, ведь я вооружена. - Она подняла руку, и Чак увидел у нее под мышкой миниатюрную кобуру с торчащей оттуда рукояткой небольшого лазерного пистолета. - Но я не сделаю этого, потому что мне жалко тебя, Чак. Как ты умудрился так быстро поломать свою жизнь? Ведь Смайл Раннинг Клам так старался...

- Черт с ним.

- Он искренне хотел помочь; он понимал, как тебе трудно. Но он не знал, насколько ты безответственный человек. Теперь мне понятно, почему Мэри ушла от тебя. - Джоанна вздохнула. - Ты даже не пытаешься бороться с обстоятельствами, ты... - Она замолчала и удивленно посмотрела на дверь. Чак тоже услышал. Это были мысли липкой плесени, доносившиеся из комнаты напротив:

- Господин Риттерсдорф, по коридору в направлении вашей комнаты идет какой-то человек. Он вооружен и намеревается заставить вас пойти с ним. Не знаю, кто он и что именно ему нужно, потому что у него на голове специальная сетка для защиты от телепатов. Из этого я могу сделать вывод, что он либо военный, либо агент секретной разведки или член какой-нибудь подпольной организации. В любом случае будьте наготове".

Чак быстро произнес:

- Дай мне твою лазерную пушку.

- Нет. - Джоанна вынула пистолет из кобуры и направила его на дверь. Лицо девушки было совершенно спокойным - она умела владеть собой.

- Господи, - произнес Чак, - тебя же убьют! Он так ясно знал это, будто обладал даром предсказания; в одно мгновение он ухватился за дуло и дернул оружие на себя. Пистолет упал на пол; Джоанна бросилась к нему. Чак сделал то же самое. Они столкнулись, и девушка отлетела в сторону, ударившись о стену кухни. Чаку в падении удалось дотянуться до пистолета, он сжал его в руке...

Что-то обожгло ему руку, и он, выпустив пистолет, отдернул ее. Над ним прозвучал незнакомый мужской голос:

- Оставь пистолет в покое, Риттерсдорф. Иначе я убью ее. Немолодой мужчина в поношенной серой куртке военного покроя и старинных высоких ботинках со шнуровкой закрыл входную дверь и вошел на кухню. Лазерный пистолет в его руке был направлен в сторону лежащей на полу Джоанны. Чаку бросился в глаза необычный, землистый оттенок лица незнакомца - очевидно, он долго жил в совершенно иных - скорее всего неземных - природных условиях.

- Думаю, это посланец Хентмэна. - Джоанна медленно поднялась с пола. - Не сомневаюсь, он может сделать то, что сказал. Если бы ты не выхватил у меня пистолет...

- Тогда мы оба были бы уже мертвы, - перебил ее Чак. Он обернулся и посмотрел на мужчину.

- Я пытался связаться с Хентмэном...

- Отлично, - Человек сделал жест рукой по направлению ко входной двери. - Пойдем, Риттерсдорф. Женщина может оставаться на месте - она мне не нужна. Не будем терять времени: нам предстоит долгий путь.

- Вы можете позвонить Патриции Вивер, - сказал Чак, первым выходя в коридор. Незнакомец презрительно хмыкнул у него за спиной.

- Помолчи лучше, Риттерсдорф. У тебя и так слишком длинный язык.

- О чем это вы? - Чак остановился, ощущая ледящий душу страх.

- А о том, что ты вступил в нашу организацию, как шпион Центрального Разведывательного Управления. Теперь мы знаем, почему ты так хотел писать для нас сценарии - чтобы раздобыть улики против Бана. Ну и как? Много улик насобирал? Ты видел альфанца - это что, преступление?

- Нет, - сказал Чак.

- За это они собираются засадить его до конца жизни, - продолжал незнакомец. - Черт возьми, они всегда знали, что Ван жил в Альфанской системе. Но война-то давно окончилась; что же, он не имеет права поддерживать экономические связи с Альфой? Он большой артист, его знает публика. Я скажу вам, почему ЦРУ решило арестовать его: Бан придумал сценарий, в котором симулякрум ЦРУ кого-то убивает, и ЦРУ сразу засуетилось...

Впереди, преграждая им путь, возник огромный желтый холм. Это был ганимедянин, который вытек из своей комнаты.

- Дай-ка нам пройти, приятель, - проговорил человек с пистолетом.

- Извините, - возникли мысли Смайла Раннинга Клама, - но я менеджер господина Риттерсдорфа, и было бы непрактично, с моей стороны, позволить, чтобы его увели.

Тонкий красный луч прошел мимо Чака и уперся в середину желтого холма. Студнеобразная поверхность сморщилась и превратилась в черный дымящийся шар, который с шипением и треском стал разбрызгиваться во все стороны, выжигая и покрывая угольками деревянный паркет коридора.

- Вперед, - приказал незнакомец.

- Он мертв, - проговорил Чак. Ему было трудно поверить в это.

- Их там еще много осталось, - сказал человек с пистолетом. - На Ганимеде. - На его мясистом лице ничего не отражалось. - Когда зайдем в лифт, нажмешь самую верхнюю кнопку. Мой корабль на крыше, на посадочной площадке.

Чак повиновался, с трудом передвигая негнущиеся ноги. Через минуту они вышли на крышу, в холодный и туманный ночной воздух.

- Назовите свое имя, - проговорил Чак. - Только имя.

- Зачем?

- Чтобы я смог найти вас. И отомстить за убийство моего друга.

- Хорошо. - Человек подтолкнул Чака к реактивному прыгуну с включенными огнями и работающим двигателем. - Меня зовут Альф Шериган. - Он уселся за пульт управления.

Чак медленно кивнул.

- Вам нравится мое имя? Вы находите его приятным на слух?

Чак не ответил, уставившись в лобовое стекло.

- Что-то ты замолчал, - заметил Шериган. - Это нехорошо, поскольку нам придется все-таки побыть вместе, пока мы не прилетим на Луну, в Брэйх-сити. - Он включил автоматический курсопрокладчик и дал газ.

Аппарат дернулся несколько раз, но не поднялся.

- Подожди здесь. - Альф Шериган взмахнул пистолетом в направлении Чака. - Не вздумай прикасаться к пульта. - Открыв нижний люк, он нервно высунул голову и стал вглядываться в темноту, пытаясь определить, что помешало машине взлететь. - Матерь Божья! Внешний трубопровод...

Он резко втянул голову назад в кабину, направил лазерный пистолет в люк и выстрелил. В то же мгновение из люка, параллельно его лучу, возник другой луч и уперся ему в грудь. Шериган выпустил оружие и задергался в конвульсиях на полу кабины, затем его тело изогнулось, а изо рта вырвался страшный хрип. Он замер с открытым ртом и выпученными глазами.

Подобрав пистолет, Чак высунулся и посмотрел наружу. На крыше стояла Джоанна Триест с другим - миниатюрным - лазерным пистолетом в руке. Очевидно, она воспользовалась аварийным лифтом с автономным приводом. Шериган допустил ошибку - он не предполагал, что Джоанна была хорошо вооруженным, тренированным сотрудником полиции, привыкшим к любым неожиданностям. Даже Чак не ожидал, что она способна действовать так быстро: догнать их на аварийном лифте, первым выстрелом перебить ведущий трубопровод машины, а вторым убить Шеригана.

- Ты собираешься вылезать или нет? - спросила Джоанна. - Я не задела тебя?

- Нет, все в порядке, - сказал Чак.

- Послушай. - Девушка приблизилась к открытому люку и взглянула на бесформенную почерневшую массу, которая только что была Альфом Шериганом. - Я могу вернуть его к жизни. Помнишь? Ты хочешь, чтобы я сделала это, Чак?

Он с минуту подумал, потом, вспомнив Смайла Раннинга Клама, отрицательно покачал головой.

- Как хочешь, - сказала Джоанна. - Хоть это не в моих правилах, пусть остается мертвецом. Я тебя понимаю...

- А как Смайл...

- Чак, я уже не могу помочь ему: слишком поздно. Прошло больше пяти минут. Мне пришлось выбирать: или остаться с ним, или выручить тебя.

- Лучше бы ты...

- Нет, - твердо сказала Джоанна. - Я поступила правильно, ты увидишь почему. У тебя есть увеличительное стекло? Он вздрогнул:

- Нет, конечно, нет.

- Посмотри в кабине: под пультом должно быть отделение для инструментов. Поищи там лупу, она обычно входит в набор для замены микросхем.

Чак молча повиновался и через некоторое время обнаружил в указанном месте лупу в пластмассовой цилиндрической оправе, какие обычно используют ювелиры.

- Теперь пойдём к нему, - сказала Джоанна. Спустившись на этаж Чака, они склонились над кучкой золы, которая когда-то была их преданным другом, липкой плесенью с Ганимеда.

- Вставь лупу в глаз, - приказала Джоанна, - и тщательно осмотри пол. Особенно в районе ковра.

- Зачем?

- Мы должны собрать его споры. Отшатнувшись, Чак произнес:

- Ты хочешь сказать, что, возможно, он успел...

- Ганимедяне выбрасывают споры произвольно, в тот момент, когда подвергаются атаке. Думаю, у него эта функция сработала мгновенно, в момент выстрела. Смотри внимательней, споры очень маленькие. Они такие коричневые и круглые, без лупы их не разглядишь. Давай, а я пока приготовлю питательную среду.

Она скрылась в комнате Чака; он постоял немного, потом опустился на колени и стал через лупу дюйм за дюймом тщательно осматривать ковер в поисках живых останков Смайла Раннинга Клама.

Когда Джоанна вернулась, Чак раскрыл ладонь и показал ей семь крошечных шариков; в лупу было видно, что они имели гладкую и блестящую коричневую поверхность.

- Им нужна влажная почва, - объяснила Джоанна, наблюдая за тем, как Чак осторожно перекладывал споры в найденную ею на кухне мензурку. - И время. Найди еще штук двадцать, наверняка они выживут не все.

Ему удалось отыскать на грязном, потертом ковре еще двадцать пять спор, которые также были помещены в мензурку. Затем Чак и Джоанна спустились на первый этаж и, обогнув здание, вышли во двор. Там они взяли немного чернозема и заполнили мензурку. Джоанна заметила поливочный шланг и капнула в сосуд воды, после чего он был изолирован от доступа воздуха клейкой лентой.

- Атмосфера на Ганимеде плотная, теплая и насыщенная влагой, - объяснила Джоанна. - Это все, что можно сделать сейчас, чтобы создать для спор наиболее благоприятные условия. Смайл Раннинг Клам как-то говорил мне, что иногда ганимедянам удавалось даже успешно размножиться на Земле в открытой почве. Поэтому не будем терять надежды.

С осторожностью они перенесли мензурку в комнату Чака.

- И долго придется ждать? - спросил Чак. - Пока что-то прояснится?

- Точно не знаю, но слышала, что все зависит от фазы Луны. В общем, примерно несколько дней, но это может произойти и через месяц. Чем полнее фаза, тем лучше. Так что будем ждать. Впрочем, можно узнать фазу Луны в сегодняшней газете. - Она развернула газету на диване.

- А сохранится ли память в этих новых... - Он помедлил. - В новом поколении липкой плесени? Будет он или они помнить нас? И то, что произошло?

Джоанна, не отрываясь от газеты, проговорила:

- Это зависит от того, как быстро он выбросил споры... - Она закрыла газету. - Споры должны активизироваться через несколько дней.

- А что с ними будет, если я увезу их с Земли? И Луна перестанет влиять на них?

- Они будут продолжать расти. Но, наверно, немного медленнее. Что ты задумал?

- Если организация Хентмэна послала за мной кого-то, - сказал Чак, - и с посланцем что-то случилось...

- Они пошлют другого, - согласилась Джоанна. - Это точно. Возможно, сразу же, как только узнают. И не исключено, что наш посетитель имел специальный сигнал "на мертвеца", и они узнали о его смерти в момент остановки сердца. Ты прав: тебе нужно как можно скорее покинуть Землю. Но каким образом? Для этого нужны средства, чья-то помощь... У тебя осталось что-нибудь на счету в банке?

- Нет, Мэри забрала все. - Чак опустился в кресло и прикурил сигарету. - У меня есть одна идея, - через некоторое время произнес он, - мне надо позвонить. Извини, но я бы не хотел, чтобы ты слышала этот разговор. Или ты по-прежнему боишься за меня?

- Нет, сейчас с тобой все в порядке. Ты только немного нервничаешь. Но это неудивительно в такой ситуации. - Она встала. Звони, а я пойду займусь нашим гостем. Надо связаться с отделением полиции. В дверях она помедлила. - Чак, я рада, что помогла тебе. Скажи, а куда направлялся прыгун?

- Послушай, лучше бы тебе этого не знать. Для твоей же пользы.

Девушка задумчиво кивнула и закрыла за собой дверь. Он остался один.

Уже начав набирать номер кабинета Роджера Лондона, Чак передумал, и решил позвонить своему бывшему шефу Джеку Элвуду.

"В такой поздний час он наверняка уже дома", - думал Чак, вызывая квартиру шефа. Элвуд действительно оказался в кругу семьи. Он был явно недоволен поздним звонком и стал еще более недовольным, увидев, кто это был.

- Я хочу заключить с вами одно соглашение, - произнес Чак.

- Соглашение? Мы знаем, что ты прямо или косвенно подсказал Хентмэну о готовящейся против него операции, и ему удалось скрыться. Разве не так? Мы даже знаем, через кого ты работал. Через смазливую артисточку из Санта-Моники, которая является его последней любовницей. - Элвуд с экрана бросил на Чака хмурый взгляд.

Последняя фраза явилась для Чака новостью - он не догадался об этом, общаясь с Патрицией. Однако теперь это мало что значило.

- Дело заключается в следующем, - сказал он. - Я знаю, где находится Хентмэн.

- Это меня не удивляет. Меня поражает другое: почему ты хочешь рассказать нам об этом? Что, не прижился в счастливой хентмэновской семейке?

Чак покачал головой:

- Мафия Хентмэна уже прислала за мной человека. Его удалось остановить, но вскоре, вероятно, появятся новые. Рано или поздно они достанут меня. - Он не стал вдаваться в детали своего трудного положения - бывший шеф все равно остался бы при своем мнении. - Я скажу, где скрывается Хентмэн, в обмен на корабль. Мне нужен один из тех небольших военных межзвездных перехватчиков, которые имеются у ЦРУ. Вы получите неоценимую информацию в обмен на одно такое судно. - Помолчав, Чак добавил:

- Кроме того, я обещаю вернуть вам корабль. Когда сумею.

- Кажется, ты действительно попал в серьезную переделку, приятель, - заметил Элвуд.

- Да.

- Что ж, - пожал плечами Элвуд, - я поверю тебе, почему нет? Скажи мне, где Хентмэн, и я в течение пяти часов предоставлю тебе корабль.

"Другими словами, - понял Чак, - они придержат судно до тех пор, пока не проверят мою информацию. Если Хентмэна не найдут, никакого корабля не будет, и я прожду напрасно".

Однако сложно было ожидать чего-либо другого от профессионалов разведки - таков был их метод. Жизнь являлась для них одной большой карточной игрой.

- Хентмэн на Луне, в Брэйх-сити, - отрешенно произнес Чак.

- Жди у себя дома, - быстро сказал Элвуд. - Судно будет около двух часов ночи. Если... - Он

посмотрел Чаку в глаза.

Повесив трубку, Чак сел на диван. Потом заметил, что сигарета, которую он оставил на краю кофейного столика, догорела почти до фильтра; на полу лежал пепел. Чак затушил ее.

Итак, если корабль не появится, ему конец - другого варианта не оставалось. Джоанна может защитить его еще раз, может даже вернуть к жизни, если люди Хентмэна убьют его... Но если он останется на Земле, то рано или поздно его найдут и прикончат или, в лучшем случае, захватят: современные приборы обнаружения весьма эффективны. За достаточно большое время они обнаружат цель, если она будет находиться на планете. Луна, в отличие от Земли, имела "слепые" области, где обнаружение человека представляло проблему. А на отдаленных планетах и лунах это было практически невозможно.

И одной из таких областей была Альфанская система. Например, планета Альфа III и несколько ее лун, в особенности M2. Имея в своем распоряжении сверхсветовой перехватчик ЦРУ, он достигнет ее в считанные дни. Совсем как Мэри со своей экспедицией. Открыв дверь в коридор, Чак позвал Джоанну:

- Заходи, я уже позвонил.

- Ты покидаешь Землю? - Темные глаза девушки были широко раскрыты.

- Может быть. - Чак снова сел на диван и приготовился к долгому ожиданию.

Джоанна осторожно поставила на столик мензурку со спорами Смайла Раннинга Клама.

- Отдаю их тебе, потому что знаю: ты хочешь вырастить их сам. Он отдал за тебя жизнь, и ты чувствуешь себя ответственным. Теперь давай я расскажу, что нужно делать, когда споры станут активными.

Чак взял бумагу и карандаш и стал записывать.

Несколько часов спустя, когда люди из Третьего Отделения полиции убрали с крыши мертвого человека и Джоанна покинула его, Чак понял, что проиграл. Альф Шериган оказался прав - теперь он действительно "заложил" Хентмэна ЦРУ. Но он поступил так только ради спасения собственной жизни. Для Хентмэна, однако, это вряд ли послужит оправданием: тот тоже хотел спасти свою жизнь.

Но дело было уже сделано.

Чак продолжал неподвижно сидеть на диване и ждать сигнала о прибытии корабля. Однако верил в него все меньше и меньше.

"Что тогда? Что, если корабля не будет? Тогда - новый посланец мафии... И моя жизнь станет измеряться не годами, а минутами..."

Ждать оставалось еще чертовски долго.

Глава 10

Слегка поклонившись, Габриэль Бэйнс объявил:

- Мы, делегаты семи кланов, представляем Высший Совет - верховную власть, которой обязаны подчиняться все в этом мире. - С холодным, застывшим выражением лица он выдвинул стул и жестом предложил земному психологу сесть. Доктор Мэри Риттерсдорф приняла приглашение, вежливо улыбнувшись. Как показалось Бэйнсу, она выглядела немного уставшей. В ее улыбке не чувствовалось искренности. Остальные члены Совета начали поочередно представляться.

- Говард Строу. Ман.

- Як-коб Симион. - Симион не смог подавить своей идиотской улыбки. - От гебов, из Гандитауна, где вы обосновались.

- Аннет Голдинг, поли. - В глазах Аннет отражалась тревога, она сидела очень прямо, напряженно вглядываясь в женщину-психолога, наглым образом нарушившую их спокойную жизнь.

- Ингрид Хибблер. Один, два, три. Из клана навов. "Что это означает? - подумала Мэри. - Ах, да, конечно - навязчивые".

- Омар Даймонд. Сейчас вы догадаетесь, к какому клану я принадлежу. - Он отрешенно посмотрел прямо перед собой, впадая в прострацию.

"Черт возьми, - подумал Габриэль Бэйнс, - нашел время для мистических занятий! Ведь нам сейчас, как никогда, нужно действовать согласованно. Или не действовать вовсе..."

Глухим, полным отчаяния голосом заговорил деп:

- Дино Уоттерс. - Деп попытался сказать что-то еще, потом оставил это занятие - вес безысходности и пессимизма был слишком тяжел для него. Он опять устался в одну точку, механически-отрешенно почесывая лоб.

- А меня вы уже знаете, доктор Риттерсдорф. - Бэйнс зашуршал документом, который лежал перед ним на столе. Документ являлся плодом совместных усилий членов Совета, их манифестом. - Спасибо за то, что посетили нас! - начал он и откашлялся, так как голос от напряжения стал садиться.

- Спасибо, что разрешили мне сделать это, - произнесла доктор Риттерсдорф формальным и вместе с тем - как показалось Бэйнсу - отчетливо угрожающим тоном. Ее взгляд был непроницаем.

Бэйнс продолжил:

- Вы спрашиваете разрешения посетить другие, кроме Гандитауна, поселения. В особенности вам необходимо осмотреть Высоты Да Винчи. Мы обсудили этот вопрос. И решили отклонить вашу просьбу.

- Я вижу, - кивнула доктор Риттерсдорф.

- Объясните ей почему, - произнес Говард Строу. Его лицо перекосила безобразная гримаса, он ни на мгновение не отводил взгляд от земной женщины-психолога. Его неприкрытая ненависть к ней, как зараза, наполняла комнату и придавала атмосфере зловещий оттенок. Бэйнс, сам того не желая, чувствовал, что ненависть захватывает и его.

Подняв руку, доктор Риттерсдорф проговорила:

- Погодите. Вы еще успеете зачитать мне ваш документ. Она медленно обвела присутствующих испытующим, профессиональным взглядом. Говард Строу ответил злобной гримасой;

Якоб Симион кивнул и бессмысленно улыбнулся, позволив ее взгляду проследовать дальше. Аннет Голдинг, бледная как полотно, нервно подняла голову, потом опустила глаза и принялась рассматривать свои ногти. Деп ничего не заметил - он смотрел себе под ноги. Шиз Омар Даймонд взглянул на доктора Риттерсдорф с суровой возвышенностью, за которой, как заметил Бэйнс, скрывалось раздражение. Казалось, он в любую минуту опять может отключиться.

Что касалось самого Бэйнса, то он находил доктора Мэри Риттерсдорф физически привлекательной женщиной. "Имеет ли значение тот факт, - невольно отметил он про себя, - что она прибыла сюда одна, без мужа?" Она была, без сомнения, сексуальной особой. Ему казалось необъяснимой неуместностью, учитывая всю важность этой встречи, то, как подчеркнуто женственно она была одета: черный свитер и юбка, никаких чулок, на ногах - туфли золотистого цвета. Свитер, как заметил Бэйнс, был чересчур облегающим...

Понимала ли все это госпожа Риттерсдорф? Он не мог этого сказать и вскоре обнаружил, что его внимание полностью переключилось от того, что она говорила, на ее заметно выступающие груди. Груды у нее не выглядели большими, однако благодаря своей остроте заметно выделялись под облегающим свитером. Груды ему нравились.

"Интересно, - подумал Бэйнс, - может ли эта женщина, пребывающая в самом расцвете своих сексуальных возможностей - ей, наверное, не более тридцати двух, - может ли она искать здесь чего-либо еще, помимо профессионального успеха? "

Мощный внутренний голос подсказывал ему: доктор Мэри Риттерсдорф озабочена не только своей профессиональной задачей - она также оживлена неким личностным началом. Хотя, скорее всего, и не осознавала этого. Ее тело было одержимо своей собственной задачей, которая, по всей видимости, временами вступала в противоречие с целями мозга. Сегодня утром, вставая с постели, доктор Риттерсдорф, вероятно, просто подумала о том, что ей хочется надеть этот черный свитер - и ничего более. Однако тело с хорошо развитым гинекологическим аппаратом внутри лучше знало, что ему нужно.

В ответ на эти мысли отреагировала соответствующая часть его собственного тела. Но это была уже сознательная реакция. Бэйнс подумал: "А нельзя ли извлечь отсюда какую-либо выгоду для нашей общей, коллективной безопасности? Может, мне удастся сделать кое-что для общего блага?"

Думая так, он чувствовал, что начинает заботиться уже о коллективной защите, а не только о себе самом. В голове Бэйнса сразу же возникло множество планов помощи своим коллегам.

- Доктор Риттерсдорф, - мягко начал он, - перед тем как мы позволим вам посетить некоторые другие наши поселения, ваш корабль должна осмотреть делегация Высшего Совета. Необходимо выяснить, имеется ли оружие на борту вашего судна. Все остальное нас совершенно не интересует.

- У нас нет оружия, - сказала доктор Риттерсдорф.

- Тем не менее, - настаивал Бэйнс, - я предлагаю, чтобы вы позволили мне и, вероятно, еще одному из присутствующих здесь делегатов сопровождать вас при возвращении на базу. У меня имеется документ, - он потряс манифестом, - который гласит, что ваш корабль обязан покинуть Гандитаун в течение сорока восьми земных часов. Если вы не согласитесь с нашим предложением... - Бэйнс посмотрел на Строу, тот кивнул. - В таком случае мы начнем против вас военные действия, на основании того, что вы будете считаться вооруженными захватчиками.

Немного понизив свой приятный высокий голос, доктор Риттерсдорф сказала:

- Я понимаю вашу позицию. Ведь вы так долго жили в полной изоляции. Однако должна сказать вам следующее... - Теперь она обращалась непосредственно к Бэйнсу, пристально глядя на него своими прекрасными интеллигентными глазами. - Должна привлечь ваше внимание к одному немаловажному факту, который, боюсь, вы сочтете неприятным. Вы все - индивидуально и коллективно - психически больны.

В зале повисло долгое, напряженное молчание.

- Черт побери, - произнес Говард Строу, не обращаясь ни к кому в отдельности, - мы уже много лет живем свободно. Без так называемого госпиталя, который на самом деле являлся концентрационным лагерем. - Он скривил губы. - В котором люди были рабами.

- Мне неприятно говорить вам это, - настаивала доктор Риттерсдорф, - однако вы не правы: здесь был вполне законный психиатрический центр, где лечили больных. Я попросила бы вас включить этот факт в свои планы, которые вы строите по отношению к нам. У меня нет причин лгать - я говорю чистую правду.

- Квид эст веритас? - пробормотал Бэйнс.

- Что вы сказали? - не расслышала доктор Риттерсдорф.

- Что есть истина? - перевел Бэйнс. - А не кажется ли вам, доктор, что за десять лет нам удалось подняться над нашими изначальными проблемами межличностной несовместимости и... - он сделал жест рукой, - приспособиться? Или какой термин вы больше предпочитаете?... В любом случае мы стали способны к адекватным групповым взаимоотношениям, которые, например, вы

можете наблюдать в этом зале. Если мы в состоянии выполнять совместную работу, то, вне всякого сомнения, не являемся больными. Лучшего теста, чем групповая работоспособность, просто не существует, - Бэйнс сел, чрезвычайно довольный собой.

Доктор Риттерсдорф заговорила, тщательно подбирая слова:

- Да, я, конечно, должна признать, что в данный момент вы объединились против общего врага..., против нас. Однако я готова поспорить, что до нашего прибытия, и после того, как мы улетим, вы опять превратитесь в кучку разрозненных индивидуумов, озабоченных взаимной враждой и недоверием, неспособных договориться между собой. - Она обезоруживающе улыбнулась Бэйнсу, однако тот не ответил, догадавшись, что это всего лишь уловка. Причем весьма неудачная, так как она сильно портила впечатление от столь пронизательного заявления.

Потому что докторша, конечно же, была абсолютно права. Она попала в самую точку: кланы редко действовали заодно. Однако..., она все-таки ошибалась.

Она допустила очевидную, хотя и незаметную на первый взгляд ошибку. Она предполагала, как нечто само собой разумеющееся, что причина вражды и страха крылась в самом Совете, исходила от людей, его составляющих. Однако именно земляне первыми начали действовать угрожающе: прибытие их корабля явилось де-факто актом враждебности... Иначе была бы предпринята попытка получить разрешение. Земляне первыми продемонстрировали свое недоверие, а значит, несут ответственность за то, что отношения не складываются. Если бы они захотели, то могли бы без труда избежать этого.

- Доктор Риттерсдорф, - резко произнес он, - альфанские торговцы связываются с нами, когда хотят получить разрешение на посадку. Вы даже не попытались сделать этого. С ними у нас проблем не бывает: мы обмениваемся товарами на регулярной, постоянной основе.

Его тирада попала в цель - психолог молчала, не зная, что ответить. Присутствующие радостно зашумели, выражая недоверие пришельцам; Говард Строу пробормотал что-то злобное.

- Мы предположили, - проговорила наконец доктор Риттерсдорф, - что если бы начали добиваться такого разрешения, то получили бы отказ.

Улыбнувшись, Бэйнс спокойно сказал:

- Однако вы даже не предприняли такой попытки. Вы "предположили". А теперь, конечно, уже считаете...

- Скажите честно: разрешили бы вы нам приземлиться? - Ее жесткий, уверенный голос ударил Бэйнса, словно хлыстом, резко оборвав ход его рассуждений; он моргнул и невольно остановился.

- Нет, не разрешили бы, - заключила она. - Вы все прекрасно знаете об этом. Прошу вас, давайте пытаться мыслить реалистично.

- Если вы появитесь на Высотах Да Винчи, - заявил Говард Строу, - мы убьем вас. Мы убьем вас, если вы не улетите. Любой новый корабль, который попытается приземлиться здесь, будет уничтожен. Это наш мир, и мы хотим сохранить его свободным, пока мы живы. Господин Бэйнс может обрисовать детали нашего прежнего тюремного режима; все они содержатся в манифесте, который он и я - с помощью остальных делегатов - подготовили для вас. Зачитайте манифест, господин Бэйнс.

- "Двадцать пять лет назад, - начал читать Габриэль Бэйнс, - на Луне была создана колония..." Доктор Риттерсдорф тяжело вздохнула.

- Наши знания ваших клинических состояний...

- "Критических состояний"? - взорвался Говард Строу. - Вы сказали "критических состояний"?

- Его лицо покраснело от ярости, он даже привстал со стула.

- Я сказала "клинических состояний", - терпеливо повторила доктор. - Наши знания говорят о том, что причина вашей воинственности находится в поселении манов; иными словами, в месте

компактного проживания маниакально-депрессивных личностей. Через четыре часа мы покинем город гебефреников Гандитаун и высадимся на Высотах Да Винчи. Если вы попытаетесь атаковать нас, мы вызовем земные военные корабли... - она помедлила, - которые находятся за полчаса лета отсюда. В зале снова установилось долгое, напряженное молчание. Через некоторое время Аннет Голдинг едва слышно пробормотала:

- Все-таки зачитайте наш манифест, Габриэль. Бэйнс возобновил чтение манифеста. Голос у него дрожал. Аннет разрыдалась, ее горестные всхлипы были полны отчаяния:

- Теперь вы понимаете, что земляне уготовили нам? Они снова собираются сделать из нас пациентов психбольницы. Это конец! Собравшись с духом, доктор Риттерсдорф возразила:

- Не правда, мы собираемся вас лечить. Уверяю, лечение поможет вам..., ну, почувствовать себя более свободными. Стать полноправными членами общества. Вы ощутите вкус к жизни, избавитесь от напряжения и страхов...

- Да-да, - пробормотал Якоб Симион. - От страхов, что доктора с Земли снова придут сюда и загонят нас за колючую проволоку, словно диких животных.

"Через четыре часа, - думал Габриэль Бэйнс. - Совсем скоро". Дрожащим голосом он продолжил чтение совместного манифеста.

Но теперь это занятие казалось ему пустой бравадой. "Потому что уже ничто не спасет нас", - понял он.

После того как встреча закончилась и доктор Риттерсдорф покинула зал заседаний, Бэйнс представил свой план коллегам.

- Вы что?... - высокомерно поинтересовался Стру, состроив такую гримасу, что его лицо стало пародией на само себя. - Вы хотите ее совратить? Боже мой, она, наверно, права: наше место в психбольнице! - Стру опустился на стул; постепенно его лицо вернулось в нормальное состояние, но чувство отвращения так сильно захлестнуло его, что он не смог больше ничего сказать, предоставив остальным делегатам выразить свое отношение к поступившему предложению.

- Вы слишком высокого мнения о себе, - проговорила Аннет Голдинг.

- Мне нужен какой-нибудь телепат, - сказал Бэйнс, - который помог бы выяснить, прав ли я. - Повернувшись к Якобу Симиону, он спросил:

- А этот ваш святой, Игнатий Ледебур... Он обладает какими-нибудь телепатическими способностями? Он же, говорят, мастер на все руки: прорицает, проходит сквозь стены?...

- Насколько я знаю, он не телепат, - ответил Симион. - Но вы можете связаться с Сарой Апостлс. - Он радостно закивал Бэйнсу, подмигивая обоими глазами.

- Я позвоню в Гандитаун, - сказал Бэйнс, снимая трубку телефона.

Симион сказал:

- Телефонная связь в Гандитауне снова вышла из строя. Шесть дней назад. Вам придется поехать туда.

- Вам так и так надо ехать туда, - заговорил вдруг Дино Уоттерс, невероятным усилием воли вырвав себя из цепких лап депрессии. Казалось, его одного по-настоящему заинтересовало предложение Бэйнса. - Именно там, в Гандитауне, все это происходит необычайно легко, там каждый имеет детей от каждого. Может быть, сейчас она как раз находится в нужном

расположении духа.

С одобрительной ухмылкой Говард Строу произнес:

- Вам повезло, Гэйб, что она сейчас среди гебов - из-за этого она будет более покладистой с вами.

- Если для нас это единственный способ выжить, - жестко сказала госпожа Хибблер, - то мы обречены. Я заявляю это со всей ответственностью.

- Вселенная, - указал Омар Даймонд, - обладает бесчисленным количеством способов, при помощи которых она воплощает себя. Даже такой способ не может быть подвергнут порицанию.

- Он серьезно кивнул.

Не говоря ни слова и даже не попрощавшись с Аннет, Бэйнс твердым шагом вышел из зала заседаний, спустился по широким каменным ступеням и покинул здание. На стоянке он сел в свой турбоавтомобиль и выехал на дорогу, ведущую в Гандитаун.

Тащась по ней с черепашьей скоростью в семьдесят пять миль в час, он надеялся прибыть на место раньше окончания четырехчасового ультиматума. "Если только, - думал он, - ничего не упало на дорогу и не перегородило ее". Доктор Риттерсдорф уже вернулась в Гандитаун на ракетном челноке. Он проклинал архаичный способ перемещения, на который приходилось полагаться; однако такова была реальность мира, за который они боролись. Став подданными Земли, они бы снова получили современные средства передвижения... Но это не шло ни в какое сравнение с тем, что им пришлось бы потерять. Лучше путешествовать со скоростью семьдесят пять миль в час и быть свободными. "Эх, - вздохнул он, - хороший лозунг..."

Однако такая скорость все же слегка раздражала Бэйнса. Учитывая важность его миссии..., была ли она одобрена Советом или нет.

Четыре часа и двадцать минут спустя, усталый физически, но в бодром, даже приподнятом, настроении, он достиг заваленных мусором пригородов Гандитауна. В воздухе стоял специфический аромат гебского поселения - он уловил сладковатый запах гниения, смешанный со стойким дымным привкусом бесчисленных очагов, в которых жгли мусор.

Во время путешествия в голову Бэйнса пришла новая идея, поэтому он повернул не к жилищу Сары Апостлс, а к хижине святого Игнатия Ледебура.

Ледебур копался в древнем, проржавевшем бензиновом генераторе, окруженный детьми и котами.

- Я знаю, зачем ты пришел. - Игнатий поднял руку, дабы отвратить Бэйнса от излишних объяснений. - Я видел на горизонте кровавые буквы некоторое время назад.

- Значит, ты знаешь, что мне нужно от тебя.

- Да, - кивнул Игнатий. - Я успешно применял это средство со многими женщинами. - Он положил молоток и направился к хижине; коты - но не дети - последовали за ним. То же сделал и Габриэль Бэйнс.

- Какие незначительные проблемы тебя волнуют, - осуждающе заметил Игнатий и хихикнул.

- Ты можешь узнать будущее? Скажи, добьюсь ли я успеха?

- Я не предсказатель. Пусть предсказывают другие, я же промолчу. Подожди минуту.

Ледебур остановился, осматривая хижину, полез под раковину и достал пол-литровую бутылку, наполненную темной субстанцией; отвинтил пробку, понюхал и покачал головой.

- Нет, не то.

Поставив бутылку на место, Ледебур открыл в полу крышку ледника и, порывшись в нем, вынул пластиковый пакет, который стал изучать, критически хмурясь.

Из спальни появилась нынешняя жена Ледебура - Бэйнс не знал ее имени, - которая взглянула заспанными глазами на мужчин и занялась своими делами. На ней было похожее на мешок платье и кроссовки без чулок; нечесанные волосы напоминали грязную паклю. Бэйнс отвел глаза,

пытаясь скрыть отвращение.

- Послушай, - сказал Ледебур жене. - Где емкость..., ну, сама знаешь с чем? Со смесью, которую мы пьем, когда собираемся... - Он сделал жест руками.

- В ванной. - Женщина направилась к выходу. Ледебур скрылся в ванной. Некоторое время был слышен звон посуды, потом он вернулся, держа в руке высокий стакан с красноватой жидкостью, которая плескалась от его движений.

- Вот. - Ледебур ухмыльнулся, обнажив два отсутствующих передних зуба. - Но тебе придется заставить ее принять это. Как ты собираешься это проделать?

В данный момент Бэйнс не мог ответить на этот вопрос.

- Посмотрим, - сказал он, протягивая руку за афродизиаком.

От хижины Ледебур Бэйнс поехал к единственному в Гандитауне магазину, представлявшему собой круглое деревянное строение с облупившейся краской. Все пространство вокруг было завалено пустой картонной тарой, обрывками упаковочной бумаги и кучами раздавленных жестяных банок. Альфанские торговцы избавлялись здесь от ненужного хлама.

В магазине Бэйнс купил бутылку альфанского бренди; усевшись в машину, он отвинтил пробку и вылил за окно половину содержимого. Затем начал осторожно переливать из стакана в бутылку красноватый, со значительным слоем темного осадка афродизиак, который ему дал гебский святой. Две жидкости перемешались между собой; довольный, он закрыл бутылку, завел мотор и поехал.

"Сейчас не то время, - подумал он, - чтобы полагаться только на свой природный талант". А как отметили отдельные члены Совета, он не очень-то выделялся в данной области. Но именно мастерство - если они хотели выжить - как раз и требовалось ему сегодня больше всего.

Бэйнс без труда разглядел земной корабль, который выделялся на фоне грязных хижин Гандитауна сверкающей металлической колонной, и сразу повернул автомобиль в нужном направлении.

За несколько сотен метров от корабля его остановил вооруженный часовой, одетый в хорошо знакомую со времен недавней войны серо-зеленую форму земной армии. Бэйнс заметил, что из двери ближайшей хижины на него смотрит ствол крупнокалиберного пулемета.

- Предъявите ваши документы. - Часовой испытующе поглядел ему в глаза.

Габриэль Бэйнс сказал:

- Передайте доктору Риттерсдорф, что прибыл полномочный представитель Высшего Совета. Я привез наше последнее предложение, которое поможет избежать кровопролития. - Бэйнс сидел напрягшись и неподвижно смотрел прямо перед собой.

После коротких переговоров по рации часовой сказал:

- Можете пройти на корабль.

Появился другой землянин, также в военной форме и с оружием, который провел Бэйнса к трапу и объяснил, как найти нужную каюту. Бэйнс поднялся на корабль и осторожно двинулся по коридору, ища каюту под номером 32-Р. Замкнутое пространство действовало на него угнетающе, ему хотелось выйти наружу, на свежий воздух. Но было уже слишком поздно. Он увидел дверь с нужным номером и остановился, ощущая тяжесть бутылки, спрятанной под мышкой. Потом постучал.

Дверь открылась. Доктор Риттерсдорф была все еще в своем облегающем свитере, черной юбке и золотистых туфлях. Она неуверенно посмотрела на Бэйнса.

- Здравствуйте, господин...

- Бэйнс.

- А-а, из клана паров. - Затем как бы про себя добавила:

- Параноидальная шизофрения. - Она слегка покраснела. - О, прошу прощения. Не бойтесь, вам здесь ничего не грозит. Заходите.

- Я пришел, чтобы поднять тост, - сказал Бэйнс. - Вы к нему не присоединитесь? - Он зашел в тесную каюту доктора.

- Тост..., за что? Бэйнс пожал плечами.

- Это должно быть очевидно. - Он позволил себе только совсем немного необходимого раздражения.

- Вы снимаете свои претензии? - Голос доктора был проникающе резок; она закрыла дверь и сделала шаг ему навстречу.

- Два стакана, - произнес он подчеркнуто отрешенно и вздохнул. - О'кэй, доктор? - Он достал бутылку с альфанским бренди и чужеродной добавкой из бумажного пакета и начал отвинчивать пробку.

- Думаю, вы поступаете очень мудро, господин Бэйнс, - сказала доктор Риттерсдорф. - Весьма мудро.

Будучи самым воплощением поражения, Габриэль Бэйнс угрюмо наполнил стаканы до краев.

- Значит, мы можем высадиться на Высотах Да Винчи? - Доктор Риттерсдорф подняла стакан и отпила из него.

- Да-да, конечно, - апатично согласился он, отхлебывая из своего стакана. Вкус был ужасен.

- Я проинформирую об этом секретного агента нашей миссии, господина Мэйджбума. Поэтому никаких... - Она внезапно замолчала.

- Что с вами?

- Я только что почувствовала... - Доктор Риттерсдорф нахмурилась. - Какое-то странное волнение. Оно исходит откуда-то изнутри. Если бы я не знала слишком хорошо... - Она смутилась. - Не обращайтесь внимания, господин..., господин... Бэйнс?

И быстро отпила из своего стакана.

- Это накатило на меня так внезапно. Думаю, я была взволнована - не могла же я... - Ее голос затих. Доктор подошла к стулу и села. - Вы что-то добавили в этот напиток. - Затем резко встала, стакан выпал у нее из рук; быстрыми шагами она направилась к расположенной у двери красной кнопке.

Когда она проходила мимо, Габриэль Бэйнс схватил доктора Мэри Риттерсдорф за талию. Полномочный представитель Высшего Совета Альфы III M2 сделал свой выбор. К лучшему или нет, но план за выживание семи кланов начал претворяться в жизнь.

Внезапно доктор Риттерсдорф укусила парского делегата за ухо. И чуть не оторвала мочку.

- Ой! - только и сумел выговорить Бэйнс. Потом спросил:

- Что вы делаете?

А через некоторое время сказал:

- Вот сейчас смесь Ледебуря подействовала по-настоящему. Потом добавил:

- Послушайте, но есть же какие-то границы... Шло время, и он произнес, задыхаясь:

- По крайней мере, должны быть. Раздался стук в дверь. Слегка приподнявшись с пола, Мэри Риттерсдорф крикнула:

- Убирайтесь!

- Это Мэйджбум, - донесся из коридора приглушенный мужской голос.

Освободившись от Бэйнса, Мэри поднялась на ноги, бросилась к двери и рывком защелкнула замок. Затем, со свирепым выражением лица, нырнула - да, ему показалось, что она ныряет - прямо на него. Бэйнс закрыл глаза и приготовился к столкновению.

"Приведет ли это, однако, к тому, чего мы добиваемся? В политическом отношении?"

Прижимая доктора к полу рядом с кучей смятой одежды, Бэйнс проговорил:

- Послушайте, госпожа Риттерсдорф...

- Мэри. - На этот раз она укусила его за верхнюю губу; ее зубы громко щелкнули, и Бэйнс вздрогнул от боли, непроизвольно закрыв глаза. Что явилось его кардинальной ошибкой. Ибо в то же мгновение она наклонила его; затем он почувствовал себя пригвожденным к полу - острые колени уперлись ему в бедра, она обхватила его голову двумя руками, зажав волосы между пальцами и с силой потянула вверх, будто стараясь сорвать с плеч. И одновременно с этим...

- На помощь! - попытался слабо позвать он. Человек, находившийся по другую сторону двери, скорее всего, уже ушел, так как ответа не последовало.

С трудом повернув голову, Бэйнс разглядел красную кнопку, на которую хотела нажать Мэри Риттерсдорф - собиралась сделать это, но теперь, вне всякого сомнения, не сделает и через миллион лет, - и начал постепенно, сантиметр за сантиметром, перемещаться в нужном направлении.

Но его попытка была пресечена.

Отчаяние Бэйнса усиливалось тем, что он, наконец, понял:

"Совет от всего этого не приобретет ни капли".

- Госпожа Риттерсдорф, - простонал он, когда ему удалось набрать побольше воздуха, - будьте благоразумны. Ради Бога, давайте поговорим. Прошу вас.

Мэри укусила его за нос - он почувствовал страшную боль. Потом она засмеялась долгим, плотоядным смехом. Бэйнс похолодел.

"Я не выйду отсюда живым, - решил он после долгого пассажа, во время которого ни один из них не мог произнести ни слова. - Она закусает меня до смерти". Он осознал наконец, что расшевелил мощнейшее либидо во Вселенной, необузданную женскую стихию, которая слишком долго находилась в скрытом, подавленном состоянии, а теперь разом выплеснулась наружу и пригвоздила его к коврику, не оставляя ни малейших шансов избежать незаслуженного возмездия. "Если бы только кто-нибудь догадался выломать дверь..., например, кто-нибудь из вооруженных охранников..."

- Разве ты не знаешь, - зашептала Мэри, прижимаясь к нему мокрой от пота щекой, - что ты прекраснейший мужчина на свете? - Она слегка отодвинулась и села на корточки.

Бэйнс незамедлительно воспользовался предоставленной ему возможностью и откатился в сторону, стараясь встать на ноги и дотянуться до заветной красной кнопки...

Она схватила его за ногу и резко дернула вниз; падая, он сильно ударился затылком о металлический ящик и застонал, погружаясь в темноту поражения и небытия, которое, в образе обнаженного тела Мэри Риттерсдорф, снова овладело им, издав короткий смешок. У него было такое ощущение, словно его распяли: сильные руки с длинными, как гвозди, ногтями впивались в запястья, острые колени вдавливали ноги в пол, перед глазами прыгали груди.

"Для нее абсолютно безразлично, в сознании я или нет", - понял Бэйнс, когда наступила полная темнота. В голове созрело последнее, окончательное решение. Как-нибудь, когда-нибудь он рассчитается за все это с гебским святым Игнатием Ледебуrom...

- О, ты такой милый, - раздался над самым ухом оглушающий голос Мэри. - Мне просто хочется тебя съесть. - Она дрожала всем телом, словно горячий вулкан.

В тот момент, когда он отключался, у него было ужасное ощущение, что Мэри Риттерсдорф только начинает. Зелье Ледебура было здесь совершенно ни при чем - оно ведь не подействовало

НА НЕГО в такой же степени...

"Да она просто бешеная..."

Через миллион лет он почувствовал, что его перестали мучить - дергающийся вулкан исчез, стало хорошо. Потом Бэйнс понял, что его куда-то несут, и снова потерял сознание.

"Наверно, я уже в раю: здесь так тихо, спокойно..., нет никаких землян..., свобода..., свобода? Земной корабль!"

Бэйнс открыл глаза. Было темно. Он лежал на мокрой траве. Рядом росли кусты. Бэйнс огляделся: его окружала полная темень, и только сквозь ветви просвечивали отдаленные огоньки.

Бэйнс поежился. Где, черт возьми, его одежда? Неужели Мэри Риттерсдорф не удосужилась отдать ее? Ругаясь сквозь зубы, он начал шарить вокруг. Подвергать подобному унижению его, парского делегата Высшего Совета...

Отчаявшись найти одежду, он вышел из кустов и понял, что находится на окраине Гандитауна. Но где земной корабль? В темноте не было видно никаких бортовых огней, указывающих на присутствие большого межзвездного судна.

"Улетели. Четырехчасовой ультиматум кончился, и они высадились на Высотах Да-Винчи".

Бэйнс увидел два прыгающих луча света; до него донеслось тарахтение двигателя. По ухабистой проселочной дороге приближалось какое-то древнее транспортное средство. Бэйнс двинулся навстречу и разглядел типично гебское средство передвижения - автомобиль с двигателем внутреннего сгорания. Он взмахнул рукой, останавливая машину.

- Что случилось, приятель? - сильно растягивая слова, спросил геб-водитель и хихикнул.

Бэйнс подошел к дверце автомобиля и сказал:

- Меня ограбили.

- Да? Какой ужас. И одежду забрали? Садись. - Геб начал колотить по задней двери, пока та с треском не открылась. - Я отвезу тебя к себе и дам какую-нибудь одежду.

Бэйнс мрачно произнес:

- Отвези-ка меня лучше к Ледебуру. Я хочу поговорить с ним. "Но стоит ли обвинять гебского святого? Ведь я лежал, зарывшись в женщину, словно в могилу... Кто же мог предугадать, что она поведет себя подобным образом? Если бы зелье всегда так действовало на женщин, Ледебур перестал бы им пользоваться..."

- А кто это? - поинтересовался водитель-геб, трогая машину с места.

Населявшие Гандитаун гебы, вероятно, очень мало общались между собой, и Бэйнс понял, откуда Мэри почерпнула свои суждения о населении Луны. Он собрался с мыслями и как мог объяснил водителю, где находилась хижина гебского святого.

- А-а, - догадался тот, - это мужик, у которого уйма кошек. Одну я однажды задавил. - Он снова хихикнул. Бэйнс закрыл глаза и тяжело вздохнул.

Затянутые марлей окна хижины Игнатия Ледебура слабо светились в темноте. Водитель с грохотом распахнул дверцу, и Бэйнс выбрался наружу, с трудом переставляя гудящие ноги. Он все еще жестоко страдал от многочисленных укусов, которыми Мэри Риттерсдорф в приступе страсти покрыла его тело. Осторожно, шаг за шагом, Бэйнс начал пробираться через заваленный мусором двор, таращась в неверном свете автомобильных фар. Разогнав кошачью делегацию у двери хижины, он постучался.

Увидев его, Ледебур затрясся от смеха.

- Я вижу, ты неплохо провел время. Здорово она тебя обработала! Будто кусачками для ногтей... Заходи, заходи. Эlsi залечит твои боевые раны... И одежонку подберем. - Он отошел в дальний угол и стал перебирать барахло, похохатывая время от времени. Бэйнс стоял у плиты и грелся, игнорируя толпу чумазных ребятишек, которые пялились на него во все глаза.

Позднее, когда жена Ледебура обработала укусы дешевым одеколоном - большинство ранок приходилось на лицо и плечи - и хозяин отыскал рваную, но удивительно чистую одежду, Бэйнс сказал:

- Я понял: эта женщина принадлежит к орально-садистическому типу. Если бы я знал об этом раньше...

"Мэри Риттерсдорф, больна не меньше любого обитателя нашей Луны, - догадался он. - Может, даже в более серьезной степени. Но сама, естественно, не догадывается об этом".

- Земной корабль улетел, - заметил Ледебур.

- Знаю. - Бэйнс начал одеваться.

- Час назад меня посетило видение, - проговорил Ледебур.

- Прилетел еще один земной корабль.

- Наверно, военный, - предположил Бэйнс, - для захвата Высот Да Винчи. Да, почему бы им не сбросить на поселение манов водородную бомбу - в качестве психотерапии?

- Это маленький скоростной перехватчик, - сказал Ледебур. Так он вырисовывается в моем психическом представлении, которое связано с первобытными силами. Он прожужжал в небе, словно пчела, и сел недалеко от поселения поли, Гамлет-Гамлета.

Бэйнс сразу же подумал об Аннет Голдинг. Все ли с ней в порядке?

- У тебя есть какое-нибудь средство передвижения? Мне нужно срочно вернуться в Адольфвилл.

"Черт! Где же моя собственная машина? Нужно искать ее..., недалеко от того места, где стоял корабль землян. К дьяволу Адольфвилл! Поеду в Гамлет-Гамлет - надо убедиться, что Аннет жива, что ее не изнасиловали, не засадили в какую-нибудь клетку для лечения... Если только..."

- Я пойду, - сказал он Ледебуру. - Мне нельзя сидеть сложа руки. От меня многое зависит, ведь я пар. - В голове Бэйнса, несмотря на постигшую его неудачу, зрели тысячи новых идей. Он мог бы так и сойти в могилу, не переставая думать о том, как победить врага.

- Вам надо поесть, - посоветовала жена Ледебура. - Кажется, у нас осталось немного вареных почек - я хотела отдать их кошкам, но буду рада, если вы доедите их.

- Спасибо. - Бэйнс постарался не морщиться: гебы готовили отвратительно. Однако она была права - необходимо восстановить силы, если он не хочет свалиться замертво на дороге.

"Странно, что я вообще еще способен разговаривать, - подумал Бэйнс, - после таких мытарств..."

Поев и одолжив у Ледебура фонарик, Бэйнс поблагодарил хозяев за гостеприимство и тронулся в путь по темным захламленным улицам Гандитауна. К счастью, автомобиль стоял там, где он оставил его, - ни гебы, ни земляне не тронули его.

Бэйнс выехал из Гандитауна и направил машину на восток, по дороге на Гамлет-Гамлет. Опять он тащился со скоростью семьдесят пять миль в час по открытой, ничем не защищенной местности. Однако его уже не волновала мысль о собственной безопасности - он был обеспокоен новыми, более важными вещами. Высоты Да Винчи атакованы, быть может, уже пали. Что же остается? Стоит ли продолжать борьбу без энергичных манов? Что означает странное прибытие маленького земного перехватчика? Весьма неожиданное прибытие... Дает ли эта неожиданность хоть какую-то надежду? Ведь все известные ему факты не оставляют никаких шансов; практически они уже обречены...

Бэйнс не был ни шизом, ни гебом, однако у него тоже имелось свое видение вещей. Ему грелился спасительный шанс - один из возможных исходов. Хотя его первый план провалился, он верил в этот счастливый случай. Верил - и сам не знал почему.

Глава 11

По пути домой из Адольфвилла, с заседания Высшего Совета, засвидетельствовавшего земной ультиматум и высадку врага на Высотах Да Винчи, Аннет Голдинг начала подумывать о самоубийстве.

"Все нам - даже манам - в конце концов придется покориться силе. Можно ли спорить с планетой, которая совсем недавно победила целую альфанскую империю?"

Такие мысли вертелись в голове Аннет, пока она сосредоточенно рассматривала пластиковую ленту дороги на Гамлет-Гамлет, выхватываемую из темноты автомобильными фарами. Надежды не оставалось - она ощущала это подсознательно, почти физически.

"Когда все аргументы разбиваются о стену, я не буду спорить, лучше уйду, - думала она. - Никто меня не принуждает к этому, я сама так хочу".

Ей стало жалко себя; на глаза навернулись слезы.

"Я - как Дино Уоттерс... Мне бы надо восхищаться манами, ведь они борются. Почему во мне нет их жестокости, надменности, непробиваемости?... Теоретически я могу стать какой угодно, я же поли... Однако..."

Внезапно Аннет заметила пламя реактивного выхлопа, хорошо видимое на темном небе. Корабль опускался совсем рядом с Гамлет-Гамлетом. Действительно, если она не будет никуда сворачивать, то приедет прямо к кораблю. Ее охватили два противоположных, характерных для поли чувства: страх заставил сжаться, а любопытство, усиленное возбуждением и нетерпением, приказало увеличить скорость.

Однако, когда Аннет оказалась совсем близко от корабля, страх все же победил - она сбросила скорость, свернула с дороги и выключила зажигание. Машина проехала немного по мягкой земле по инерции и остановилась; Аннет сидела в темноте, прислушиваясь к ночным звукам, не зная, что предпринять.

Чужой корабль смутно вырисовывался неподалеку; рядом с ним временами вспыхивал фонарик, кто-то двигался. "Земные солдаты готовятся захватить Гамлет-Гамлет". Однако голосов не было слышно, да и корабль не казался ей большим.

Аннет, конечно же, была вооружена. Каждому делегату Высшего Совета полагалось иметь при себе оружие, хотя гебский представитель традиционно забывал об этом. Порывшись в отделении для перчаток, она выудила оттуда старинный, стреляющий пулями пистолет. Аннет никогда не пользовалась им, и теперь мысль, что она может кого-нибудь убить, казалась ей дикой. Однако выбора не было.

Осторожно, стараясь не шуметь, она выскользнула из машины и стала продираться сквозь кусты поближе к кораблю; внезапно свет фонарика вспыхнул совсем рядом. Аннет в ужасе отпрянула.

Какой- то человек, полностью поглощенный своей работой, рыл лопатой яму. Его наморщенный от напряжения лоб блестел от пота. Внезапно он бросил лопату и поспешил обратно к кораблю. Затем быстро вернулся с большой картонной коробкой, и поставил ее рядом с ямой. Свет фонарика проник в коробку, и Аннет увидела пять влажных пульсирующих сфер, похожих на грейпфруты. Сферы были живые; она догадалась, что видит перед собой споры мыслящей липкой плесени с Ганимеда - Аннет помнила их по учебным видеолентам. Мужчина, конечно, спешил зарыть их во влажную почву: там они должны были с огромной скоростью вырасти. Аннет знала, что в данной стадии споры развивались очень активно, поэтому человек торопился не зря - споры могли погибнуть.

- Вы не успеете зарыть их вовремя, - сказала Аннет, удивившись собственной смелости. Одна

сфера действительно уже потемнела и стала на глазах сжиматься и оседать. - Послушайте. - Она приблизилась к человеку, который продолжал копать землю маленькой лопатой. - Давайте, я помогу вам увлажнить их; у вас есть вода? - Аннет нагнулась к коробке. - Они скоро погибнут. - Кажется, незнакомец тоже понимал это.

- На корабле. В большой цистерне, - бросил он. - Там есть кран, он помечен. - Мужчина вынул почерневшую сферу из коробки и осторожно опустил в яму, потом стал посыпать кусочками влажной почвы, которую предварительно раздавливал пальцами.

Аннет вошла на корабль, где обнаружила кран, затем нашла пустое пластмассовое ведро.

Опуская быстро теряющие форму сферы в ведро с водой, она философски сравнивала их с одуванчиками: те так же быстро созревали, выросли, облетали. Они, вероятно, были счастливы. Им не приходилось слишком долго отстаивать свои права.

- Спасибо, - произнес мужчина, засыпая землей вторую, теперь уже влажную сферу. - Я надеюсь, что мне удастся спасти всех. Споры выросли во время полета, и мне некуда было поместить их. - Разламывая куски чернозема, он быстро, но внимательно взглянул на нее. - Аннет Голдинг.

Сидевшая на корточках около коробки со сферами Аннет вздрогнула:

- Откуда вы знаете мое имя? Я никогда вас не видела.

- Мне приходилось бывать здесь, - загадочно ответил мужчина.

Первая спора уже, очевидно, начала расти: в свете своего фонарика Аннет увидела, что почва в том месте задрожала и вспучилась. "Диаметр сферы резко увеличивается", - поняла она. Это было забавное зрелище, и Аннет рассмеялась.

- Простите меня, - сказала она. - Но все случилось так быстро. Они скоро будут больше нас... И смогут двигаться.

- Не совсем, - серьезно сказал мужчина. - А откуда вы знаете про них?

- Много лет я только и занимаюсь самообразованием, - ответила Аннет. - Я тогда была совсем маленькой, и здесь еще существовал..., для вас, я думаю, лучше назвать его госпиталем... Во всяком случае, я тогда просмотрела много лент по биологии и зоологии. Я помню, что ганимедская плесень, когда вырастает, становится настолько умной, что с ней можно общаться. Это правда?

- Более чем умной. - Человек взял из коробки очередную сферу; она мягко прогибалась и пульсировала в его ладонях, словно живое желе.

- Как удивительно! - воскликнула Аннет. Теперь она радовалась, что дала волю любопытству и вылезла из машины. - Вам это нравится? - Она продолжала наблюдать за быстрыми, но осторожными движениями своего нового знакомого. - Такая теплая ночь, чистый воздух, и тихое хлюпанье, которое издают эти малыши - как лягушата, правда? Какой вы молодец, что не даете им умереть! У вас очень добрая душа. Пожалуйста, скажите, как вас зовут?

Он быстро взглянул на нее.

- Зачем?

- Я хочу запомнить вас.

- Я тоже помню одно имя... - снова загадочно произнес мужчина.

Оставалось "посадить" последнюю сферу. Первая уже увеличилась настолько, что показалась из земли; она превратилась, как увидела Аннет, во множество сфер, сросшихся в единое целое.

- Однако, - продолжал странный человек, - побуждают меня к этому как раз противоположные чувства... - Он не договорил, но она уловила суть. - Меня зовут Чак Риттерсдорф, - добавил он.

- А вы не родственник доктора Риттерсдорф, женщины-психолога с первого земного корабля? Да, наверно, вы ее муж. - Тут же вспомнив Габриэля Бэйнса и его план, Аннет озорно рассмеялась, прикрыв рот рукой. - Ой, если бы вы только знали... Но этого я вам не могу

рассказать.

"Тогда этому человеку придется запоминать и имя Габриэля Бэйнса, - подумала она. Ей было страшно интересно, удалось ли Гэйбу совратить докторшу и, таким образом, умерить ее пыл. Аннет чувствовала, что, независимо от результата, план Бэйнса вряд ли поможет изменить обстановку к лучшему. - Однако Гэйб, вероятно, получил - или получает прямо сейчас - массу удовольствий. Но теперь, когда сюда прибыл господин Риттерсдорф, всему этому, естественно, придет конец".

- А как вас звали, - спросила она, - когда вы были здесь раньше?

Чак Риттерсдорф взглянул на нее.

- Вы думаете, что я изменил свое...

- Вы были кем-то другим, - проговорила Аннет. Иначе просто и быть не могло - она бы помнила его. И смогла бы узнать. Помолчав с минуту, Риттерсдорф сказал:

- Будем считать, что я прилетал на Луну и видел вас, а потом вернулся на Землю; и вот я снова здесь. - Он посмотрел на нее с таким видом, будто она была в чем-то виновата.

Засыпав землей последнюю сферу, Риттерсдорф взял лопату, машинально прихватил картонную коробку и направился к кораблю. Аннет двинулась следом и спросила:

- А что, липкие плесени тоже хотят захватить нашу Луну? - Ей показалось, что это, возможно, входило в коварные захватнические планы Земли. Но Риттерсдорф, казалось, преследовал только какую-то свою, личную цель. К тому же он прибыл совершенно один.

"Полная чушь. И как такая парская мысль могла прийти мне в голову?" - решила она.

- Вы их боитесь? - улыбнулся Риттерсдорф и скрылся внутри корабля. Помедлив, Аннет последовала за ним. На полочке рядом с краном она заметила свой старинный пулевой пистолет - очевидно, она забыла его в спешке, когда набирала воду. Риттерсдорф с интересом повертел в руках диковинное оружие, потом со странной полуулыбкой посмотрел на Аннет:

- Ваш?

- Да... - смущенно пробормотала она и протянула руку, надеясь получить пистолет обратно. Однако Риттерсдорф не двигался.

- Прошу вас, отдайте. Это мое личное оружие; я забыла его здесь, когда набирала воду, вы же знаете.

Он долго и пристально изучал ее лицо. Потом протянул ей пистолет.

- Спасибо. - Аннет ощутила приступ благодарности. - Никогда не забуду вашего поступка.

- Так вы собираетесь спасти свою луну при помощи этого? - Он снова улыбнулся.

"А он довольно симпатичный, - решила Аннет. - Когда улыбается и сбрасывает с себя угрюмую озабоченность. Даже морщины на лбу разглаживаются. У него такие чистые голубые глаза... Да ему не больше тридцати пяти! И улыбается он мило и по-доброму, хотя и в этот момент озабоченность не до конца сходит с его лица. Постоянная угрюмость делает его похожим на нашего Дино Уоттерса. Может быть, он тоже не совсем здоров. Жаль, если это так, ведь депрессия - самая ужасная из всех болезней".

- Не думаю, что нам удастся спасти Луну, - вздохнула она. - Просто с ним спокойнее. Вы ведь знаете, что здесь происходит. Мы...

Какая-то бессвязная мысль вдруг зажила в ее мозгу своей собственной, отрывистой жизнью: "Господин Риттерсдорф... - Мысль потускнела, потом снова усилилась. - ...рошый поступок. Я знаю, что Джоанна..." - Мысль опять исчезла.

- Господи! - закричала Аннет в ужасе. - Что это же такое?

- Это думает липкая плесень. Одна из них. Не знаю, какая именно. - Чак Риттерсдорф облегченно вздохнул, его глаза радостно заблестели, и он громко воскликнул:

- Он помнит, помнит! Он вернулся! Да скажите же что-нибудь, госпожа Голдинг! - Он схватил

ее за руки, потряс, затем закружил в каком-то странном, радостном танце. - Не молчите, Аннет!

- Я рада, - произнесла, наконец, Аннет несколько смущенно, - видеть вас таким счастливым. Вам надо радоваться почаще. Я не понимаю, что произошло, однако... - Она высвободила руки. - Знаю, что вы заслужили эту радость.

За ее спиной что-то зашевелилось. Обернувшись, Аннет увидела, как внутрь корабля вползала желтая студенистая масса, перетекая через порог. "Так вот как они выглядят, - поняла она. - Во взрослом состоянии". Она попятилась, но не от страха, а от неожиданности; у нее перехватило дыхание. Казалось чудом, что существо развилось так быстро.

"Теперь, - вспомнила она, - плесень может оставаться такой неопределенно долго, пока не погибнет от холода, жары или засухи. А перед смертью выбросит споры, и цикл повторится".

Тем временем за первой особью показалась вторая, затем третья.

Изумленный Чак спросил:

- Кто же из вас Смайл Раннинг Клам?

В голове Аннет снова возникли чужие мысли:

"По обычаю, тот из нас, кто разовьется первым, формально принимает на себя индивидуальность родителя. Но в действительности между нами нет никакой разницы. В некотором смысле мы все Смайлы Раннинги Кламы, и в то же время - никто из нас. Я, первый, унаследую его имя, остальные же вольны выбрать себе любое. У меня такое чувство, что мы сможем жить и успешно размножиться на этой луне - атмосфера, влажность и гравитация кажутся мне вполне благоприятными. Вы, господин Риттерсдорф, помогли нам расширить зону обитания, перенесли нас - дайте мне прикинуть - на три световых года от родной планеты. Спасибо вам. - Затем он - или, скорее, они - добавили:

- Боюсь, однако, что ваш корабль сейчас будет атакован. Советую вам как можно скорее взлететь. Именно поэтому те из нас, кто успел вовремя развиться, и зашли внутрь".

- Атакован кем? - спросил Чак, нажимая кнопку закрытия входного люка. Усевшись за пульт, он начал готовить корабль к старту.

- Как нам удалось выяснить, - дошли до Аннет мысли трех липких плесеней, - здесь замешана группа местных жителей, которые в мыслях называют себя манами. Очевидно, им только что удалось взорвать какой-то другой корабль, потому что...

- Боже, - хрипло произнес Чак, - это корабль Мэри.

- Да, - согласилась первая плесень, - я отчетливо слышу, как приближающиеся к нам маны поздравляют друг друга; они чрезвычайно горды тем, что разрушили корабль доктора Риттерсдорф. Однако экипаж корабля спасся; они скрываются где-то поблизости, и маны охотятся за ними.

- А что они думают о земных военных кораблях? - спросил Чак.

- Маны накрыли свое поселение каким-то защитным экраном, и потому в настоящий момент они в безопасности. Но в глубине души маны понимают, что долго не продержатся - агрессивность в их характере длится только определенный период. Но сейчас они очень горды собой и в высшей степени счастливы, наблюдая, как экранированные линейные корабли с Земли беспомощно кружатся вокруг Высот Да Винчи, не в силах ничего предпринять.

"Бедные маны, - подумала Аннет. - Радуются сиюминутным успехам, совершают кратковременные вылазки. Как будто у них есть хоть какой-то шанс..."

Однако разве она сама лучше? Она ведь так легко примирилась с поражением... Неудивительно, что все остальные кланы зависели от манов - они одни обладали смелостью и бесстрашием. Не являлась ли смелость тем единственным, истинным признаком жизненности, о которой она так много думала?

"Все остальные кланы были побеждены уже давно, - поняла Аннет. - Задолго до того, как

появился первый землянин, доктор Мэри Риттерсдорф".

Приближаясь к Гамлет-Гамлету с черепашьей скоростью в семьдесят пять миль в час, Габриэль Бэйнс заметил в ночном небе крошечное, но яркое пламя ракетного выхлопа и понял, что опоздал; понял, даже не имея ясной картины происходящего. Небольшой провидческий талант подсказывал ему, что Аннет находилась внутри корабля или же люди с корабля причинили ей какой-то вред. В любом случае, Аннет уже не было на Луне, и Бэйнс в отчаянии сбросил скорость.

Да, ему уже нечего здесь делать. Нужно вернуться в Адольфвилл, чтобы разделить со своими товарищами по клану эти последние, трагические дни.

Когда Бэйнс стал разворачивать машину, что-то прогрохотало мимо него по направлению к Гамлет-Гамлету. Это было ползущее по земле железное чудовище, изготовленное из закаленного металла, который только мань умели выплавлять из руды. Стальной зверь озарял равнину перед собой мощными прожекторами, на башне развевалось красно-черное знамя - боевой символ манского клана.

Вне всякого сомнения, он наблюдал начало наземной контратаки. Однако против кого именно мань разворачивали боевые действия? Очевидно, не против Гамлет-Гамлета...

"Скорее всего, они пытаются атаковать маленький земной корабль. Но они уже опоздали, так же как и я".

Бэйнс просигналил. Танк, сделав круг, остановился рядом с автомобилем; на башне открылся люк, и показался незнакомый Бэйнсу ман. Ман замахал рукой в знак приветствия, его лицо пылало возбуждением и энтузиазмом.

"С каким рвением он выполняет свой долг по защите Луны! - подумал Бэйнс. - Но они ведь так долго к этому готовились". Ситуация, казавшаяся Бэйнсу безнадежной, действовала на мана противоположным образом: он был рад случаю дать волю своей агрессивности и позерству. Бэйнс не был удивлен.

- Привет! - закричал ман из люка, широко улыбаясь. Бэйнс как можно бодрее поприветствовал его и добавил:

- Корабль-то улетел. Вашим людям не удалось уничтожить его.

- Он от нас не уйдет. - Ман оставался таким же радостным. - Смотри внимательней, приятель. За нашей ракетой. - Он указал вверх.

Через секунду над головой что-то вспыхнуло, посыпались сверкающие точки, и Габриэль Бэйнс понял, что земной корабль подбит. Ман оказался точен. Как всегда... Впрочем, это была характерная черта их клана.

Ужаснувшись - предчувствие подсказывало ему, что Аннет находится внутри корабля, - Бэйнс произнес: "Ах, кровожадные идиоты...", повернул машину вправо, съехал с дороги и запрыгал по полю к упавшему кораблю. Манский танк тронулся следом, наполняя ночь лязгом и скрежетом.

Автомобиль Бэйнса первым приблизился к поврежденному кораблю. Тормозное аварийное устройство в виде гигантского газового облака, вырвавшегося из хвостовой части судна, позволило ему приземлиться более или менее мягко; сейчас корабль лежал, зарывшись носом в почву, и слегка дымился. Это напугало Бэйнса, ведь он хорошо знал, что может произойти, если

ядерный реактор корабля взорвется.

Выпрыгнув из машины, Бэйнс бросился к люку. Не успел он, однако, приблизиться, как люк открылся, и из него, неуверенно озираясь, вылез землянин, за ним Аннет Голдинг; потом из отверстия показалась желтая однородная масса. Она медленно вытекла наружу и шлепнулась на землю, на мгновение сплюсшившись.

- Гэйб, не дайте манам убить этого человека - он очень хороший, - затараторила Аннет. - Он так по-доброму относится к ганимедским плесеням!

Со скрежетом к кораблю подкатил танк; люк открылся и высунулся все тот же ман, однако на этот раз у него в руке был лазерный пистолет. Наставив его на землянина и Аннет, он с ухмылкой проговорил:

- Ага, попались!

Бэйнсу знал: как только солдат насладится своей победой, он убьет их обоих - ненависть манов не имела границ.

- Послушайте! - крикнул Бэйнс, махая ману рукой. - Оставьте этих людей; эта женщина - из Гамлет-Гамлета, она наша.

- Наша? - эхом отозвался ман. - Если она из Гамлет-Гамлета, то она не наша.

- Вы что, - запротестовал Бэйнс, - так увлеклись атакой на землян, что забыли о священном братстве Семи Кланов? Опустите пистолет. - Он медленно двинулся к автомобилю, не спуская с мана глаз. Под сиденьем был спрятан его собственный пистолет. Если ему удастся незаметно достать его, он сможет защитить Аннет. - Я доложу про вас Говарду Строу, - добавил он, открывая дверцу и залезая в машину. - Я его коллега, парский депутат Высшего Совета. - Пальцы нащупали пистолет, он достал его и направил на мана, со щелчком сняв оружие с предохранителя.

Щелчок, ясно прозвучавший в спокойном ночном воздухе, заставил мана повернуться; теперь пистолет в его руке был направлен на Габриэля Бэйнса. Ни Бэйнс, ни ман не стреляли, а молча рассматривали друг друга - темнота, прорезаемая только светом фар, мешала каждому видеть, что хочет противник.

Внезапно в голове Бэйнса проскочила мысль откуда взявшаяся мысль: "Господин Риттерсдорф, ваша жена где-то поблизости. Я ощущаю деятельность ее головного мозга, поэтому посоветовал бы вам немедленно лечь на землю".

Землянин, а вместе с ним и Аннет сразу упали, вжавшись в почву; ман на танке вздрогнул и отвел пистолет в сторону, настороженно вглядываясь в ночь.

В то же мгновение темноту прочертил тонкий луч лазера; пройдя над головой землянина, он уперся в металлический корпус поврежденного корабля. Ман подпрыгнул, чуть было не скатившись с танка, и инстинктивно сжал пистолет в руке, однако не стрелял. Ни он, ни Бэйнс не понимали, что происходит. Кто в кого стрелял?

Бэйнс крикнул Аннет:

- Быстро в машину!

Он открыл дверцу, Аннет подняла голову и посмотрела на него, затем обернулась к лежавшему рядом землянину. Они обменялись взглядами, и, не говоря ни слова, оба бросились к автомобилю.

Тем временем ман начал стрелять, но не в землянина и Аннет, а куда-то в темноту, в ту сторону, откуда сверкнул луч лазера. Затем он скрылся в танке, захлопнув крышку люка; танк дернулся и заскрежетал вперед, куда только что стрелял ман. Затем из орудия вырвалась ракета; она полетела параллельно поверхности поля и вдруг неожиданно сдетонировала. Бэйнс, который пытался развернуть машину, и находившиеся на заднем сиденье Аннет с землянином почувствовали, как равнина взорвалась и подпрыгнула.

Бэйнс зажмурился, землянин выругался, Аннет в ужасе застонала.

- Разве можно применять подобные ракеты на таком близком расстоянии?! - донесся до Бэйнса откуда-то издали голос землянина.

"Чертовы... МАНЫ!" - с яростью подумал Бэйнс, когда машина грохнулась о землю и начала перекашиваться через крышу. Он бился о панели безопасности под крышей, на полу, у приборного щитка - сработали все мыслимые системы защиты, которыми только мудрый пар был способен оснастить свой автомобиль, но этого было явно недостаточно. Машина продолжала кувыряться, и Бэйнс сказал себе: "Как я ненавижу манов! Никогда больше не буду пытаться сотрудничать с ними".

Кто-то столкнулся с ним при очередном ударе и сказал: "Господи!" Это была Аннет Голдинг; Бэйнс схватил ее и прижал к себе. Все окна автомобиля давно выбило взрывной волной, и кусочки пластика врезались в тело; кроме того, Бэйнс ощущал запах гари - что-то воспламенилось, возможно, даже его одежда. Внезапно множество расположенных в кабине сопел выплюнули из себя огромное количество пены - от повышения температуры сработала система пожаротушения; через мгновение Бэйнс уже барахтался в море белой пены, не в силах что-либо удержать, за что-либо ухватиться... Он снова потерял Аннет. "Черт побери, - подумал Бэйнс, - эти защитные устройства стоили мне уйму сил и денег... Но они гораздо хуже, чем сам взрыв. Какая же отсюда следует мораль? - спрашивал он себя, пытаясь очистить лицо и глаза от осклизлого, жгучего вещества. - Меня как будто окунули в мыльный чан, чтобы потом сбрызнуть все волосы с тела для какой-нибудь хирургической операции.."

- На помощь, - слабо позвал он. Никто не ответил; все оставалось по-прежнему. "Взорву этот танк к чертовой матери, - с яростью думал Габриэль Бэйнс, продолжая барахтаться, - теперь я займусь нашим настоящим врагом, этими высокомерными манами... Всегда знал, что они против нас".

"Вы ошибаетесь, господин Бэйнс, - возникла в его мозгу чья-то спокойная, ясная мысль. - Солдат, который выпустил ракету из танка, не хотел причинить вам вреда. Перед запуском он все тщательно рассчитал - во всяком случае, он так думает. Вам не следует искать злой умысел в случайной небрежности. Потому что в данную минуту он пытается вытащить вас из горящего автомобиля, а также спасти остальных".

"Если вы способны слышать мои мысли, - активно подумал Бэйнс, - то помогите мне".

"К сожалению, ничем не могу помочь вам, я всего лишь липкая плесень, и мне ни при каких обстоятельствах нельзя приближаться к огню. Высокая температура смертельно опасна для меня, что наглядно демонстрируют недавние события - двое моих братьев уже погибли, пытаюсь вам помочь. А я еще не окончательно созрел для того, чтобы выбрасывать споры. - Затем он задумчиво добавил:

- Если б мог, я бы попытался спасти в первую очередь господина Риттерсдорфа - того человека, который находится в машине рядом с вами, землянина..."

Чья-то крепкая рука схватила Бэйнса за воротник, вытащила из машины и швырнула в сторону, подальше от огня. Маны всегда гордились своей большой физической силой - на этот раз она оказалась весьма кстати. Танкист снова бросился к пылающему автомобилю и таким же способом выудил из него Аннет.

"Спасите господина Риттерсдорфа!" - донесся до Бэйнса отчаянный призыв липкой плесени.

В третий раз, с присущим ему полным пренебрежением к собственной безопасности и сверхактивным темпераментом, ман скрылся в пламени. Через секунду он появился, волоча за собой землянина.

- Спасибо вам, - с благодарностью отозвалась плесень. - В обмен на ваш мужественный поступок я сообщу весьма полезную информацию: выпущенная вами ракета не задела доктора

Риттерсдорф. Сейчас она вместе с симулякрумом ЦРУ, господином Мэйджбумом, скрывается где-то рядом в темноте. Они стараются улучшить момент, чтобы снова стрелять в вас. Мне кажется, вам стоит поскорее вернуться в танк.

- Почему в меня? - раздраженно спросил ман.

- Ваш клан разрушил их корабль - я ощущаю ярко выраженную враждебность, которая витает между ними и вами. Поспешите!

Ман со всех ног бросился к танку.

Но добежать не успел - из темноты на мгновение сверкнул лазерный луч, и ман упал лицом вниз.

"Итак, она здесь, - с ужасом понял Бэйнс, прекратив стряхивать с себя пену. - Если она узнает меня, то захочет ли оставить в живых? Наверяд ли... А может быть, ей придет в голову что-нибудь пострашнее?"

Рядом с ним зашевелился землянин, которого, по какой-то странной случайности, тоже звали Риттерсдорфом. Землянин с трудом поднялся на ноги и сказал:

- У вас был пистолет. Где он?

- Остался в машине. Наверно...

- Почему она охотится за нами? - простонала Аннет.

- Она знает, зачем я прилетел, - сказал Риттерсдорф. - Я хочу убить ее. - Он казался совершенно спокойным. - На рассвете один из нас будет мертв. Она или я. - Было ясно, что он давно так решил.

В небе раздался рев и засиял ракетный выхлоп. Бэйнс понял, что неподалеку приземлялось какое-то большое межзвездное судно. В нем проснулась надежда. "Может быть, теперь мы сумеем обезопасить себя от сумасшедшей докторши. Даже если это земной корабль. Совершенно ясно, что доктор Риттерсдорф действует без каких-либо официальных санкций, сообразуясь только со своей дикой, необузданной натурой".

Яркая вспышка озарила небо над головой, и ночь сразу сделалась белой; каждый предмет, вплоть до мельчайшего камня, стал резко очерченным, отбросив черную тень: поврежденный корабль, танк погибшего мана, сам распростертый на земле ман и пылающий автомобиль Бэйна; была видна даже гигантская оплавленная воронка, которая образовалась после взрыва ракеты в сотне метров от них. И невдалеке справа, за деревьями, две человеческие фигуры. Мэри Риттерсдорф со своим непонятным спутником, о котором сообщила плесень. Теперь Бэйнс увидел и саму плесень - она нашла убежище за разбитым кораблем. В ярком пламени ракетного выхлопа пейзаж был похож на преисподнюю - Бэйнс чуть было не закричал от ужаса.

- Военный корабль с Земли? - пробормотала Аннет.

- Нет, - отозвался Риттерсдорф. - Видите на нем эмблему в виде кролика?

- Кролик! - Глаза Аннет расширились. - Разумная кроличья раса? Такое бывает?

- Нет, это некто иной, как Банни Хентмэн, - зазвучали в голове Бэйна мысли липкой плесени. -

Он ищет вас, господин Риттерсдорф; он сразу же догадался - как вы мрачно предполагали, - что вы будете скрываться здесь, на Альфе III M2. Хентмэн покинул Брэйх-сити вскоре после вашего отлета с Земли. - Затем плесень пояснила:

- Естественно, все это я только что узнал из мыслей господина Хентмэна. Знать об этом раньше я не мог, так как пребывал всего лишь в стадии споры.

"Ничего не понимаю, - думал Бэйнс. - Кто такой, черт возьми, Банни Хентмэн? Кроличий бог «Банни» по-английски значит "кролик", "лапушка". - Прим, перев.»? И зачем он ищет Риттерсдорфа?" - Бэйнс даже, в сущности, не знал, кто был Риттерсдорф и кем он приходился доктору Мэри Риттерсдорф. Мужем? Братом? Все перемешалось в голове Бэйна; ему захотелось очутиться в Адольфвилле, за мощными укреплениями, которые за долгие годы

создал его клан на случай вот таких переделок.

"Мы обречены, - решил Бэйнс. - Все объединились против нас - маны, докторша, толстый корабль с кроличьим божеством на борту, земные военные корабли... Надеяться не на что". Волна безнадежности захлестнула Бэйнса, к горлу подступил комок.

Нагнувшись к Аннет, которая все еще пыталась стряхнуть с себя пену, он произнес:

- Прощайте.

Аннет посмотрела на него большими темными глазами и спросила:

- Куда вы, Гэйб?

- Какое это, к дьяволу, имеет значение?

"Здесь, у горящего автомобиля, - думал он, - мы как на ладони, и нет никакой надежды. Того и гляди, докторша опять начнет стрелять, ведь она уже убила манского солдата".

Бэйнс тяжело поднялся на ноги и отряхнулся, словно мокрый пес.

- Я ухожу, - сообщил он Аннет, и ему сразу стало жалко ее. Им овладела печаль; ему даже на мгновение показалось, что собственная смерть не так уж важна, лишь бы она...

- Мне бы очень хотелось что-нибудь сделать для вас, - участливо проговорил Бэйнс. - Но эта женщина просто безумна, я это знал с самого начала.

Аннет задумчиво кивнула:

- Значит, все прошло не так гладко, как вы предполагали... - Она осеклась и с опаской взглянула на Риттерсдорфа.

- "Гладко", говорите? - Бэйнс рассмеялся: забавнее фразы не придумаешь. - Когда-нибудь напомните мне об этом - я попытаюсь рассказать, что произошло. - Нагнувшись, он поцеловал девушку в мокрую щеку и снова почувствовал химический привкус пены, затем подтянул набрякшие водой брюки и заковылял прочь, подальше от освещенного места.

Он брел медленно, полузакрыв глаза, и напряженно ждал раскаленного прикосновения лазерного луча. "Почему она не стреляет?" Выстрел был неизбежен, как рок; он даже страстно желал, чтобы это случилось сейчас, поскорее.

"Принять смерть от рук этой женщины - какая ирония судьбы! Поистине заслуженная участь для пара..."

Кто-то преградил ему дорогу. Он раскрыл глаза и увидел три фигуры, показавшиеся ему знакомыми. Перед ним стояли Сара Апостлс, Омар Даймонд и Игнатий Ледебур - трое провидцев, или, как подумал Бэйнс, трое самых больших пройдох на Луне. Какого черта им здесь нужно? Прилетели? Телепортировались? Вид святой троицы не вызвал у Бэйнса ничего, кроме раздражения - их еще здесь не хватало!

- Зло борется со злом, - изрек Ледебур. - Но, несмотря ни на что, наши друзья должны быть защищены. Верь нам, Габриэль. Скоро твоя душа будет пребывать в покое и безопасности. - Он протянул Бэйнсу руку; на его лице отражалась благодать.

- Со мной все нормально, - сказал Бэйнс. - Помогите лучше Аннет. - Он вдруг понял, что тяжкая парская ноша, которая постоянно давила на него - забота о собственной безопасности, - куда-то улетучилась. Впервые в жизни он по-настоящему беспокоился за кого-то другого.

- Ее тоже спасут, - уверила его Сара Апостлс, - те же силы. В небе продолжал реветь и изрыгать пламя большой космический корабль с эмблемой кролика; он медленно опускался.

Глава 12

Лежавший за кустами рядом с Мэри молодой сотрудник ЦРУ Даниэль Мэйджбум воскликнул:

- Вы слышали, что сообщила липкая плесень? На корабле находится Банни Хентмэн,

телекомик, которого наши люди уже дважды пытались арестовать. - Он возбужденно начал ощупывать воротник комбинезона в поисках микрофона от мини-передатчика, с помощью которого он поддерживал связь с ближайшим военным кораблем.

- Я слышала, что плесень, кроме того, называла вас не человеком, а симулакрумом, - заметила Мэри.

- Человеком, хрендвеком, - в сердцах произнес Мэйджбум. - Какая разница? - Нащупав микрофон, он стал передавать сообщение, не смущаясь ее присутствием:

- Банни Хентмэн наконец-то обнаружен!

"Хороший источник информации, - подумала Мэри, - нашептывания ганимедской слизи".

Доверчивость Центрального Разведывательного Управления поражала ее. Однако Хентмэн, скорее всего, действительно был на корабле - Мэри заметила знакомую миллионам телезрителей эмблему в виде кролика.

Ей вспомнился безобразный случай в нью-йоркском офисе Хентмэна, куда она пришла просить работу для Чака. Она никогда не забудет, как комик напрямую, цинично предлагал ей лечь с ним в постель...

"Секретный протокол - кажется, он так это называл... Подлец!" - с отвращением вспомнила она, наблюдая за посадкой шарообразного, похожего на футбольный мяч космического корабля.

- Я получил приказ, - внезапно проговорил Мэйджбум, - идти к кораблю и арестовать Хентмэна. - Мэри изумилась и не успела даже произнести ни слова, как молодой агент вскочил на ноги и спортивной трусцой побежал к приземлившемуся межзвездному судну.

"Стоит ли мне отпускать его? - спрашивала она себя. - А почему бы и нет, в конце концов?" Мэри опустила лазерный пистолет. Она ничего не имела против Мэйджбума, человека или симулакрума. Его деятельность казалась ей такой же бессмысленной и бесполезной, как и занятия других сотрудников ЦРУ, включая бывшего мужа.

"Чак".

Внимание Мэри снова переключилось на некогда близкого ей человека, который скрывался рядом с горящим автомобилем вместе с Аннет Голдинг.

"Долгий же путь ты проделал, дорогой муженек, чтобы отомстить мне, - подумала Мэри. - Но хватит ли у тебя силенок? Ты, как я вижу, уже нашел себе новую женщину - поздравляю! Мне страшно интересно, как ты будешь наслаждаться любовью с полиморфной шизофреничкой".

Она прицелилась и нажала на спуск.

Яркая вспышка на мгновение ослепила ее, затем стало совсем темно. Она не вполне понимала, что произошло. Почему исчезло сияние в небе? Мэри не сразу сообразила, что корабль приземлился, заглушив двигатели, и теперь не в интересах Хентмэна было выдавать свое местонахождение прожекторами.

У Мэри не было уверенности в том, что ей удалось поразить Чака.

"А пошел он... - раздраженно подумала она. - Сволочь".

Постепенно ее начал охватывать страх.

"А если он убьет меня? Он же прилетел именно за этим!"

То, что так долго и настойчиво подсказывало ей профессиональное чутье, наконец предстало перед ней с ужасающей ясностью.

"Его присутствие здесь, на Альфе III M2, ничего другого и не может означать... Теперь мне ясно, почему этот симулакрум, Даниэль Мэйджбум, так странно вел себя во время полета и в первые дни после прибытия. Им управлял Чак! Почему он тогда же не исполнил своего намерения? Чего он ждал? Во всяком случае, сейчас Мэйджбума опасаться нечего, он явно действует в обычной дурацкой манере Центрального Разведывательного Управления.

Надо бежать отсюда, - решила наконец Мэри. - Но куда? Линейные корабли не могут сесть, их

экранировали эти лунатики и маньяки... Мэйджбум ушел, и у меня теперь даже нет связи..."

Ей вдруг очень захотелось очутиться на Земле, у себя дома в Марин Каунти.

"Каким кошмаром обернулся благородный" проект ТЕРПЛАНа! Мы все просто обезумели здесь... Откуда весь этот ужас? Почему мы с Чаком охотимся друг за другом, словно дикие звери? Мне казалось, что нам удалось нормально расстаться... Разве суд не поставил на этом точку?"

Мэри задумалась.

"Зря я все-таки попросила своего адвоката Боба Альфсона заснять Чака с той девицей, Джоанной Триест. Поэтому он и решил убить меня... Но снимки уже существуют, я предъявляла их в суде как вещественное доказательство. Теперь они уже в архиве, и любой желающий может удовлетворить свое нездоровое любопытство - поднять дело и насладиться постельными сценами... Что сделано, то сделано; слишком поздно, мой дорогой..."

Ощущение безысходности снова завладело ей: она одна, только она во всем виновата...

"Чак, я не могу так больше, я хочу сдаться, разорвать этот порочный круг, выбраться отсюда! Не лучше ли нам попытаться снова стать..., друзьями?"

Она знала, что надеяться не на что.

Тем временем на горизонте появилось какое-то странное свечение. Мэри не могла отвести от него взгляда, пораженная его величиной. Это не были всполохи лазерной битвы; свечение не напоминало также какое-либо атмосферное явление. Казалось, она видит некую живую, светящуюся субстанцию. Свечение разгоралось, звезды в той части неба потускнели и стали едва различимыми. Когда, наконец, свечение приняло форму гигантской огненной ящерицы, Мэри начала понимать его природу.

"Да ведь это не что иное, как шизофреническая проекция так называемых видений первобытного мира", которые иногда испытывают прогрессирующие шизофреники и гебефреники. Но неужели за годы изоляции здесь, на Альфы III M2, этим людям удалось зайти столь далеко и сделать свои видения реальными для посторонних? - думала она. - Может ли шизофреник - или, скорее, группа шизофреников - так скоординировать свое психическое восприятие с пси- или предсказательной способностью? Идея на грани сверхъестественной, - нервно решила Мэри, надеясь, что разгадка крылась в чем-то другом. Потому что подобная комбинация вполне могла завершиться летальным исходом. - Однако неизвестно, что произошло с больными за четверть века полной бесконтрольности..."

Ей сразу пришел на ум Игнатий Ледебур - гебефреник, которого она видела в Гандитауне. Возможно, его не зря называют святым... Она вдруг почувствовала, помимо отвращения к немытому святому, нечто, весьма схожее с уважением - подобные способности действительно могли паразитить кого угодно. Как и почему это происходит? Мэри не могла ответить на этот вопрос, и оттого ее уважение к гебскому святому усилилось.

Тем временем огненная ящерица, которая явно не являлась плодом ее воображения, увеличилась в размерах, вытянула шею и раскрыла пасть, исторгнув из себя напоминающий комету огненный шар. Освещая небо, шар стал медленно подниматься, будто влекомый восходящими потоками воздуха. Мэри облегченно вздохнула: по крайней мере, шар не опускался. Зрелище настолько захватило ее, что она позабыла обо всем остальном. Картина в чем-то напоминала ее собственные сны, которые иногда тревожили ее по ночам. Мэри старалась не вспоминать об этих снах, не говоря уже о том, чтобы обсуждать их с кем-либо. Даже с коллегами-психиатрами. Боже упаси.

Огненный шар замер в вышине и начал расползаться на отдельные сверкающие потоки. Затем огненные полосы стали медленно опускаться и, к изумлению Мэри, превратились в гигантские буквы, будто выведенные в небе чьей-то мощной рукой. Буквы сложились в слова, и Мэри

ужаснулась, так как слова обращались непосредственно к ней. Огненная надпись гласила:

ДОКТОР РИТТЕРСДОРФ
ПРЕКРАТИТЕ КРОВОПРОЛИТИЕ
И МЫ ПОЗВОЛИМ ВАМ
ПОКИНУТЬ НАС

Ниже помещалась подпись из букв меньших размеров:
СВЯТОЙ ТРИУМВИРАТ

"Да они все с ума посходили - раздраженно подумала Мэри, с трудом сдерживая истерический смех. - Я не хочу никакого кровопролития, это Чак вознамерился убить меня. Зачем они обращаются ко мне? При чем здесь я? Если уж они такие провидцы, то почему не могут понять столь очевидных вещей? Но..., я все-таки стреляла в Чака, а перед этим убила манского солдата. Возможно, мои намерения не кажутся им столь безобидными..."

Между тем в небе засияли новые слова:

ПРОСИМ ВАС ОТВЕТИТЬ
ПРОСИМ ВАС ОТВЕТИТЬ

"Боже! - Мэри охватило отчаяние. - Но каким же образом? Я еще не настолько сдвинулась, чтобы писать в небе огненные буквы! Я не триумвират святых психов! Ужас, бред какой-то. Даже если бы я и сумела как-то ответить, это означало бы, что я виновна, что несу какую-то ответственность за злобу и ненависть, которая сложилась между мной и Чаком. Но я же здесь совершенно ни при чем, он сам во всем виноват".

Вблизи засверкали всполохи лазерной перестрелки - очевидно, симулакрум Дэн Мэйджбум пошел в атаку на корабль Хентмэна.

"Сможет ли он хоть чего-то добиться? - отрешенно подумала Мэри. - Наверяд ли". Она слишком хорошо знала манеру ЦРУ, но все же мысленно пожелала Дэну удачи.

Затем Мэри некоторое время тупо соображала: способен ли Святой Триумвират повлиять также и на Дэна Мэйджбума? Дэн явно может пригодиться в дальнейшем, ведь он в одиночку борется с целым кораблем. Какая нечеловеческая настойчивость! Он, вероятно, и в самом деле симулакрум, но, во всяком случае, его нельзя обвинить в трусости.

"А все остальные? - подумала она. - Куда мы годимся?"

Чак, его новая подруга, липкая плесень, я сама и даже манский солдат, который бросился искать спасения за броней танка, - все мы боимся, дрожим за свою шкуру. Нами руководит простой животный инстинкт самосохранения, ничего более. Один только Дэн, пусть даже и симулакрум, способен к активным действиям. Даже если задача абсолютно безнадежная - в одиночку захватить корабль".

В небе засверкали новые гигантские буквы. И, слава богу, на этот раз они не обращались непосредственно к ней - она избежала унижения именоваться главной причиной зла.

СМЕНИТЕ ГНЕВ НА МИЛОСТЬ И ВОЗЛЮБИТЕ ДРУГ ДРУГА "Хорошо, - подумала Мэри Риттерсдорф, - я начну первая: итак, я люблю своего бывшего мужа Чака, который прилетел сюда, чтобы убить меня. Но что это даст?"

Сверкание красноватых лазерных лучей около корабля Хентмэна усилилось настолько, что у Мэри зарябило в глазах. Очевидно, робот все же не последовал мудрому совету и продолжал храбро сражаться. Первый раз в жизни Мэри искренне восхищалась кем-то.

Откуда- то из темноты зазвучали мысли липкой плесени:

- Я только что услышала крайне не правильную трактовку недавних событий, господин Риттерсдорф. Из мыслей, исходящих с корабля, я сделал вывод, что Хентмэн и его окружение - в особенности несколько альфанцев - считают, что вы находитесь в центре заговора, направленного против них. - Плесень затихла на минуту, затем добавила:

- Они спускают челнок.

- Зачем? - спросил Чак, ощутив гулкие удары собственного сердца.

- При свете ракетного выхлопа в момент посадки они сделали несколько снимков, на которых обнаружилось ваше присутствие. Челнок скоро появится, вас захватят - это неизбежно.

Поднявшись на ноги, Чак сказал Аннет Голдинг:

- Попытаюсь уйти. А вы оставайтесь здесь. Вас они не тронут.

Он побежал прочь, не разбирая дороги, - в темноту, подальше от освещенного места. Ноги вязли в мягкой пашне, он задыхался. Внезапно за его спиной что-то засверкало. Обернувшись, Чак открыл странный феномен: красноватые вспышки лазерных лучей около приземлившегося корабля слились в одно целое, образовав светящуюся полосу. Какой-то человек - или группа людей - пошли в решительную атаку на межзвездное судно, как только у того открылся люк.

"Кто же это такой? - удивился Чак. - Мэри? Не похоже. Люди одного из здешних кланов? Маны? Не слишком ли много они на себя берут? Экранировали большие военные корабли, а теперь охотятся за всеми остальными? Но почему только ручным оружием? Ракеты кончились? Это больше напоминает манеру ЦРУ... Мэйджбум, - догадался он. - Симулакрум получил приказ арестовать Хентмэна. И, будучи машиной, взялся за дело, не раздумывая".

Внезапно новые, странные мысли пришли ему на ум, и Чак невольно замедлил бег.

"Что же получается? - задумался он. - Маны воюют против землян; Мэйджбум, представитель ЦРУ, атакует корабль Хентмэна, а моя бывшая супруга пытается убить меня. Хентмэн - мой враг. Что отсюда вытекает, если рассуждать логически? Этот сложный расклад явно нужно упростить... Итак, если маны воюют с землянами, а Хентмэн делает то же самое, значит, они союзники. Ладно. Но Хентмэн является моим врагом, выходит я..., не кто иной, как враг землян, и в то же время их союзник..."

Мэри воюет со мной, а я воюю с Хентмэном, следовательно, Мэри союзник Хентмэна и, значит, враг землян. Но она как раз-таки возглавляет операцию добросердечных земных психологов по наведению здесь порядка, то есть она земной представитель. Выходит, Мэри одновременно враг и союзник землян... Нет, никакого разумного вывода не получается - в этой борьбе слишком много участников, которые преследуют свои собственные цели".

Чак споткнулся и чуть не свалился в грязь, после чего его мысли потекли в нужном направлении - он начал осмысливать собственное непростое положение. Итак, если он спасается от Хентмэна, союзника альфанцев и врага землян, значит, как ни крути, он все-таки союзник землян, даже если и не вполне осознает этого. Теперь, если не принимать во внимание действия Мэри - которые, вне всякого сомнения, не санкционированы Землей, - ситуация несколько проясняется. Да, именно так. Нужно искать убежища на земном военном корабле.

"Однако кланы сейчас как раз воюют против земных кораблей, - вдруг вспомнил он, - и если я, рассуждая логически, друг землян, значит, я против кланов, против Аннет Голдинг?"

В этот момент Чак заметил под ногами собственную тень. В небе что-то светилось.

Еще один корабль?

Чак обернулся и увидел гигантские огненные буквы - обращение к доктору Мэри Риттерсдорф.

ПРЕКРАТИТЕ КРОВОПРОЛИТИЕ, - провозглашалось в небе, - И МЫ ПОЗВОЛИМ ВАМ ПОКИНУТЬ НАС.

"Не что иное, как идиотский призыв сумасшедших психов. Скорее всего, этих опустившихся, из Гандитауна. Мэри, естественно, пошлет их подальше... Итак, кланы считают ее своим

главным врагом. А я, значит, тоже враг кланов. Так за кого же я?"

Чака охватило тупое безразличие. Он снова бросился бежать. Древний лозунг "враг моего врага - мой друг" здесь ни к черту не годился.

Над головой что-то зажужжало и раздался усиленный динамиком голос:

- Риттерсдорф, остановись! Иначе будешь мертв. Над полем висел ракетный челнок. Липкая плесень оказалась права - они таки обнаружили его.

Чак остановился, тяжело дыша. Челнок снизился до высоты трех метров, из него со стуком опустилась складная лестница и голос произнес:

- Поднимайся, Риттерсдорф. Не вздумай валять дурака. Быстрее!

В темноте, озаряемой только горящими буквами, металлическая лестница блестела, словно путь в рай.

Чак нехотя ухватился за нее и с тяжелым сердцем, приготовившись к самому худшему, стал подниматься. Через минуту он вступил в тесную рубку челнока, где его встретили двое возбужденных землян с лазерными пистолетами в руках.

"Вот они, платные друзья Банни", - подумал Чак. Одним из "друзей" был не кто иной, как Джерри Фелд.

Челнок на полной скорости помчался обратно к кораблю.

- Мы спасли вас от смерти, Риттерсдорф, - заметил Фелд. - Ваша бывшая жена наверняка продырявила бы вас. Мы видели, как она стреляла в вашу сторону.

- Ну и?... - резко спросил Чак.

- Все к лучшему, мой дорогой. Не дурите - Бан хочет поговорить с вами. Не раздражайте его понапрасну, ему и так досталось.

Челнок достиг корабля; на шарообразной поверхности раскрылся проем, челнок медленно влетел в него и под воздействием собственного веса - скатился по наклонной трубе внутрь межзвездного судна.

Чак выбрался из тесной кабины и увидел Хентмэна, который с озабоченным видом прикладывал большой носовой платок к красному, покрытому испариной лбу.

- Какой-то лунатик атакует нас, - недовольно произнес комик. Судно заметно вибрировало. - Чувствуете? Судя по тому, что он затеял, у него явно не все дома: он пользуется только ручным оружием. - Хентмэн взял Чака под руку. - Пойдемте со мной, Риттерсдорф. Мне нужно серьезно поговорить с вами. В последнее время мы слегка перестали понимать друг друга, верно?

Комик направился по узкому коридору, Чак молча последовал за ним. Никто не подталкивал его в спину пистолетом, но Чак все равно чувствовал себя пленником.

Впереди коридор пересекла обнаженная по пояс девушка - на ней были только шорты, - которая задумчиво курила сигарету. Ее облик показался Чаку знакомым. Когда девушка скрылась в проеме двери, Чак вспомнил.

"Патриция Вивер! Хентмэн оказался весьма прозорлив - успел-таки прихватить с Земли одну из своих многочисленных любовниц".

- Сюда. - Комик открыл дверь и пропустил Чака в небольшую, почти пустую каюту. Заперев дверь изнутри, Хентмэн молча заходил взад и вперед, погруженный в собственные мысли. Пршла минута другая. Корабль продолжал содрогаться. Свет в каюте резко потускнел, затем снова пришел в норму. Комик взглянул на потолок, постоял с минуту, потом возобновил свой молчаливый променад.

- Риттерсдорф, - наконец проговорил он. - У меня нет выбора, я вынужден... В дверь постучали.

- Да! - крикнул Хентмэн и открыл задвижку. - А, это ты... На пороге стояла Патриция Вивер в накинутой на плечи рубашке.

- Я хотела извиниться перед господином Риттерсдорфом за...

- Отстань, - сказал Хентмэн и захлопнул дверь у нее перед носом. Потом внимательно посмотрел на Чака и проговорил:

- Мне придется эмигрировать в Альфанскую империю. - На лбу комика снова выступили большие капли пота, но Хентмэн не обращал на них внимания. - Что вы на это скажете, Риттерсдорф? Считаете, что я совершаю предательство? Но моя блестящая телевизионная карьера похоронена этим чертовым ЦРУ... На Земле мне больше делать нечего. Если бы я смог...

- Грудь у нее - что надо, - заметил Чак.

- У кого? У Патти? Да, конечно. - Хентмэн кивнул. - Сейчас искусственное увеличение груди - повальное увлечение молодых девушек, особенно в Голливуде. Жаль, что не удалось использовать ее грудь в новом сериале - он пошел прахом, как и все остальное... Да, еле ноги унес из Брэйх-сити. Хорошо, что меня вовремя предупредили.

Хентмэн взглянул на Чака с неммым укором.

- Альфанцы примут меня к себе только в том случае, если я помогу им вернуть Альфу III M2. - Хентмэн вопросительно посмотрел на Чака. Теперь он выглядел подавленным и усталым, словно с похмелья. - Что вы скажете по этому поводу? А, Риттерсдорф? Чак молчал.

- Это и весь ваш комментарий?

- Если вы думаете, что я все еще смогу как-то повлиять на Мэри и заставить ее сообщить на Землю...

- Нет, - покачал головой Хентмэн. - Это исключено. Мы наблюдали, как вы охотились друг за другом, словно истинные обитатели этой луны. - Он немного оживился. - Вы убили моего шурина Шеригана, теперь горите желанием прикончить свою жену... Что за жизнь вы ведете, скажите на милость? Никогда не видел ничего подобного. И в довершение всего вы раскрыли мое местонахождение ЦРУ... Не ожидал от вас такого, мой дорогой.

- Спиритус Сантус покинул нас, - сказал Чак.

- Что? Какой статус? - Хентмэн наморщил нос.

- Здесь идет война. Это многое объясняет. - Чак вздохнул. Ему было трудно найти общий язык даже с самим собой, не то что с Хентмэном.

- Слушайте, а что за пышнотелая девица лежала рядом с вами? - спросил комик. - В тот момент, когда ваша бывшая половина стреляла в вас? Она ведь из здешних, не так ли? - Хентмэн бросил за Чака проницательный взгляд.

- Да. - Чаку стала надоедать игривая манера Хентмэна изъясняться.

- А через нее нельзя связаться с местной властью? С Верховным Советом или как там его?

- Можно.

- Вот именно это мы и должны сделать, - заявил комик, - не взирая ни на какой этот ваш статус. Совет должен собраться и выслушать Ваше предложение. - Хентмэн стал очень серьезным. - Скажите им, чтобы они попросили альфанцев защитить их от землян. Они должны разрешить альфанцам высадиться и оккупировать луну. Тогда Альфа III M2 станет альфанской территорией на законном основании, согласно этому чертовому протоколу. Я не очень помню его содержание, но это не важно. А взамен... - Немигающие глаза комика с вызовом смотрели на Чака. - А взамен альфанцы гарантируют кланам соблюдение всех гражданских прав. Никакой госпитализации. Никакого принудительного лечения. Вы не будете считаться недоумками, вы станете полноправными поселенцами луны: владеть землей, производить товары, заниматься коммерцией - чем угодно.

- Не надо говорить "вы", - сказал Чак. - Я не член местного клана.

- Как вы считаете, Риттерсдорф, они должны согласиться?

- Я..., не берусь судить за них.

- Но вы должны разбираться в ситуации. Вы же были здесь раньше в образе симулакрума, наш человек из ЦРУ подробно докладывал о каждом вашем шаге.

Итак, он оказался прав: в ЦРУ действительно работал человек Хентмэна. Удивляться, однако, было особенно нечему - даже с точки зрения симметрии, у осведомителя в команде Хентмэна должен был существовать "коллега" в ЦРУ.

- Не смотрите на меня так, Риттерсдорф. В моем штабе кто-то тоже ведь работает на ЦРУ, не забывайте об этом. Но я, черт возьми, никак не могу выяснить, кто именно. Иногда мне кажется, что это Джерри Фелд, иногда - что Дак. Ладно. Во всяком случае, когда наш человек в ЦРУ сообщил, что вас отстранили от работы, мы не стали больше тратить на вас время - нас интересовало лишь то, что вы управляли симулакрумом, находящимся здесь, на Альфы III M2.

- А ЦРУ через своего агента в вашей организации...

- Да, в ЦРУ пронюхали, что я вас выгнал, и сразу пришли за мной, как вы знаете из газет. Но я-то уже знал, что мышеловка должна захлопнуться, - и мне удалось уйти. Осведомитель из моего штаба, естественно, был в курсе того, что я покинул Землю, но он не мог догадаться, где именно я скрывался. Об этом знали только Шериган и Фелд... Может быть, я так никогда и не узнаю, кто из моих работает на ЦРУ, - философски добавил Хентмэн. - Хотя теперь это уже не имеет значения. Я сохранял в тайне все мои дела с альфанцами, потому что с самого начала опасался, что мне подкинут стукача. - Он покачал головой. - Не жизнь, а сплошной бардак!

- Так кто же в ЦРУ работает на вас? - спросил Чак.

- Джек Элвуд. - Хентмэн обескураживающе, широко улыбнулся, заметив реакцию Чака. - А как вы думаете, мой дорогой, почему Элвуд вот так, запросто, предоставил вам новенький межзвездный перехватчик? Я велел ему сделать это. Вы мне нужны здесь, Риттерсдорф. Вспомните, как Элвуд уговаривал вас заняться управлением Мэйджбума? Это была моя стратегия. С самого начала, мой дорогой. Вот так-то. Ну ладно, расскажите, что вы знаете об этих кланах и чего они вообще хотят?

Чак задумчиво посмотрел на комика.

"Теперь мне ясно, откуда Хентмэн и его авторы взяли свой телесценарий. Они ведь все прекрасно знали. А Элвуд был козырной картой в их колоде... Однако здесь есть одна странность. Да, Элвуд сообщил Хентмэну о существовании Мэйджбума, о том, кто им будет управлять и чем будет заниматься симулакрум. Но Элвуд не мог знать остального".

- Да, получается, что я вроде как был здесь раньше, - сказал Чак. - Но я видел только поселение гебов, по которому нельзя судить об остальных. Гебы занимают одну из низших ступеней здешней иерархии. Мне не приходилось общаться ни с парами, ни с манами, которые здесь всем заправляют.

Чак вспомнил прекрасный анализ общественного устройства Альфы III M2, высказанный Мэри в разговоре с Мэйджбумом. Ее предположение о кастовой, или клановой, системе оказалось абсолютно верным.

- Ну так что, поможете мне? - Хентмэн пристально поглядел на Чака. - Они должны принять такое выгодное предложение, я уверен. На их месте я не стал бы раздумывать. Иначе их ждет принудительная госпитализация. Вы должны ясно дать им понять это. А я скажу вам, что вы сможете из всего этого извлечь лично для себя.

- Весьма интересно услышать, - произнес Чак. - Давайте-ка поподробнее.

- Элвуд может сделать так, что вас возьмут обратно в ЦРУ. Чак молчал.

- Боже, - подчеркнуто жалобно пробормотал комик. - Даже не затрудняет себя ответом. Хорошо. Вы видели Патти? Вам нравится ее грудь? Мы попросим ее быть с вами поласковее. Ну? - Глаз комика нервно дернулся.

- Не стоит утруждать девушку, - спокойно проговорил Чак. Дело принимало неприятный оборот.

- Так. - Хентмэн вздохнул. - Послушайте, Риттерсдорф, если мы договоримся, я могу гарантировать вам кое-что посерьезнее. - Он сделал паузу. - Например, взять на себя ваши заботы по убийству Мэри Риттерсдорф. Мы сделаем это быстро и безболезненно. Вы ведь мечтаете расправиться с ней, не так ли?

Чак посмотрел в вопрошающие глаза комика и произнес:

- Ас чего вы взяли, что я хочу ее смерти?

- Мы видели, с какой яростью вы стреляли друг в друга.

- Я только защищался.

- Да-да, конечно, - с наигранной серьезностью закивал комик.

- Ничто из того, что вы видели здесь, на Альфе III M2, не могло внушить вам мысль о том, что я хочу убить жену. Вы должны были знать об этом раньше. Элвуд не мог предоставить вам эту информацию, он ничего не знал. Поэтому не надо затруднять себя и придумывать всякую чушь...

- Хорошо, - резко сказал Хентмэн. - Элвуд рассказал нам только о симулякруме, только о вас и Мэйджбуме. Это и попало в сценарий. Но давайте не будем вдаваться в то, откуда я взял остальное.

- Я не буду выступать в Совете, - сказал Чак. Хентмэн нахмурился.

- Какое это теперь имеет значение? Я знаю, вот и все. Мы просто сочинили такой сценарий, кое-что усилив для выразительности, особенно после того, как она сказала... - Хентмэн осекся.

- Джоанна Триест, - проговорил Чак. "Которая работала в паре с липкой плесенью. Теперь мне все ясно. Сейчас, однако, это уже не столь важно".

- Давайте не будем уходить в сторону, - нервно проговорил Хентмэн. - Так вы хотите, чтобы мы убили вашу бывшую жену или нет? Решайте.

- Нет. - Чак отрицательно покачал головой. Он уже не сомневался - он знал, что не хочет смерти Мэри. Хотя стоит ему сейчас только пошевелить пальцем...

У Хентмэна снова непроизвольно дернулся правый глаз.

- Вы хотите сделать это собственноручно?

- Нет, - повторил Чак, потом добавил:

- Я помню, как Шериган на моих глазах убил ганимедянина, и не хочу, чтобы теперь на месте Смайла Раннинга Клама оказалась Мэри.

Почему он пожалел ее? Ему было сложно разобраться в собственных чувствах, однако воспоминание об убийстве Смайла Раннинга Клама на самом деле подействовало на него удручающе. Мэри не заслужила подобной участи.

Хентмэн достал носовой платок и стал вытирать пот со лба.

- Ужас, что творится! Риттерсдорф, не кажется ли вам, что вы со своими семейными проблемами расстраиваете планы двух космических империй - земной и альфанской? Нет? Тогда я "пас". Вообще-то я рад, что не нужно убивать госпожу Риттерсдорф, но, с другой стороны, я просто не в состоянии заинтересовать вас чем-нибудь столь же существенным, поймите.

- Да, наверно, так оно и есть, - согласился Чак. "Должно быть, я все еще люблю ее, - подумал он. - Женщину, которая может вот так, запросто, застрелить манского солдата... Однако с ее точки зрения она защищала свою жизнь. Можно ли обвинять ее за это?" Снова раздался стук в дверь.

- Господин Хентмэн!

Банни Хентмэн отпер дверь, и в каюту проскользнул Фелд.

- Господин Хентмэн, до нас дошли телепатические излучения ганимедской плесени. Она

находится вблизи корабля и добивается, чтобы ее впустили... - Фелд взглянул на Чака. - Она хочет быть вместе с Риттерсдорфом, чтобы, как она выразилась "разделить его участь". - Фелд улыбнулся. - Плесень очень тревожится за вас, Риттерсдорф.

- Впустите эту чертову слизь, - приказал Хентмэн. Когда Фелд ушел, комик задумчиво произнес:

- Скажу вам честно, мой дорогой: не представляю, что с вами будет. Вы умудрились так запутать свою жизнь, что сам черт не разберет. Развелись, потом потеряли работу, примчались сюда с определенной целью, потом отказались от нее... Что вы за человек, скажите на милость?

- Мне кажется, Спиритус Сантус возвращается к нам. - сказал Чак.

- О чем это вы?

- О Святом Духе, - сказал Чак. - Он есть в каждом человеке, но его не всегда легко распознать.

Да, он действительно чуть было не решил участь Мэри. А ведь стоило сказать лишь слово...

- А не попробовать ли вам, дружище, заполнить душевный вакуум чем-нибудь более благородным? Например, спасением бедных, больных обитателей Альфы III M2 от ужасов принудительной госпитализации? А потом вы сможете вернуться в ЦРУ. Понимаете, у меня на борту сейчас находятся двое высших альфанских военных чинов. Они готовы в считанные часы вызвать сюда альфанские силы и добиться законной передачи луны под альфанскую юрисдикцию. Конечно, поблизости много земных военных кораблей, но это еще раз говорит о том, с какой тщательностью необходимо действовать. От вас требуется только одно: получить согласие Высшего Совета луны на альфанскую поддержку. Вы, как бывший сотрудник секретной службы, проделаете это с блеском.

- У меня возникает странное чувство, когда я думаю о том, что придется провести остаток жизни на луне, населенной одними психопатами...

- А как, скажите на милость, вы жили раньше? Ваши отношения с женой, кроме как психопатичными, не назовешь. Все образуется, не переживайте. Найдете себе подружку для постели. Мы прекрасно разглядели, когда приземлялись, с кем вы там прятались. Ничего девочка, а?

- Аннет Голдинг, - сказал Чак, - полиморфная шизофреничка.

- Даже если и так, разве она не сгодится? Чак ответил не сразу.

- Возможно.

Он не был психиатром, но Аннет не казалась ему очень уж больной. По крайней мере, она выглядела гораздо более здоровой, чем Мэри. Но Мэри он знал намного лучше. И все же...

Снова раздался стук в дверь, и появился Джерри Фелд.

- Господин Хентмэн, нам удалось установить, кто нас атакует. Это симулакрум, принадлежащий ЦРУ, по имени Даниэль Мэйджбум. Нам рассказала об этом ганимедская плесень в знак благодарности за то, что мы впустили ее. Бан, у меня есть одна идея.

- У меня, - сказал Хентмэн, - есть точно такая же идея. Впрочем, если у тебя идея другого плана, то мне не до нее. - Он повернулся к Чаку. - Мы свяжемся с Элвудом, который сейчас в здании ЦРУ в Сан-Франциско, и прикажем ему немедленно убрать оператора от Мэйджбума. Кто бы там ни сидел за пультом, пусть даже Петри. - Очевидно, комик был хорошо осведомлен о деятельности и составе персонала Сан-Францисского отделения ЦРУ. - Затем, Риттерсдорф, вы возьмете управление на себя. Отсюда, с нашего пульта. И сделаете так, чтобы он прекратил огонь. На это вы способны?

- Почему я? - спросил Чак.

Лицо комика опять произвольно дернулось:

- П-потому, что скоро он своим чертовым лучом доберется до реактора, и мы взлетим на воздух.

Фелд указал на Чака пальцем и заявил:

- Вы тоже погибнете. Вы и ваш заплесневелый друг.

- Но если я уговорю Совет воспользоваться альфанской защитой, это может привести к новой большой войне между Землей и Альфой.

- Да нет же, черт возьми! - рявкнул Хентмэн. - Земле наплевать на эту идиотскую луну; операция "Пятьдесят Минут" была организована в чисто исследовательских, медицинских целях. В ней нет никаких далеко идущих, скрытых намерений. Уж поверьте мне на слово, дорогой мой, - у меня есть кое-какие связи в правительстве. Если бы Земля по-настоящему претендовала на луну, сюда бы давным-давно прислали кучу экспедиций.

- Он говорит правду, - подтвердил Фелд. - Наш человек из ТЕРПЛАНА недавно сообщил то же самое.

- Да, пожалуй, вы правы, - наконец согласился Чак. Хентмэн и Фелд одновременно облегченно вздохнули.

- Ладно, я соберу делегатов в Адольфвилле, - сказал Чак, - и выскажу им ваше предложение. Но сделаю это по-своему.

- Что это означает? - Хентмэн снова насторожился.

- Не умею произносить речи, я не политик. - Чак сделал паузу. - Зато знаю, как заставить симулакрума произносить речи не хуже любого сенатора. Это моя работа. Поэтому пошлю в Адольфвилл Мэйджбума, а сам буду управлять им отсюда, с пульта.

"Что-то не хочется самому туда соваться, - думал Чак. - Линейные корабли могут в любой момент вскрыть манский экран, как консервную банку, и первым же ударом накрыть зал заседаний Высшего Совета. К тому же подобное предложение, высказанное землянином от лица альфанского правительства, будет расценено не иначе как предательство. В какую нехорошую игру я ввязался... - с ужасом понял он. - Однако Хентмэн прав в одном: нельзя допустить, чтобы этих людей лечили насильно".

"Вы приняли весьма мудрое решение, господин Риттерсдорф, - зазвучали мысли липкой плесени. - Сначала позволили оставить в живых вашу жену, теперь снова поступаете столь же гуманно. Даже если случится непоправимое, альфанцы всегда придут нам на помощь. Не знаю, что предпримут земляне, но уверен в одном: при альфанцах мы сможем выжить".

Услышав это, Хентмэн улыбнулся и протянул Чаку ладонь:

- Ну что, Риттерсдорф, по рукам? Рукопожатие состоялось. К лучшему или нет, но акт предательства по отношению к родной планете свершился.

Глава 13

Огромный танк, скрежеща гусеницами и сверкая прожекторами, сбросил скорость, приближаясь к Габриэлю Бэйнсу и Аннет Голдинг, и, выпустив клуб черного дыма, остановился. Люк на башне открылся, и высунулась голова майского танкиста в шлеме.

В окружающей темноте не было заметно сверкания лазерных лучей.

"Возможно, - с надеждой подумал Бэйнс, - доктор Риттерсдорф внял страстному призыву Святого Триумвирата, начертанному в небе огромными буквами. Во всяком случае, покоя действительно воцарился, как и обещал Игнатий Ледебур".

Резко поднявшись на ноги, Бэйнс потянул Аннет к танку. Альфанский танкист помог им забраться внутрь и задраил люк. Все трое, обливаясь потом, с трудом разместились в тесной кабине.

"Наконец-то мы в безопасности, - подумал Габриэль Бэйнс. Но он не чувствовал радости. -

Исходя из общего хода событий, мы достигли не столь уж многого. Однако внутри танка все же как-то спокойнее". Бэйнс обнял Аннет за плечи.

Ман спросил:

- Вы Голдинг и Бэйнс? Члены Высшего Совета?

- Да, - кивнула Аннет.

- Говард Строу приказал разыскать вас, - объяснил ман, манипулируя рычагами управления и трогая танк с места. - Мне поручено доставить вас в Адольфвилл; Совет собирается на новое заседание, и Строу настаивает на вашем присутствии.

"Итак, нам удалось спастись только потому, - подумал Бэйнс, - что понадобилось Говарду Строу для кворума. Теперь сумасшедшая Мэри не сумеет прикончить нас утром, когда тьма рассеется. Какая ирония! Однако она демонстрирует важность связей между кланами. Эти связи в буквальном смысле спасают от смерти. Всех, даже грязных гебов".

Когда они достигли Адольфвилла, манский танкист подвез их прямо к центральному каменному зданию. Габриэль и Аннет молча поднялись по знакомым широким ступеням. После долгих часов, проведенных под обстрелом, в мокрой одежде на открытом ночном поле у обоих не было желания обмениваться банальными фразами.

"Сейчас бы нам не заседать, а вздремнуть часиков шесть, - устало подумал Бэйнс. - Сколько можно решать одно и то же! Разве маны уже не сделали все возможное, чтобы отбить земных захватчиков? Стоит ли мечтать о большем?"

Перед дверями зала Бэйнс помедлил.

- Подождите, сперва войдет мой симулакрум, - сказал он Аннет. Достав из кармана ключ, он отпер дверь ниши в стене, где хранил полагающегося ему по закону симулакрума-двойника.

Ничего нельзя предугадать заранее. Было бы непозволительной роскошью лишиться жизни в такой момент - после того, как ему удалось уйти от ненормальной госпожи Риттерсдорф.

- Вечно вы, пары, перестраховываетесь, - устало проговорила Аннет.

Симулакрум зажужжал, возвращаясь к жизни, и произнес металлическим голосом:

- Доброе утро, господин. Рад видеть вас, госпожа Голдинг.

Вежливо поклонившись, робот направился по коридору в сторону двери, внимательно осматриваясь по сторонам.

- Разве недавние события вас так ничему и не научили? - спросила Аннет, пока они ждали возвращения симулакрума.

- Чему именно?

- Идеальной защиты не существует, поймите. Всего предусмотреть невозможно. Быть живым - автоматически означает подвергаться множеству опасностей. Жизнь это противостояние, что вполне естественно.

- Все это так, - согласился Бэйнс, - однако осторожность никогда не помешает. С опасностью нужно бороться всеми доступными средствами. Защита - часть жизни, и каждое живое существо самим фактом своего существования участвует в этой борьбе.

Симулакрум вернулся и привычно доложил:

- Полный порядок, господин. Ядовитых газов и электрического напряжения большой мощности не обнаружено. Вода в графине не отравлена, нет также бойниц для лазерных винтовок и спрятанных адских машин. Могу порекомендовать вам войти. - Робот замолчал, выполнив свою задачу, но потом, к удивлению Бэйна, неожиданно добавил:

- Все-таки хочу привлечь ваше внимание к одному несколько необычному факту: в зале заседаний находится еще один симулакрум, не похожий на меня, который мне очень, очень не нравится.

- Кто это? - в изумлении воскликнул Бэйнс. Только озабоченный самозащитой пар мог

позволить себе тратить деньги на такую дорогую вещь, как симулакрум, а он конечно же, был здесь единственным парским делегатом.

- Чужой симулакрум будет выступать в Совете, - пояснил робот, - именно из-за него и собрались делегаты.

Приоткрыв дверь, Бэйнс заглянул в зал. Делегаты уже сидели на местах. И..., о ужас! Перед ними стоял соратник Мэри Риттерсдорф, агент ЦРУ Даниэль Мэйджбум, который, если верить липкой плесени, был вместе с госпожой Риттерсдорф, когда та стреляла в своего мужа, убила майского танкиста и едва не прикончила его самого заодно с Аннет Голдинг. Что Мэйджбуму здесь нужно? Впервые затраты Бэйнса на дорогого симулакрума оказались не напрасны. Приготовившись к самому худшему, Бэйнс медленно вошел в зал и занял свое место.

"Скорее всего, сейчас доктор Мэри Риттерсдорф перестреляет нас всех из какого-нибудь потайного места", - подумал он.

- Позвольте мне объясниться, - проговорил Мэйджбум, как только Бэйнс и Аннет заняли свои места. - Я Чак Риттерсдорф. Я управляю этим симулакрумом с межзвездного судна Банни Хентмэна, которое находится поблизости от вас, на поверхности Альфы III M2. Вы могли заметить корабль, на нем эмблема в виде кролика.

- Значит, - удовлетворенно произнес Говард Строу, - вы больше не являетесь придатком земной секретной службы, ЦРУ.

- Правильно, - согласился Мэйджбум, - нам удалось на время перекрыть гиперпространственную связь с Землей, и поэтому постараюсь говорить кратко. Наше предложение, как нам кажется, отвечает чаяниям всего населения Альфы III M2, всех Семи Кланов. Вы можете официально, как представители высшей власти, попросить альфанцев высадиться и принять Луну под свою юрисдикцию. Альфанское правительство гарантирует полную свободу, с вами не будут обращаться, как с пациентами психбольницы, вы станете законными поселенцами. Официальный запрос можно передать на борт корабля Банни Хентмэна, так как два полномочных представителя Альфанской империи находятся..."

Симулакрум дернул головой и замолчал.

- С ним что-то случилось, - сказал Говард Строу, вставая с места.

Внезапно Мэйджбум произнес:

- Врз-з-з - зи мус кадракс и вигрум нид-д-д. - Потом взмахнул руками, уронил голову на грудь и заявил:

- Иб сарт гом-м-м-м кунт!

Строу уставился на него круглыми от удивления глазами, затем повернулся к Бэйнсу и сказал:

- ЦРУ восстановило контроль над ним, перекрыв связь с кораблем Хентмэна. - Он похлопал себя по бокам, вынул из кобуры лазерный пистолет и, прикрыв один глаз, прицелился.

- Все, что я только что сказал, - объявил симулакрум Даниэль Мэйджбум слегка изменившимся, более взволнованным и низким голосом, - должно расцениваться не иначе как гнусные измышления и ловко расставленная западня. Вы совершите самоубийственный поступок, если попросите так называемой защиты у Альфанской империи, поскольку во-первых...

Первым же выстрелом Говард Строу вывел робота из строя, поразив лучом его электронный мозг; Мэйджбум зашатался и с грохотом рухнул на пол. В зале воцарилось молчание. Симулакрум не шевелился.

Строу засунул пистолет обратно в кобуру и, сверкая глазами, уселся на место.

- Сообщение Риттерсдорфа перекрыто ЦРУ из Сан-Франциско, - повторил он, хотя сейчас уже до каждого делегата, даже до геба Якоба Симиона, дошел смысл происходящего. - Однако мы услышали предложение Риттерсдорфа, а это самое главное. - Строу обвел взглядом

присутствующих. - Надо действовать как можно быстрее. Давайте голосовать.

- Я голосую за то, чтобы принять предложение Риттерсдорфа, - проговорил Габриэль Бэйнс, думая про себя о том, что, если бы не решительные действия Строу, симулакрум, снова попал под управление с Земли, мог взорваться и похоронить их всех.

- Я согласна, - нервно проговорила Аннет. Когда подсчет голосов был произведен, выяснилось, что только Дино Уоттерс, этот ничтожный деп, проголосовал против.

- Вы что, не согласны? - удивленно спросил его Бэйнс. Хриплым, полным отчаяния голосом деп ответил:

- Я думаю, дело абсолютно безнадежное. Земные корабли совсем рядом. Манский экран долго не продержится. Или же мы не сможем связаться с кораблем Хентмэна. Что-нибудь обязательно сорвется, и земляне уничтожат нас. - Потом добавил:

- Кроме того, у меня страшные боли в желудке с тех самых пор, когда мы собрались в первый раз. Думаю, у меня рак.

Говард Строу нажал на кнопку звонка, и появился слуга с портативным радиопередатчиком.

- Я свяжусь с кораблем Хентмэна, - объявил Строу, щелкнув тумблером передатчика.

После бесплодных попыток связаться с остатками своей мафии на Земле, Банни Хентмэн поднял голову и с изменившимся лицом сказал Чаку Риттерсдорфу:

- Произошло следующее. Этот ваш приятель Лондон, шеф Сан-Францисского отделения ЦРУ и начальник Элвуда, наконец понял, что случилось, - он лично контролировал действия Мэйджбума. Скорее всего, Лондон уже что-то подозревал, хотя бы после того, как мне удалось скрыться.

- Элвуд мертв? - спросил Чак.

- Нет, сейчас он в сан-францисской тюрьме ЦРУ. А Петри снова сел за пульт. - Хентмэн поднялся, отключив канал связи с Землей. - Но, главное, они не успели вовремя восстановить контроль над Мэйджбумом.

- Вы оптимист, - заметил Чак.

- Слушайте, - энергично сказал Хентмэн. - Да, эти люди в Адольфвилле могут быть действительно клинически больны, однако они не дураки, особенно если дело касается их безопасности. Они слышали наше предложение и, готов поклясться, сейчас голосуют за него. Скоро они свяжутся с нами по радио, - он посмотрел на часы, - скажем, минут через пятнадцать.

- Затем обернулся к Фелду:

- Приведи-ка сюда наших альфанских друзей, чтобы они сразу вызвали свои линейные корабли.

Фелд выбежал из каюты. Хентмэн устало посмотрел ему вслед, вздохнул и опустился на стул.

Закурив длинную зеленую флоридскую сигару, комик откинулся на спинку стула и уставился на Чака.

В молчании прошло несколько минут.

- Нужны ли альфанцам телекомики? - поинтересовался Чак.

Хентмэн усмехнулся.

- Не более чем составители речевых текстов для роботов. Через десять минут раздался радиовывоз из Адольфвилла.

- Отлично, - произнес Хентмэн и кивнул, выслушав сообщение Говарда Строу. Потом посмотрел на Чака:

- Где альфанцы? Нужно действовать, теперь или никогда.

- Представитель империи здесь. - Это был Эр-Бэ-Ха Триста Третий; он быстро просеменил в каюту вместе с Джерри Фелдом и своим альфанским коллегой. - Уверьте их еще раз, что они не будут считаться инвалидами, а законными поселенцами. Мы хотим особо выделить эту часть, ведь политика Альфанской империи всегда строилась исключительно на...

- Не тратьте время попусту, - оборвал его Хентмэн. - Вызывайте свои военные корабли. Пусть войска высаживаются. - Он передал микрофон альфанцу, устало поднялся и встал рядом с Чаком.

- Да уж, - прошептал он. - В такую минуту неплохо бы вспомнить все аспекты альфанской политики за последние десять лет. - Он покачал головой. Сигара, торчавшая у него изо рта, потухла. Заметив это, Хентмэн неторопливо раскурил ее. - Думаю, сейчас нам предстоит рассеять все наши сомнения.

- Какие сомнения? - спросил Чак.

- Нужны ли Альфанской империи телевизионные комики и составители текстов. - Он отошел в сторону и стал рассеянно вслушиваться в переговоры, которые вел РБХ-303 по корабельной рации. Комик молча попыхивал сигарой.

"Никто не смог бы догадаться сейчас по его лицу, - подумал Чак, - что в эту минуту наши судьбы в буквальном смысле зависят от успеха этих переговоров".

К Чаку подошел возбужденный Джерри Фелд и спросил, чтобы как-то снять напряжение:

- Интересно, а где сейчас находится фрау доктор?

- Наверно, бродит где-то под нами, - произнес Чак. Корабль Хентмэна находился на орбите с апогеем в триста километров, и невозможно было узнать, кроме как по радио, о событиях, происходящих на поверхности Луны.

- А она не может что-нибудь выкинуть? - спросил Фелд. - Я имею в виду, как-то помешать нам? Ей, наверно, этого очень хочется.

- Моя бывшая жена, - сказал Чак, - вероятно, очень напугана. Она одна на враждебной луне и отчаянно ждет прибытия земного военного флота, который скорее всего вообще не появится. Но она, конечно, об этом не знает. - Чак чувствовал по отношению к жене тупое безразличие с оттенком жалости.

- Вам жалко ее? - спросил Фелд.

- Я не хочу, чтобы судьба снова заставила нас стрелять в друг друга. У меня такое чувство, что когда-нибудь, может, через много лет, мы снова встретимся и найдем общий язык...

- Все в порядке, - объявил Хентмэн. - "Добро" получено. - Лицо комика сияло. - От нас больше ничего не требуется. Я имею в виду от землян, находящихся на этом корабле. Мы свое дело сделали. Теперь мы законные граждане Альфанской империи и скоро получим номерные знаки вместо имен, но на это мне абсолютно наплевать.

- Когда-нибудь, когда все уляжется, я смогу спокойно оценить произошедшее между нами, - продолжал Чак, обращаясь Фелду, - я смогу понять, как можно было бы предотвратить весь этот ужас - когда Мэри и я лежали в грязи, стараясь достать друг друга лучом лазера.

"Да, в темноте ночи совершенно чужой планеты, - размышлял он про себя. - Эта луна действительно чужая для нас обоих, хотя мне, вероятно, придется провести здесь остаток жизни. А может быть, и Мэри тоже", - машинально подумал он.

Потом сказал, обращаясь к Хентмэну:

- Поздравляю.

- Спасибо, - отозвался комик. - Поздравляю, Джерри.

- Спасибо, - сказал Фелд. - Примите и вы мои поздравления, дорогие новоиспеченные альфанские собраты.

- Послушайте, - сказал Чак Хентмэну, - нельзя ли попросить вас об одолжении?

- О чем угодно, мой дорогой.

- Дайте мне челнок. Я хочу спуститься на поверхность.

- Зачем? Здесь гораздо спокойнее.

- Хочу взглянуть на свою жену, - сказал Чак.

Брови Хентмэна поползли вверх.

- Вы что, серьезно?... Да, это написано на вашем лице. Эх, вы, бедняга! Ладно, может, вам удастся уговорить ее остаться вместе с вами на Альфа III M2. Если, конечно, кланы не будут возражать. И альфанские власти тоже...

- Дай ему челнок, Бан, - вмешался Фелд. - Посмотри, он даже слушать тебя не хочет, извелся весь.

- Хорошо, - кивнул Хентмэн. - Я дам вам челнок. Летите и делайте все, что угодно. Я умываю руки. Надеюсь, конечно, что вы вернетесь, если же нет... - он пожал плечами. - В конце концов, это не мое дело.

- Не забудьте забрать своего липкого друга, - добавил Фелд.

Полчаса спустя Чак посадил челнок на лужайке рядом с тополиной рощей и некоторое время молча стоял, вдыхая чистый воздух и прислушиваясь к шуму листвы. Вокруг не было ни души. В этом маленьком мире все шло своим чередом: Высший -Совет проголосовал, манский клан продолжал поддерживать силовой защитный экран, кое-кто в страхе ожидал развязки, но большинство жителей, как, например, гебы в Гандитауне, продолжали заниматься своими обычными делами.

- Скажите, сошел ли я с ума? - спросил Чак у Смайла Раннинга Клама, который переместился на несколько метров в сторону, на более влажное место, - Я, наверно, поступаю очень нелогично, совершая такой нелепый поступок?

- Сумасшествие, - отозвалась липкая плесень, - строго выражаясь, всего лишь общепринятый термин. Я думаю, что вы просто круглый дурак, ведь Мэри Риттерсдорф, скорее всего, совершит какое-нибудь жестокое действие по отношению к вам, как только увидит. Но, вероятно, вы сами этого хотите. Вы устали. Борьба затянулась. К тому же те запрещенные стимуляторы, которые дал вам мой отец, не принесли пользы - они только прибавили вам страданий. - Затем он добавил:

- Может быть, вам следует идти в Коттон Мэтр.

- Что это такое? - Даже само название не очень-то понравилось Чаку.

- Это поселение депов. Вы можете остаться с ними, погрузившись в мрачную кому. - Ганимедянин произнес эти слова с ужасающим спокойствием.

- Спасибо за совет, - невесело усмехнулся Чак.

- Вашей жены поблизости нет, - продолжала плесень. - По крайней мере, я не ощущаю ее мыслей. Полетим в другое место.

- Хорошо. - Чак направился к челноку.

Когда липкая плесень втекла в кабину, она подумала:

- Есть еще одна возможность, которую вы не должны выпускать из виду. Возможно, Мэри уже мертва.

- Мертва! - Чак уставился на ганимедянина, отдернув руку от пульта управления. - Почему?

- Как вы заметили в разговоре с господином Хентмэном, на этой луне идет война. Естественно, есть и убитые, но их, к счастью, не так много. Но потенциальная возможность насильственной смерти все же очень велика. Последнее, что мы знали о Мэри Риттерсдорф, это обращение к ней трех мистиков, так называемого Святого Триумвирата, посредством ужасной шизофренической

проекции в виде огненных букв в небе. Думаю, нам надо лететь в Гандитаун, где живет главный из трех святых Игнатий Ледебур, и попробовать разыскать ее - как бы это лучше сказать - среди всего этого хлама, многочисленных котов, жен и детей.

- Но разве Ледебур...

- Психоз есть психоз, - заключила липкая плесень, - и неизвестно, что следует ожидать от такого провидца.

- Правильно, - согласился Чак и кивнул. Через некоторое время челнок уже мчался по направлению к Гандитауну.

- Послушайте, господин Риттерсдорф, - сказала липкая плесень. - Я думаю вот о чем. В некотором отношении для вас было бы куда безопаснее, если бы она...

- Это мое дело, - отрезал Чак.

- Извините, - несколько мрачно излучила липкая плесень, стараясь по возможности скрыть эту мрачность.

Весь дальнейший путь до Гандитауна прошел в молчании.

Игнатий вытряс из кастрюли в таз кучу слежавшихся вареных макарон перед мордами двух черных овец. Затем он поднял голову и посмотрел на ракетный челнок, который садился на дорогу рядом с его хижинкой. Закончив кормить овец, он лениво побрел к хижине с кастрюлей в руке. Его провожали коты всех мастей, с надеждой глядя в сторону кастрюли.

Зайдя в хижину, Ледебур швырнул кастрюлю в раковину, заваленную тарелками с остатками присохшей пищи, потом остановился на минуту и окинул взглядом женщину, которая спала под грудой грязных одеял на деревянных досках, служивших то кроватью, то обеденным столом. Затем нагнулся, подобрал с пола кота и снова вышел во двор. Прибытие космического челнока, конечно же, не явилось для него сюрпризом, так как он уже испытал видение, связанное с ним. Он несколько не встревожился, однако настроение у него почему-то испортилось.

Из челнока показались две фигуры; одна из них человеческая, Другая студенистая и желтая. Фигуры двигались ему навстречу, с трудом пробираясь через заваленный мусором двор.

- Вы, наверное, будете рады узнать, - проговорил Ледебур вместо приветствия, - что альфанские военные корабли уже готовятся к высадке на наш маленький мир. - Игнатий улыбнулся, однако человек, который пристально смотрел ему в лицо, не стал улыбаться в ответ. Желтому пузырю, конечно, улыбаться было просто нечем.

- Поэтому ваша миссия, - продолжал Ледебур, слегка смутившись, - принесла весомые плоды.

Игнатию не нравилось исходящая от человека враждебность, которую он ощущал с помощью своего парапсихологического таланта. Гнев витал вокруг головы человека в виде зловещего красного нимба.

- Где Мэри Риттерсдорф? - спросил Чак. - Где моя жена? Знаете? - Он повернулся к ганимедской плесени, которая колыхалась возле него. - Он знает?

Липкая плесень излучила мысленную волну:

- Да, господин Риттерсдорф.

- А-а, вы ищете свою жену, - закивал Игнатий. - Да, она натворила много неприятного: убила одного мана и даже...

- Если не скажешь, где моя жена, - сказал Чак Игнатию, - я дух из тебя выбью. - Он сделал шаг

навстречу гебскому святому.

Возбужденно поглаживая кота, которого он держал в руках, Ледебур сказал примирительно:

- Зайдем лучше ко мне. Я угощу вас чаем. Затем Ледебур отключился. Очнувшись, он обнаружил, что лежит на земле; в ушах звенело, в висках пульсировала кровь. Святой с трудом сел, пытаясь сообразить, что произошло.

- Господин Риттерсдорф ударил вас, - объяснила плесень, - скользящий удар пришелся чуть повыше скулы.

- Достаточно, - хрипло проговорил Ледебур. Почувствовав вкус крови во рту, он сплюнул, потом стал тереть скулу. К несчастью, парапсихологический талант здесь оказался бессилён.

- Она там, в хижине.

Перешагнув через святого, Чак Риттерсдорф подошел к двери, рывком распахнул ее и скрылся внутри. Ледебур наконец удалось подняться на ноги; некоторое время он стоял, неуверенно озираясь, затем неохотно последовал за Чаком.

На пороге Ледебур остановился; коты, почувствовав свободу, запрыгали мимо него внутрь хижины, отчаянно мяуча. Липкая плесень предусмотрительно оставалась дожидаться развязки во дворе.

Риттерсдорф склонился над спящей женщиной и потряс ее за плечо.

- Мэри, проснись! - Он схватил голую руку женщины, свисавшую со стола, и сильно дернул. - Одевайся и пойдем отсюда. Шевелись!

Женщина, лежавшая в кровати святого Игнатия Ледебура, которая заменила ему жену Элси, нехотя открыла глаза и сощурилась, стараясь разглядеть лицо Чака. Затем моргнула, приходя в себя. Она резко села, схватила одеяло и обернула вокруг себя, прикрывая маленькие упругие груди.

- Чак, - проговорила Мэри Риттерсдорф, зевая, - я пришла сюда сама, по доброй воле. И не надо...

Чак вновь схватил Мэри за руку и рывком сдернул со стола. Грязные одеяла отлетели в сторону; по полу запрыгала металлическая кружка, разбрызгивая вокруг остатки кофе. Две задремавшие под столом кошки с криками бросились прочь из хижины, огибая стоящего на пороге Игнатия.

Обнаженная Мэри Риттерсдорф спокойно посмотрела на мужа.

- Не нужно указывать мне, что делать, - проговорила она и стала собирать разбросанные детали своего туалета: подняла с полу измятую блузку, затем сосредоточенно, не теряя самообладания, начала искать лифчик и трусики. По выражению ее лица нельзя было предположить, что за ней наблюдают двое мужчин.

- Луна уже под контролем альфанцев, - сказал Чак. - Маны скоро снимут защитный экран и впустят их. Соглашение было достигнуто, пока ты спала в кровати этого... - Чак посмотрел на святого. - Этого индивидуума.

- И ты, конечно, с ними заодно, - жестко сказала Мэри, застегивая блузку. - Да, конечно, - задумчиво повторила она, - альфанцы захватят луну, и ты будешь жить здесь под их защитой. - Закончив одеваться, Мэри стала медленно и аккуратно расчесывать волосы.

- Если ты останешься на Альфе III M2, - начал Чак, - и не вернешься на Землю...

- Я остаюсь здесь, - перебила его Мэри. - Я уже все продумала. - Она указала на Игнатия. - Не с ним, конечно; я пришла сюда только на некоторое время. Он об этом знает. Не собираюсь жить в Гандитауне - это место не для меня.

- Где же тогда?

- Наверно, на Высотах Да Винчи, - проговорила Мэри.

- Почему? - Чак удивленно уставился на жену.

- Не знаю. Хотя я еще не была там, но маны мне нравятся. Я даже восхищаюсь тем танкистом, которого подстрелила. Он ведь бежал к танку, зная, что умрет. Никогда не встречала более смелых людей.

- Маны не пустят тебя к себе, - заметил Чак. Мэри тряхнула головой:

- Пустят, я уверена.

Чак вопросительно взглянул на Игнатия.

- Ваша жена права, - согласился тот. - Она им понравится. "Мы оба потеряли ее, - понял Игнатий. - Никакой мужчина не в состоянии удержать эту женщину возле себя. Такова ее натура". - Он развернулся и со скорбным выражением лица вышел из хижины, чуть не наткнувшись на ожидавшую во дворе липкую плесень.

- Думаю, господин Риттерсдорф понял всю тщетность своих намерений, - глубокомысленно заметил ганимедянин.

- Да, наверно, - кивнул Ледебур без особого энтузиазма. Из хижины появился Чак; он был бледен и хмур. Молча миновав Ледебура, он быстро зашагал к челноку.

- Пошли, - бросил он на ходу ганимедянину.

Плесень поспешила за Чаком, насколько позволяли ее физические возможности. Подождав, пока она втечет в кабину, Чак быстро поднял аппарат в воздух, навстречу восходящему солнцу.

Игнатий постоял немного, провожая челнок глазами, затем вернулся в хижину. Мэри копалась в буфете в поисках пиши.

Мужчина и женщина сообща приготовили себе еду.

- Маны вообще-то очень жестокие люди, - осторожно заметил Ледебур.

Мэри презрительно расхохоталась.

- Ну и что из того? - издевательски проговорила она. Игнатий не знал, что ответить. Вся его святость и парапсихологический дар не могли помочь ему. Он был бессилен понять, чего хочет эта женщина.

После долгого молчания Чак спросил у липкой плесени:

- Можно ли на этом челноке вернуться обратно в Солнечную систему, на Землю?

- Нет, - подумал в ответ Смайл Раннинг Клам.

- Ладно, - сказал Чак. - Летим к ближайшему земному кораблю. Хватит. Возвращаюсь на Землю, отсижу срок, который мне назначат, а потом женюсь на Джоанне Триест.

- Должен заметить, господин Риттерсдорф: вам, скорее всего, назначат смертную казнь или пожизненное заключение, - сказал ганимедянин. - Поэтому вам вряд ли удастся жениться на госпоже Триест.

- Что же мне делать?

- Вам нужно обрести уверенность в себе. А для этого... - плесень смущенно замолчала, не решаясь высказать свою мысль до конца.

- Ну? Продолжайте. - В данной ситуации Чаку не следовало пренебрегать никаким, даже самым абсурдным советом.

- Вы..., ну как бы вам объяснить... Короче говоря, вам нужно попросить жену всесторонне обследовать вас. Провести полный набор психологических тестов.

После некоторой паузы Чак с трудом выговорил:

- Чтобы выяснить, для какого из здешних поселений я подойду лучше всего?

- Да. - Ганимедянин облегченно вздохнул. - Именно в этом состоит моя идея. Поймите меня правильно: я не хочу назвать вас ненормальным. Тесты необходимы для того, чтобы определить некие незначительные отклонения, так сказать, склонности вашего характера, направленность на определенный стереотип...

- А что, если тестирование не выявит никаких скрытых неврозов, психозов, направленностей характера, психопатических тенденций, НИЧЕГО? Что тогда? - Чак весьма жестко оценивал себя. В такую минуту он не мог заниматься самообманом; кроме того, предчувствие подсказывало ему, что результат обследования будет именно таким. Он не подходил ни для одного из поселений Альфы III M2. Он чужак на этой луне. Вероятность найти здесь себе подобных ничтожна.

- Понимаете, ваше стойкое желание расправиться с женой вполне может являться симптомом скрытой душевной болезни. - Липкая плесень старалась говорить как можно убедительнее, но в ее тоне не чувствовалась уверенности. - Поэтому я считаю, что попытаться стоит.

- Наверно, мне придется основать еще одно поселение, - вздохнул Чак.

- Состоящее из одного человека?

- На луне должны быть нормальные люди. Те, кому удалось выбраться из лабиринта своей болезни. Не говоря уже о детях, которые не успели развить в себе болезненные комплексы. Так называемые поли, полиморфные шизофреники - они по сути вполне нормальны, хотя считается, что они просто не успели проявить ту или иную степень умственной отсталости. Что в корне не верно. - Чак высказал то, о чем задумывался раньше, когда осознал, что ему придется провести на луне остаток жизни. - Узнав о новом поселении, эти люди сами придут ко мне.

- Представляю себе ту жалкую лачугу, затерянную где-нибудь в лесу, в которой вы будете жить, - глубокомысленно заметила плесень, - и вас, прячущегося у лесной дороги и выслеживающего проходящих по ней путников. Особенно детей. - Плесень заколыхалась от смеха. - Простите меня. Нельзя относиться так легкомысленно к серьезным вещам.

Чак не ответил; он резко потянул рычаг управления на себя, набирая высоту.

- Так вы согласны пройти тестирование? - спросила плесень, слегка сплющиваясь под воздействием перегрузки, - Перед тем как начнете жить в своем новом поселении?

- Ладно. - Чаку надоела навязчивость ганимедского Друга - задавать последний вопрос не было необходимости.

- А ваша взаимная неприязнь не помешает госпоже Риттерсдорф провести тестирование беспристрастно?

- Да нет, не думаю. - Чак знал, что тестирование было для Мэри делом привычным.

- Я берусь лично уговорить ее на эту процедуру, - убежденно заявила плесень. - Вам не следует ссориться друг с другом понапрасну, пока результаты не будут получены.

- Большое спасибо, - подчеркнуто вежливо отозвался Чак. Липкая плесень, не заметив иронии, задумчиво продолжала:

- Я думаю еще о одном. Хотя, конечно, это дело потребует дополнительных усилий с вашей стороны. Но оно того стоит, поскольку со временем может принести весомые плоды. - Ганимедянин на минуту затих, потом подумал:

- Может быть, вам удастся убедить Мэри провести тестирование своей собственной психики.

"Зачем? - подумал Чак. - Странная идея". Его мысли вернулись к бывшей супруге. Он не мог понять, в чем заключается смысл последнего предложения ганимедянина. Встреча с Мэри в хижине гебского святого не явилась для Чака большой неожиданностью, он не открыл каких-либо новых граней в характере жены. Если Мэри выявит в себе при помощи тестов какие-либо серьезные отклонения, в чем он был совершенно уверен, то просто останется такой

до конца дней своих. Он ведь сам приложил руку к тому, чтобы больные жители луны не получили лечения, попав под альфанскую защиту. Если даже она и убедится, что страдает маниакально-депрессивным психозом, то что это даст? Что подразумевал ганимедянин под "весомыми плодами"?

Липкая плесень, уловив его мысленный поток, сразу же пустилась в объяснения:

- Предположим, господу Риттерсдорф выявит в своем характере признаки маниакального психоза. Она сразу станет оценивать себя как бы со стороны; поймет, что у нее есть много общего с Говардом Строу, с жестокими манскими танкистами...

- И вы всерьез верите, что это поможет ей сделаться мягче? Отнимет у нее непробиваемую уверенность в себе?

"Разве ганимедянин способен разобраться в тонкостях человеческой природы? И в особенности такой сложной природы, как Мэри? Не стоит даже говорить об этом, ведь маньяки и параноики никогда не занимаются самокопанием, ни на йоту не сомневаются в собственной правоте и непогрешимости. Как известно, их эмоциональная структура покоится на чувстве определенности, уверенности в себе..."

Вообще- то было бы, конечно, неплохо, если бы дело обстояло так просто, - продолжал размышлять Чак. - Психический больной узнает результаты своего тестирования, начинает оценивать себя со стороны остатками больных мозгов и вылечивается. Чушь собачья! Человеку с больной ногой в тонкостях объясняют причину заболевания, и нога сразу проходит...

На Мэри тестирование должно возыметь как раз обратный эффект: она получит со стороны манов моральную поддержку, обретет, так сказать, социальный статус, поселившись среди себе подобных на Высотах Да Винчи. И, скорее всего, с блеском проявит себя в постели Говарда Строу... Чтобы потом заменить его на посту манского делегата Высшего Совета. Да, среди манов Мэри должна занять высокое положение - будет помыкать ими при помощи своих профессиональных знаний".

- Тем не менее я все-таки постараюсь уговорить госпожу Риттерсдорф протестировать себя, - продолжала настаивать липкая плесень. - Это должно пойти ей на пользу. "Познай себя" - разве не таков был девиз землян со времен столь почитаемой греческой античности? Уверен, если вы, гуманоидная раса, не обладающая телепатическими способностями, по-настоящему познаете особенности своей психики, свою индивидуальность, то обретете могучий инструмент, при помощи которого сможете постепенно преобразовывать себя до тех пор, пока...

- Пока что?

Ганимедянин не ответил. Подойдя к самому главному, он не стал досказывать свою мысль.

- Давайте подождем результатов, - сказал Чак. - Тогда все и узнаем.

"Узнаем, кто прав", - подумал он. Ему хотелось, чтобы прав оказался ганимедянин.

Поздно вечером на Высотах Да Винчи договоренность была достигнута. После долгих переговоров Смайлу Раннингу Кламу удалось убедить Мэри Риттерсдорф провести полный комплекс психологических тестов для себя и бывшего мужа.

Все четверо находились в замысловато-изукрашенном, спиралевидном доме манского делегата Говарда Строу; сам Строу с высокопарным отчуждением наблюдал за происходящим из дальнего угла комнаты. Процесс тестирования забавлял его; устроившись в удобном кресле, он

быстро набрасывал пастельными мелками серию портретов Мэри. Живопись являлась одним из его многочисленных артистических талантов, и он не прекращал заниматься ею даже сейчас, когда альфанские корабли, один за другим, садились на поверхность Луны.

Мэри, пристально вглядываясь в распечатки, разложенные на изящном полированном столике ручной работы, задумчиво произнесла:

- Очень неприятный для меня итог. Но, должна признаться, сама идея весьма плодотворна: познать себя с помощью стандартного набора психологических тестов. Я на самом деле удивлена полученными результатами. Наверно, мне следовало бы периодически проверять свое состояние подобным образом...

Она встала и подошла к окну, тонкая, стройная и гибкая, в белом облегающем свитере и блестящих венерианских лосинах. Затем вынула из пачки сигарету и дрожащими руками прикурила.

- У тебя нет психических отклонений, дорогой. - Она нервно затянулась, затем холодно улыбнулась и добавила:

- Поздравляю.

- А что у тебя? - хрипло спросил Чак.

- Оказывается, ничего общего с манами. У меня как раз противоположное - ярко выраженная депрессия возбужденного типа. Говоря здешним языком, я депша. - Мэри продолжала улыбаться, однако было заметно, каких усилий ей это стоило.

Помолчав, Мэри добавила:

- Дело в том, что я постоянно давила на тебя, заставляла поменять работу, так как страдала навязчивой идеей, что жизнь складывается отвратительно. Я изводила тебя в попытках что-либо предпринять, мне казалось, что иначе все станет совсем плохо. - Она смяла недокуренную сигарету о пепельницу, тут же прикурила новую и спросила Говарда Строу:

- Что ты на это скажешь?

- Мне все равно, - заявил тот с присущей ему жесткостью и отсутствием жалости к кому бы то ни было. - Так или иначе ты не останешься с нами. Поедешь в Коттон Мэтр к счастливому парню Дино Уоттерсу и ему подобным. - Он издал презрительный смешок. - Ребята там исключительно веселые и жизнерадостные. Можешь побыть здесь еще несколько дней, но потом ты должна уехать. Раз ты не манша. - Затем, несколько поубавив свой убийственный тон, Строу добавил:

- Если бы ты могла предугадать то, что случилось сегодня, когда изъявила желание принять участие в экспедиции, организованной ТЕРПЛАНом, в этой так называемой операции "Пятьдесят Минут", ты бы трижды подумала, не так ли? - Он в упор уставился на Мэри.

Мэри молча пожала плечами. Затем внезапно расплакалась.

- Господи, я не хочу жить с этими депрессивными идиотами, причитала она, всхлипывая. - Я хочу домой, на Землю. Мне ведь не обязательно здесь оставаться и искать тихое местечко, как тебе, - пробормотала она, обернувшись к мужу.

Липкая плесень подумала, обращаясь к Чаку:

- Теперь, когда известны результаты тестирования, что вы намерены делать, господин Риттерсдорф?

- Пойду искать место для нового поселения. Назову его Джефферсонбургом. Коттон Мэтр был деп, Леонардо Да Винчи - ман, Адольф Гитлер - пар, Ганди - геб. А Томас Джефферсон... - Чак задумался. - Был вполне нормален. Значит..., норм. Итак, Джефферсонбург будет поселением нормов. Сначала в нем будет жить только один человек, но ему уготовано великое будущее.

"По крайней мере, проблема выборов делегата в Высший Совет решится автоматически", - машинально подумал он.

- Вы просто круглый дурак, - пренебрежительно произнес Говард Строу. - Никто не захочет

жить в вашем поселении. Вам придется провести остаток жизни в одиночестве. Хотя через пару месяцев свихнетесь и вполне подойдете для любого другого поселения. Кроме нашего, разумеется.

- Возможно. - Чак надеялся на лучшее; он еще раз подумал об Аннет Голдинг.

"Не такая уж она больная, эта так называемая полиморфная шизофреничка. Рассуждает вполне логично... Хотя, может, чересчур рационально".

Кроме того, Аннет нравилась Чаку. Он чувствовал, что найдет с ней общий язык. А раз существует Аннет, то на Луне должны найтись ей подобные. Не сразу, конечно. Со временем... Он подождет. А пока займется обустройством нового поселения. Ведь у него сложились неплохие отношения с парским делегатом Габриэлем Бэйнсом. Через него можно наладить связь с другими кланами. Исключая, естественно, манов, и этих вонючих индивидуумов - гебов, вроде "святого" Игнатия Ледебура, у которого полностью отсутствует какая-либо ответственность в отношениях с противоположным полом.

- Мне плохо, - дрожащим голосом проговорила Мэри. - Чак, ты будешь навещать меня в Коттон Мэтр? Я не вынесу долго одна, среди депов...

- Ты же сказала...

- Мне нельзя возвращаться на Землю, раз я больна. Если уж обычное тестирование выявило глубокую депрессию, то об этом не может быть и речи.

- Конечно, дорогая, - сказал Чак, - буду рад навесить тебя. - Он подумал, что первое время, скорее всего, ему придется часто бывать в других поселениях. Хотя бы потому, чтобы застраховаться от пророчества, которое высказал Строу.

- Когда я буду размножаться в следующий раз, - излучила липкая плесень, - нас станет много; некоторые, вероятно, захотят жить вместе с вами в Джефферсонбурге. На этот раз мы будем держаться подальше от горящих автомобилей.

- Отлично, - сказал Чак. - Приглашаю всех поселиться у меня. Буду очень рад.

Говард Строу цинично расхохотался. Никто, однако, не обратил на него, внимания. Строу пожал плечами и возобновил, свои наброски.

В небе продолжали реветь двигатели альфанских военных кораблей, опускающихся на поверхность Луны. Высадка альфанских сил вступила в завершающую фазу.

Чак Риттерсдорф встал и вышел из дома на крыльцо. Ночное небо озарялось сверкающими ракетными выхлопами. Чак закурил, глядя ввысь и прислушиваясь. Рев стихал, но в небе появлялись все новые светящиеся точки.

За спиной Чака открылась дверь; его жена, точнее, бывшая жена, вышла и, прикрыв за собой дверь, встала рядом. Некоторое время оба молчали, погруженные в собственные мысли.

- Чак, - наконец сказала Мэри, - нам необходимо сделать одно важное дело..., ты, наверно, еще не задумывался об этом... Но раз мы остаемся здесь, нам нужно каким-то образом привезти с Земли детей.

- Конечно, - кивнул Чак. Он уже размышлял об этом. Но стоит ли это делать? Зачем везти сюда детей - особенно Дебби, - и так уже долго подвергавшихся невротичному воздействию характера матери. Дебора такая восприимчивая, она, безусловно, со временем примет одну из линий поведения сумасшедшего большинства.

Выбросив сигарету, Чак обнял жену за талию, притянул к себе и поцеловал в лоб, наслаждаясь запахом ее волос.

- Хорошо, давай попробуем... Наши дети будут обучаться в здешней школе. Может быть, они станут образцом для остальных детей... Сделаем так, как ты хочешь.

- Ладно, - отрешенно отозвалась Мэри. - Чак, ты действительно думаешь, что у нас с тобой есть шанс? Выработать новую стратегию личных отношений? Я имею в виду, что нам необходимо

научиться переносить друг друга... Или опять придется перестреливаться?

- Не знаю, - честно признался Чак.

- Солги, пожалуйста. Скажи, что мы сможем найти общий язык.

- Сможем.

- Ты действительно так думаешь? Или лжешь?

- Я...

- Скажи, что не лжешь, - более настойчиво попросила Мэри.

- Я говорю правду, - произнес Чак. - Конечно, сможем. Мы еще молоды и совсем не такие непробиваемые, как пары или маны. Верно?

- Верно. - Помолчав, Мэри сказала:

- Ты совершенно уверен, что предпочитаешь эту девушку, Аннет Голдинг? А не меня? Отвечай честно.

- Я предпочитаю тебя. - И на этот раз он не лгал.

- А что ты думаешь насчет девицы, с которой вас заснял Альфонс? Джоанна..., как там ее? Ты же занимался с ней любовью.

- Все же я предпочитаю тебя.

- А почему, скажи мне? Я же больна и все такое...

- Не знаю, - Чак на самом деле не находил объяснения, да и не хотел искать.

- Желаю тебе удачи в новом поселении, - сказала Мэри. - Где будет жить один человек и десяток липких плесеней. - Она рассмеялась. - Приятное общество, не так ли? Да, я уверена, что нам надо привезти наших детей на Альф III M2. Я всегда считала, что..., ты знаешь. Что совершенно не похожа на своих пациентов. Они больные - я здоровая. Теперь же... - Мэри затихла.

- Без разницы, - закончил Чак мысль бывшей жены.

- Скажи, а у тебя не возникало подобного ощущения? Что ты совсем не такой, как я? Нет? Во всяком случае, тестирование показало, что ты абсолютно здоров, а я больна...

- Все зависит от точки зрения, - сказал Чак. Сначала он испытывал позыв к самоубийству, который вылился в желание отомстить жене (убить ее). Но в конце концов стандартный, проверенный на практике метод тестирования выдал для него положительный результат, в то время как у Мэри обнаружилось прямо противоположное... Какая тонкая грань! Мэри, он сам, а также любой обитатель Альфы III M2, включая заносчивого манского депутата Говарда Строу, балансировали на грани между нормой и сумасшествием - что является в принципе вполне естественным состоянием человека разумного. Надежда существует всегда, возможно даже, прости Господи, для гебов. Хотя, конечно, для обитателей Гандитауна она очень невелика.

"А какова для землян надежда не помешаться? - подумалось ему. - Для тех, кто только что эмигрировал сюда, на луну Альфа III M2?"

- Я решила, - хрипло объявила Мэри, - что я тебя люблю.

- Молодец, - довольный, согласился он. В голове Чака, резко прервав его хмурую задумчивость, возникли мысли липкой плесени:

- Извините, но как раз в эту минуту взаимных признаний и откровений я настаиваю, чтобы ваша жена выложила всю правду о своих отношениях с Банни Хентмэном. - Помолчав, плесень несколько поубавила требовательный тон:

- Может, я выразился не совсем точно, однако факт остается фактом... Ей так не терпелось пристроить вас на высокооплачиваемую работу... Однако подозрение в предательстве пало на моего отца.

- Я сама расскажу, - вмешалась Мэри.

- Давайте, - согласился ганимедянин. - Я умолкаю. Но оставлю за собой право вмешаться

снова, если вы упустите что-либо существенное.

Глубоко вздохнув, Мэри произнесла:

- Чак, у меня была очень короткая интрижка с Хентмэном. Перед отлетом с Земли. Вот, пожалуй и все.

- Нет, не все, - вставил ганимедянин.

- Вас интересуют подробности?! - воскликнула Мэри. - Я должна рассказывать, когда и где именно мы...

- Нет, не это. Важен другой аспект ваших взаимоотношений с господином Хентмэном.

- Хорошо, - задумчиво кивнула Мэри. - За эти четыре дня перед отлетом, - начала она, обращаясь к Чаку, - я рассказала Банни о своем предложении, которое основывалось на профессиональном опыте решения семейных проблем, а также на знании твоего характера, дорогой. Я выразила предположение, что если тебе не удастся покончить с собой, ты попытаешься меня убить. - Помолчав немного, она прибавила:

- Не знаю, зачем я рассказала ему об этом. Испугалась, наверное. Но мне очень хотелось поделиться с кем-то. Я ведь была с ним совсем недолго, понимаешь?

Значит, Джоанна была тут совершенно ни при чем. "Не нужно плохо думать о людях. Вот так, сразу, не разобравшись", - решил Чак.

Он не обвинял Мэри за ее поступок. Странно, что она вообще не пошла в полицию... Очевидно, что она говорила правду, когда сказала, что любит его. Она не стала добивать его во время глубочайшего кризиса.

- Может быть, здесь, на этой луне, у нас будут еще дети, - сказала Мэри. - Будем размножаться, словно липкие плесени... Пока нас не станет целый легион. - Она мягко рассмеялась и прижалась к нему в темноте, чего не делала, казалось, миллион лет.

На темном небе продолжали появляться все новые светящиеся точки; Чак и Мэри молчали, обдумывая способы, как сделать побольше детей.

- Ты любишь меня? - прошептала Мэри, приблизив губы к его уху.

- Да. - Чак постарался ответить как можно серьезнее; поверить в то, о чем сказал. - Ой! - невольно вырвалось у него. Потому что Мэри, без предупреждения, укусила его за мочку уха.

"На этот счет есть какая-то примета", - подумал Чак. Однако плохая или хорошая, он никак не мог вспомнить.